

УДК 327
ББК 66.4
Е 22

*Рекомендовано к печати Ученым Советом
Казахстанского института стратегических исследований
при Президенте РК*

Редакционная коллегия:

Б.К. Султанов (ответственный редактор),
Петер Линке, С.Г. Лузянин, Л.М. Музапарова,
Л.Р. Каратаева, К.Д. Исаев,
А.А. Морозов (ответственный за выпуск)

Е 22 Европейский Союз — Казахстан — Россия: перспективы сотрудничества с Китаем: Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (г. Алматы, 21 июня 2011 г.) / Отв. ред. Б.К. Султанов. — Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2011. — 228 с.

ISBN 978-601-7242-47-3

IV Международная научно-практическая конференция «Европейский Союз — Казахстан — Россия: перспективы сотрудничества с Китаем» (г. Алматы, 21 июня 2011 г.) была организована Казахстанским институтом стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Институтом Дальнего Востока Российской академии наук и Филиалом Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Российской Федерации.

В сборник включены доклады участников конференции, раскрывающие широкий спектр вопросов, касающихся перспектив сотрудничества Европейского Союза, Казахстана и России с Китаем в области политики и евро-азиатской безопасности, а также сотрудничества в торгово-экономической и энергетической сферах.

Издание предназначено для политологов, экспертов-международников, регионоведов, государственных служащих, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также широкого круга читателей, интересующихся современным развитием политико-экономического взаимодействия между Европейским Союзом, Казахстаном, Россией и Китаем.

УДК 327
ББК 66.4

© КИСИ при Президенте РК, 2011
© Институт Дальнего Востока
Российской академии наук, 2011
© Филиал Фонда Розы Люксембург
(ФРГ) в Российской Федерации, 2011

ISBN 978-601-7242-47-3

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово Б.К. Султанова 5

СЕКЦИЯ I СОВРЕМЕННЫЕ ТRENДЫ ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Дагмар Энкельманн

Центральноазиатская стратегия Европейского Союза:
настоящее и будущее 11

Соловьева А.С.

Роль гражданского общества в перспективах сотрудничества 16

Петер Линке

Актуальные проблемы гонки космических вооружений:
европейские, российские и китайские перспективы 21

Лузянин С.Г.

Евразийская безопасность: кооперация или конфликт интересов? 31

Сыроежкин К.Л.

Современные тренды безопасности в Центральной Азии 47

Евсеев В.В.

Состояние и перспективы российско-казахстанского
сотрудничества в военной сфере 57

Мальшева Д.Б.

Центральная Азия — Европейский Союз — Россия:
взаимодействие в сфере безопасности 67

Лаумулин М.Т.

Вероятные сценарии развития Казахстана в XXI в. 79

СЕКЦИЯ II ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Ли Синь

Десять лет экономического сотрудничества в рамках
Шанхайской организации сотрудничества:
достижения, проблемы и перспективы 99

Закиева Ж.К. Взаимодействие Казахстана с Россией, Китаем и Европейским Союзом в многостороннем формате	116
Додонов В.Ю. Перспективные направления многостороннего сотрудничества на евразийском пространстве в контексте стабилизации мировой финансовой системы	127
Карибджанов Е.С. Китай как новая экономическая сверхдержава	140
Лузянин С.Г. Европейский Союз — Россия — Центральная Азия — Китай: энергетические измерения. Возможны ли нефтегазовые компромиссы?	150
Чжу Сяньпин Развитие китайско-российского регионального экономического сотрудничества в бассейне реки Туманган	160
Ашимбаева А.Т. Некоторые аспекты взаимодействия Казахстана и Китая в сфере торговли	170
Арупов А.А. Таможенный союз Белоруссии, Казахстана, России и перспективы регионального сотрудничества	177
Егоров О.И. Участие нефтегазового комплекса Казахстана в интеграционных процессах	195
Мовкебаева Г.А. Энергетическая дипломатия Европейского Союза в Центральной Азии и Республике Казахстан: приоритеты сотрудничества	207
Сведения об авторах	218
ҚСЗИ туралы ақпарат	220
Информация о КИСИ	222
Information about the KazISS	224

**Приветственное слово
директора КИСИ при Президенте РК
Б.К. Султанова**

Уважаемые дамы и господа!
Дорогие коллеги, друзья!

Разрешите от имени организаторов сердечно приветствовать вас за участие в сегодняшнем форуме. Тема нынешнего форума представляется нам весьма актуальной. На прошедших в 2008, 2009, 2010 гг. трех форумах мы говорили о необходимости взаимовыгодного сотрудничества на пространстве Евросоюза, России и Казахстана и пришли к полному согласию по этому вопросу.

Но жизнь не стоит на месте. На нынешней конференции мы попытаемся обсудить возможность сотрудничества, как мне кажется, трех уже устоявшихся партнеров (Евросоюза, России и Казахстана) с Китаем.

Как вы знаете, в стадии реализации находятся трансконтинентальные коммуникационные проекты: автомагистраль «Западная Европа — Западный Китай» протяженностью 8 700 км, проходящая через территорию России и Казахстана, а также железные дороги, трубопроводные сети. Перспективной является казахстанская инициатива о создании целостной евразийской системы трубопроводов и линий электропередач.

По-прежнему одной из важнейших проблем на евразийском пространстве является борьба с терроризмом, религиозным экстремизмом, сепаратизмом, а также наркотрафиком. Пользуясь присутствием экспертов из Евросоюза, России и других зарубежных стран, хотелось бы обратить внимание на слова Главы Казахстана о том, что истоки глобального наркосиндиката находятся далеко за пределами Афганиста-

на, поэтому необходимо провести международное расследование и «привлечь к ответственности все организации и персоны, принимающие участие в этом преступлении против человечества» [1].

Уважаемые коллеги!

На прошлой неделе г-жа Дагмар Энкельманн, депутат Германского бундестага, являющаяся председателем парламентской группы «Германия — Центральная Азия», во главе парламентской делегации ФРГ посетила Таджикистан. По информации радиостанции «Дойче Велле», Д. Энкельманн отметила, что развитие стран Центральной Азии идет не в сторону сплоченности, а в сторону отделения друг от друга. По мнению парламентария, есть ряд вопросов, которые можно решить только вместе — это проблемы водного менеджмента, энергетики, продовольствия. В частности, по словам Д. Энкельманн, «наша задача в Германии состоит в том, чтобы больше внимания уделять вопросам межгосударственного сотрудничества в Центральной Азии. Может быть, мы должны поставить вопрос финансовых вливаний в экономику государств Центральной Азии в зависимость от реализации наднациональных проектов» [2].

Мы поддерживаем такой подход Германии. Как известно, Казахстан на протяжении ряда лет инициирует создание интеграционных объединений в Центральной Азии, поскольку перед странами региона все отчетливее встают проблемы, требующие совместного решения. К сожалению, деятельность созданных региональных структур — Центральноазиатский союз (ЦАС), 1994 г.; Центральноазиатский экономический форум (ЦАЭС), 2001 г.; Организация центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС), 2002 г. — не привела к каким-либо позитивным результатам. 18 февраля 2005 г. Ка-

захстан выступил с новой инициативой — создать Союз центральноазиатских государств (СЦАГ). Но и это предложение «повисло в воздухе».

Таким образом, несмотря на неоднократно декларируемые заявления лидеров стран Центральной Азии о заинтересованности в совместном решении проблем региона, практической реализации интеграции пока не наблюдается.

Необходимость центральноазиатской интеграции диктуется следующими факторами:

1. Нарастание новых вызовов и угроз — международного терроризма, религиозного экстремизма, наркотрафика, нелегального оборота оружия, международной преступности, носящих трансграничный характер, а потому требующих согласованной борьбы с ними. Особую озабоченность всех центральноазиатских государств вызывает ситуация в Афганистане.

2. Ресурсная взаимозависимость экономик и необходимость объединения водно-энергетических ресурсов. В течение десятилетий в регионе функционировала единая энергосистема с доминирующей ролью гидроэнергетики Киргизии и Таджикистана и газоснабжения, основными поставщиками которого были Туркменистан и Узбекистан.

3. Необходимость обеспечения продовольственной безопасности, заинтересованность в первую очередь во взаимных поставках важнейших видов сельскохозяйственного сырья и продовольствия, преимущественно зерновых культур и плодовоовощной продукции.

4. Целесообразность создания единой транспортно-коммуникационной системы с последующим совместным использованием транзитного потенциала.

5. Углубляющаяся экологическая неустойчивость.

6. Совместное и рациональное водопользование трансграничных рек. Решение этой проблемы приведет к устойчи-

вому развитию региона, поскольку от справедливого распределения и эффективного использования водных ресурсов во многом зависит социально-экономическое и экологическое благополучие государств региона.

7. Необходимость урегулирования спорных территориально-пограничных проблем.

В то же время нельзя закрывать глаза на факторы, препятствующие региональной интеграции:

1. Разница уровней социально-экономического развития и моделей экономической модернизации.

2. Неразвитость инфраструктуры и слабость хозяйственных связей.

3. Амбициозность политических элит, приоритетность сиюминутных интересов и разнонаправленность политической модернизации.

Страны Центральной Азии действительно сильно отличаются друг от друга. Так, руководство Казахстана ставит перед собой задачу вхождения в число пятидесяти экономически развитых стран мира. В этих целях с 2010 г. осуществляется Программа форсированного индустриально-инновационного развития страны. Внутренний валовой продукт (ВВП) на душу населения в Казахстане в январе 2011 г. достиг 9 тысяч долларов США, а золотовалютные резервы страны превысили 60 миллиардов долларов США.

В то же время правительства других стран Центральной Азии озабочены решением острейших социально-экономических проблем, связанных с обузданием безработицы, инфляции, снабжением своих граждан продуктами питания, питьевой водой. Так, депутат Германского бундестага от фракции «Союз-90/Зеленые» г-жа Корнелия Бем, подводя итоги поездки в Таджикистан, пришла к выводу, что власти Таджикистана должны сделать все, чтобы население без ограничений получало электроэнергию, а дети могли учиться

ся. Это, считает германский парламентарий, является основой для того, чтобы жители работали в своей стране, а не выезжали в поисках работы в Россию. Другой важнейшей проблемой в Таджикистане, полагает К. Бем, является отсутствие доступа большинства жителей страны к качественной питьевой воде [3].

В этих условиях Германия и страны Европейского Союза оказывают значительную финансовую и гуманитарную помощь бедным странам региона. Так, ФРГ выделила грант в размере 5 миллионов евро на реконструкцию Мургабской ГЭС и в дальнейшем предоставит 25 миллионов евро на реконструкцию Нурекской ГЭС. Рассматривается также возможность поддержки строительства Рогунской ГЭС [4].

Евросоюз оказывает значительную финансовую помощь Киргизии. В период с 1991 по 2011 г. Брюссель предоставил Бишкеку 300 миллионов долларов США на социально-экономическое развитие, поддержку государственной и административной реформ, сотрудничество в сфере энергетики и транспорта, экологии, образования, безопасности и стабильности. В 2011 г. Евросоюз готов выделить Киргизии макрофинансовую помощь в размере 30 миллионов евро (15 миллионов евро — в декабре этого года, еще 15 миллионов — в 2012 г.).

Но помощь ЕС не всегда приносит результат из-за коррупции и бюрократии. По мнению представителей киргизских НПО, жители Киргизии не видят результатов реализации проектов, поскольку «именно коррупция съедает львиную долю помощи ЕС» [5].

Уважаемые дамы и господа!

Проведение конференций, «круглых столов» и других форумов имеет главной задачей объективное и конструктивное

обсуждение актуальных проблем, представляющих взаимный интерес, а также открытый обмен мнениями ведущих отечественных и зарубежных экспертов, то есть ознакомление с идеями, первыми прикидками и подходами, которые появятся в печати лишь через некоторое время.

Поэтому мы призываем участников конференции, во-первых, не забыть сдать тексты своих научных докладов в секретариат форума — для последующего издания сборника материалов нынешней конференции, во-вторых, в своих выступлениях сосредоточиться на главном — прогнозных оценках возможных направлений торгово-экономического и политического сотрудничества между Евросоюзом, Казахстаном, Россией и Китаем в ближайшие 5—10 лет и, в-третьих, предложить практические рекомендации для правительственных и неправительственных структур заинтересованных организаций.

Надеюсь, у нас сегодня состоится продуктивный и перспективный разговор, логичным следствием которого могло бы быть проведение в следующем году очередной V Международной конференции уже с участием Китая в формате четырех соорганизаторов и партнеров.

Спасибо за внимание и разрешите пожелать нам всем сегодня успешной и продуктивной работы.

Литература

1. Назарбаев Н.А. Выступление на саммите ШОС в Астане 15 июня 2011 г. // <http://akorda.kz/ru>.
2. Немецкие парламентарии открыли для себя Таджикистан // <http://dw-world.de/dw/article>. — 2011, 18 июня.
3. Там же.
4. Там же.
5. Эффективной помощи Евросоюза в Киргизии мешает коррупция // <http://dw-world.de/dw/article>. — 2011, 13 июня.

СЕКЦИЯ I СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Центральноазиатская стратегия Европейского Союза: настоящее и будущее

Дагмар Энкельманн

Многоуважаемые дамы и господа!

Позвольте сердечно поблагодарить за приглашение на конференцию. Будучи заместителем председателя Фонда имени Розы Люксембург, я также могу считать себя приглашающей стороной.

Конференция является для меня завершением поездки делегации парламентской группы «Германия — Центральная Азия» бундестага.

За последние дни члены делегации провели много бесед в Таджикистане и Казахстане с представителями правительств, парламентов, гражданского общества и германских организаций сотрудничества по развитию. При этом обсуждалось много важных вопросов, но также речь шла о вопросах, связанных с продвижением Стратегии Европейского Союза в Центральной Азии.

Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии была принята в 2007 г. под председательством Федерального канцлера Германии Ангелы Меркель.

Одновременно в поле зрения находятся растущее европолитическое значение Центральной Азии и геостратегическое положение региона по соседству с Афганистаном. В соответствии с этим сформулированы и стратегические цели:

Во-первых, речь идет об устойчивом долгосрочном сотрудничестве со всеми государствами Центральной Азии, с ориентацией на такие ценности, как права человека, демократия и правовая государственность.

Во-вторых, следующая цель состоит в подъеме жизненных стандартов, в особенности в организации медицинского обслуживания, уменьшении бедности и создании перспективной системы образования.

В-третьих, оказывается поддержка экономическим реформам, разрабатываются партнерские соглашения о кооперации, о торговле и мероприятия по менеджменту окружающей среды, защите климата и энергоснабжению.

Германия является до сих пор единственной страной Европейского Союза, имеющей свои посольства во всех пяти государствах Центральной Азии.

Активно работают политические фонды, Институт Гёте и экологические фонды, такие, например, как фонд имени Михаэля Зуккова — к сожалению, фонд имени Розы Люксембург осуществляет свою деятельность только из Москвы.

Кроме того, действует Германское общество по международному сотрудничеству (GIZ) и другие германские организации сотрудничества по развитию.

Каково же положение с реализацией центральных направлений Стратегии?

Были предприняты первые положительные шаги, которые следует продолжать и далее. Однако отчет о работе, проделанной за 2010 г. в рамках продвижения Стратегии Европейского Союза в Центральной Азии, продемонстрировал ряд дефицитов.

Так, с одной стороны, следует отметить прогресс в деле демократии и прав человека, в частности, в Таджикистане был создан институт общественного омбудсмана, то есть

уполномоченного по правам человека, а в Казахстане была конституционно закреплена многопартийная система.

Однако необходимо и далее углублять диалог в этой области. Я говорю это не для того, чтобы поучать вас, руководствуясь в качестве масштаба западноевропейской моделью. Речь идет о диалоге в смысле сопровождения процессов трансформации в данном регионе и оказания поддержки проектам гражданского общества. Речь не идет о «миссии», заключающейся в том, чтобы нести в Центральную Азию демократию и прогресс.

Центральный, решающий вопрос, вокруг которого все вертится, гласит: «А достаточно ли мы учитываем при этом конкретные условия, существующие в разных странах?».

Так, например, таджикское общество страдает от травм, нанесенных ему во время Гражданской войны в середине 1990-х гг.

Уместно задать вопрос: «А достаточно ли мы учитываем историческое развитие?».

Страны Центральной Азии являются сравнительно молодыми государствами, ставшими независимыми лишь двадцать лет назад, и отсюда у них есть стремление способствовать своему национальному, самостоятельному развитию.

Насколько реально сегодня требование о соблюдении гармонии и сотрудничества между государствами?

В этом отношении со стороны ЕС было слишком много ожиданий. Скорее всего, все будет продвигаться вперед шаг за шагом, то есть с помощью осуществления малых совместных проектов. Таким примером служит совместное соглашение о решении проблемы Аральского моря.

С позиции Евросоюза мы рассматриваем Центральную Азию как слишком гомогенный по своему развитию регион и упускаем из виду значительные различия, как, например, между Таджикистаном и Казахстаном.

Один из участников дискуссии остро подметил, что регулирующий механизм Стратегии ЕС по Центральной Азии хорош, но его реализуемость выглядит так, как если бы во время Тридцатилетней войны кому-либо пришло в голову создать Европейский Союз.

Я полностью разделяю эту оценку. Но факт остается фактом: почти нет движения вперед по таким межгосударственным кооперативным проектам, как водный менеджмент, энергоснабжение и обеспечение продуктами питания. Можно отметить лишь частичные важные успехи, которые следует закрепить.

Уважаемые дамы и господа!

Важным пунктом является развитие системы образования.

Большой поддержки заслуживает расширение кооперативной системы профессионального обучения, например в Казахстане.

Заслуживает похвалы студенческий обмен, в частности, Международные парламентские стипендии бундестага, высших школ, работа Казахстанско-Немецкого университета, а также деятельность школ-партнеров.

Похвально и осуществление ряда исследовательских проектов. Но израсходованные на эти цели 1,7 миллиона евро вовсе не достаточны.

Положительными в смысле их модельного характера являются, кроме того, проекты в сфере экологии/водного менеджмента и устойчивого землепользования.

Каковы же перспективы сотрудничества?

Принятие Стратегии Европейского Союза в Центральной Азии в 2007 г. пробудило большие ожидания. Эти ожидания не оправдали себя в том виде, как это представлялось.

Прежде всего, необходимо создать важные предпосылки в самих государствах, а именно, демократические структуры, прозрачность и безопасность. Для этого необходимо предложить конкретные проекты по сотрудничеству в развитии с ориентацией на реальные потребности государств. Европейский Союз мог бы играть при этом роль своего рода модератора в процессе развития межгосударственного сотрудничества и должен четко форсировать кооперацию, экономические отношения, торговлю и обмен технологиями. Таким путем можно также внести вклад в экономические реформы и в мирное, плодотворное сотрудничество между народами.

Эти отношения я представляю себе вовсе не односторонними, ведь Казахстан — это не просто поставщик сырья. Если отношения между Европейским Союзом и Центральной Азией не будут взаимовыгодны, они не будут иметь никаких шансов!

Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии будет в будущем успешной лишь в том случае, если:

- государства Центральной Азии будут рассматриваться как равноправные партнеры;
- основные направления Стратегии будут подкреплены конкретными проектами и их устойчивой реализацией;
- в пяти государствах удастся сформировать политическую волю к региональному сотрудничеству, и если с этой целью будут значительно пополнены финансовые и кадровые ресурсы ЕС, то, соответственно, и стран — членов ЕС.

Европейский Союз должен в конечном итоге последовательно и от чистого сердца встать на сторону Центральной Азии.

Благодарю за внимание!

Роль гражданского общества в перспективах сотрудничества

Соловьева А.С.

Евразийская доктрина, исходящая из смелой и неординарной идеи Президента нашей страны Н.А. Назарбаева, позволила сформировать кардинально новое геополитическое пространство, в котором пересекаются интересы ряда крупных держав и различные сферы международной жизни.

Подтверждением этой тенденции является и название сегодняшней конференции, в которой отражен активный процесс трансформации Азии в регион, требующий соблюдения баланса мировых сил и особого фокуса для эффективного сотрудничества по всей обозначенной цепочке стран. В этом контексте, безусловно, безопасность выходит на первый план и представляет собой ключевую позицию для осуществления возможности по полноценному взаимодействию.

Казахстан, располагающийся в регионе Центральной Азии с полным осознанием своей значимости в нем, выстроил свою внешнеполитическую стратегию на основе многовекторности, которая, по словам Президента РК, вбирает в себя «развитие дружественных и предсказуемых отношений со всеми государствами и представляющими для нашей страны практический интерес». Далее он обозначил, что Казахстан «не вправе замыкаться на узкорегиональных проблемах» и будущее нашей страны «и в Азии, и в Европе, и на Востоке, и на Западе». В этой связи инициатива по проведению саммита ОБСЕ в Астане вызывает неподдельное восхищение по разумной расстановке приоритетов сотрудничества во благо безопасности:

Во-первых, Казахстану удалось объединить все страны — члены ОБСЕ Евро-Атлантического и Евразийского регионов без разделительных линий, несмотря на существующие

конфликты, сферы влияния и зоны с различными уровнями безопасности.

Во-вторых, подтвердить намерение сотрудничать в реализации всеобъемлющих ценностей и изнутри отдать должное неделимости сообщества на общей территории ОБСЕ, а также выработать подходы, способные противостоять вызовам XXI в.

В-третьих, впервые бывшая советская центральноазиатская республика практически настояла на необходимости проведения саммита в регионе, являющемся ключевым для безопасности стран — участников ОБСЕ, и, используя эту отличную возможность, успешно ее реализовала.

Резюмируя текст памятной Астанинской декларации «Навстречу сообществу безопасности», невольно вспоминается знаменитое стихотворение Киплинга из «Баллады о Востоке и Западе», где утверждается, что «Запад есть Запад», а «Восток есть Восток», с присущими им социальными и культурно-историческими корнями, не похожими друг на друга, то есть «с мест они не сойдут».

Однако эти представления оказываются глубоко вторичными, если происходят конфликты и столкновения, когда могут меняться структурные конструкции геополитической реальности мира в чьих-то интересах, желаниях и устремлениях. В результате это может привести к тому, что «нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род...». Поэтому подтверждение полной приверженности Уставу ООН и всем нормам, принципам и обязательствам ОБСЕ, начиная от Хельсинкского заключительного акта, Парижской хартии и Хартии европейской безопасности и заканчивая всеми остальными принятыми документами, является свидетельством того, что у нас есть шанс не оказаться «лицом к лицу у края земли» подобно героям знаменитой книги. Только добросовестность в выполнении стандартов, касающихся

человеческого измерения, согласно декларации, остается неизблемым, неотчуждаемым и неотъемлемым достоинством человека, его прав и основных свобод, а их защита и продвижение придают ключевой характер всеобъемлющей безопасности во всех трех ее измерениях.

Дух Астанинского итогового документа пронизан категорическим и безотзывным заявлением, что обязательства, принятые в рамках гуманитарной корзины, являются вопросом непосредственной и законной важности для всех стран — членов ОБСЕ. Оценка важной роли гражданского общества и свободных СМИ в содействии с обеспечением полного соблюдения ценностей мирового сообщества значительно усиливает их влияние и вдохновляет на новую работу. Казахстанские НПО своей активностью и инициативой продемонстрировали высокий прогресс и качественный рост, поскольку именно эти параметры являются индикатором демократического развития страны. Положительные и позитивные отклики международных и местных организаций, включающих как правительства, так и участников гражданского общества, подтвердили высокий уровень обсуждения этой корзины в период председательства Казахстана в ОБСЕ.

На пленарных заседаниях Совещания рассматривались как успехи государств-членов, так и недостатки по ситуации в 56 странах, а также важные тематические вопросы в контексте перспектив на будущее. БДИЧ ОБСЕ, являясь основным институтом по демократии и правам человека, каждую осень в течение десяти лет организует крупнейшую в Европе конференцию.

Подобный формат приемлем и для наших стран, поскольку существенная особенность этого Совещания состоит в том, что оно открыто для участия НПО, где страны-участники обсуждают выполнение обязательств, посвященных человеческому измерению, принятых путем консенсуса. Гумани-

тарное измерение в терминологии международных документов используется для набора норм и видов деятельности по осуществлению и соблюдению взятой на себя ответственности, поскольку она не предусматривает никаких уклонений и ссылок на внутренние обстоятельства.

Участие НПО в подобных форумах на равных с представительствами правительств обогащает дискуссию, так как по сравнению с ними участники гражданского общества не столь ограничены в возможности высказывать неудобные мнения. Это преимущество позволяет Совещанию достичь поставленных целей и задач, стать более актуальным и конструктивным при обмене мнениями и наполнить его качественным содержанием. В рамках его проведения НПО предоставляется трибуна, чтобы быть услышанным международной аудиторией, особенно в тех странах, где их деятельность еще стеснена. Безусловно, НПО в полной мере используют свой шанс, чтобы напомнить собственным правительствам об их обязанностях.

Выбранные темы в повестке дня должны включать вопросы НПО для более глубокого изучения и выделения проблем, а также обеспечения открытого их обсуждения с целью создания атмосферы дискуссий в виде дополнительных площадок, не ограниченных только этими темами. Наряду с проведением данных мероприятий, которые должны стать традиционными, отличительной особенностью для сотрудничества в контексте заявленной темы является создание уникальной возможности встретиться практически у себя дома и активно обсудить существующие, а также возникающие проблемы с членами делегаций Европы и Азии. По результатам должен выработаться документ, отражающий позиции участников гражданского общества с акцентом и фокусом на решение конкретных проблем с соблюдением права на спокойную и стабильную жизнь. Продуманные процедуры в виде допол-

нительных встреч, обмена идеями и налаживания связей в области человеческого измерения получают новый импульс, способствующий усилению кулуарной активности НПО и повышению эффективности сотрудничества.

Ратификация целой серии последовательных документов ОБСЕ, принятых посредством консенсуса на последующих встречах, исходя из конкретной политической обстановки, атмосферы и контекста, позволит создать гибкий инструмент для придания динамичности и постоянства процессу сотрудничества. Имеющийся европейский опыт взаимодействия позволит в совокупности сформировать «ценности», главными ориентирами в которых станет целый ряд уже существующих, дополненных взглядом из Азии. Важно, что они должны опираться один на другой и с принятием новых старые не должны терять своей актуальности, а их структура следовать определенной логике.

В рамках этих взаимоотношений важно снижать разрыв в уровне правовой грамотности в наших странах для достижения определенного баланса в политической и гражданской культуре, напрямую зависящих от материального уровня населения. Какие меры необходимо предпринять для полного понимания и единого восприятия всеобъемлющих ценностей? Безусловно, это множество проблем, которые необходимо решать странам Азии, включая доступ к чистой питьевой воде, информации, достойное жилье, противодействие коррупции, внедрение механизмов прозрачности и местного самоуправления и мн. др.

В настоящее время в первую очередь необходимо определение первоочередных и перспективных задач, а также тактики и стратегии по обеспечению их приоритета с участием институтов гражданского общества, с приданием динамики, адекватной экономическому развитию и отражающей реальные потребности людей в наших странах.

Актуальные проблемы гонки космических вооружений: европейские, российские и китайские перспективы

Петер Линке

Все попытки создать многополярный мир на руинах биполярной системы второй половины XX в. значимых результатов пока не принесли. Обращает на себя внимание, пожалуй, лишь один такой результат: гонка вооружений, продолжающаяся на суше и море, распространилась еще и на космическое пространство. В настоящее время в космической деятельности участвует более 125 стран во главе с небольшой группой государств, уже действующих или потенциальных космических держав. Помимо США, это Россия, Китай, Франция, Германия, Великобритания, а также Индия и Япония. По расчетам известных российских аналитиков Алексея Арбатова и Владимира Дворкина, «в околоземном пространстве функционирует около 780 космических аппаратов, из них 425 принадлежат США, 102 — России, 22 — КНР. К 2015 г. количественный состав орбитальных группировок возрастет более чем на 400 спутников» [1].

40% ныне действующих космических систем оцениваются как военные, и подавляющее число принадлежит, разумеется, США. Особых перемен здесь не предвидится, скорее наоборот. Несмотря на дискуссии в самих Соединенных Штатах о сокращении ассигнований на военный космос, Пентагон, как ожидается, потратит в 2011 г. 4,2 млрд долл. США на закупки и 4,1 млрд — на НИОКР. По экспертным оценкам, доля США на глобальном рынке военных спутников составит в ближайшие десять лет 77%, на втором месте (с большим отрывом) — Европа (9,3% продаж). Россия и Китай тоже вряд ли будут сидеть сложа руки. Что касается Азии

в целом, то к 2020 г. она, судя по всему, Европу обгонит и ее доля на этом рынке составит 12,5% [2].

То что американцы не собираются отказываться от своей доминирующей роли и в будущем даже будут ее наращивать, доказывает новая Национальная космическая политика США [3] президента Обамы от июня 2010 г. Признаем, что там сформулированы высокие и благородные цели (говорить о них сейчас не буду за недостатком времени). Присущий ей дух международного сотрудничества, как пишут эксперты, отличает эту программу от предыдущей (Джорджа Буша, 2006 г.), за что она получила самые позитивные отклики.

Но при более внимательном рассмотрении от этого духа сотрудничества мало что остается. Наоборот, в программе явно прослеживается традиционная для американцев линия на протекционизм. Там по-прежнему содержится жесткое условие перевозки правительственных грузов только национальными средствами доставки. Кроме того, многие вопросы остаются без ответа, например, о возможном ослаблении ограничений экспорта технологий космического назначения. Непонятно также, готовы ли американцы к международному сотрудничеству в рамках возможной миссии на Марс. В новой программе опять же ничего не говорится об их готовности искать компромисс по ограничению применения кинетического оружия против космических объектов.

На таком фоне призывы к международному сотрудничеству являются лишь средством для достижения прежней цели — сохранить стратегическое доминирование США в гражданском и военном космосе. Что касается последнего, то ключевое значение имеет вопрос противоракетной обороны. Ошибаются те, кто видит в политике Обамы попытку принципиально скорректировать политику его предшественника или даже отойти от противоракетной философии. Нынешний президент США никогда не был в оппозиции идее

противоракетной обороны, он и его советники лишь пытаются придать ей более гибкий и динамичный характер, усилить ее многослойность и тем самым глобальную эффективность.

Уже сегодня США располагают 30 ракетами-перехватчиками наземного базирования на Аляске и в Калифорнии, направленными против баллистических ракет дальнего действия. Кроме того, они держат в боевой готовности 18 противоракетных систем перехвата морского базирования «Иджис» (Aegis), в частности в Японском море, для отражения ракетных атак малой и средней дальности [4]. В настоящее время идут совместные с ближайшим союзником в Азии, Токио наземные и летные испытания модифицированных систем «Иджис» с ракетами «Стандарт-3».

С 2004 г., также совместно с японцами, США разрабатывают новую ракету-перехватчик SM-3 Block IIa. Надо сказать, что в области ПРО американцы не ограничиваются военно-техническим сотрудничеством с Японией, но и стремятся подключить Австралию и Южную Корею. Уже сейчас создаются все условия для того, чтобы вновь создаваемые технологии как можно раньше передавались союзникам на Западе [5]. Таким образом, военно-техническое доминирование США будет обеспечиваться и в Европе на годы вперед.

Помимо ПРО, американцы интенсивно продвигают проект создания системы поражения из космоса объектов на Земле в виде аппарата космического базирования (SBGV — Space-Based Gliding Vehicle). В 2010 г. прошло успешное долгосрочное испытание очередной версии такой системы — «Икс-37Б» (X-37B — компактного беспилотного авиакосмического шаттла) [6].

О целях и конечном назначении такой системы американцы не особо распространяются, открывая поле для спекуляций. Но нельзя не согласиться с Константином Богдановым, что «линия на развитие таких орбитальных систем уж очень

удачно вписывается в принятую совсем недавно концепцию развития американского Стратегического командования «Мгновенный глобальный удар» (Prompt Global Strike).

Его основная идея: «Иметь возможность для нанесения удара по любой точке планеты в течение 60 минут с момента принятия решения» [7]. Как дальше пишет российский специалист, «вместе с проектированием в интересах Пентагона беспилотного аппарата, способного находиться на орбите минимум по полгода и нести полезную нагрузку невыясненного назначения, подобные разработки могут свидетельствовать о формировании в Соединенных Штатах научно-практического задела для создания ударных систем нового поколения. Называть Икс-37Б ударным космопланом несколько преждевременно, однако вслед за ним возможна и разработка более крупных воздушно-космических систем, способных нести “увесистые” средства поражения» [8].

Другими словами: и при Обаме американцы продолжают линию на создание единого воздушно-космического «поля боя», тем самым сильно расшатывают основы действующего международного космического права (кстати, аналогичную тенденцию можно наблюдать и относительно международного морского права как следствие попыток создать единое «поле боя» на суше и на воде). Для международной безопасности в целом это не сулит ничего хорошего.

Как все это влияет на поведение других космических держав? Начну с «ближнего зарубежья» — России. Конечно, там с недоверием следят за активностью США. Ввиду финансовых и технологических, а также организационных затруднений ей трудно что-то противопоставить заокеанским партнерам. Но дискуссии ведутся, в частности, на основе так называемой Концепции воздушно-космической обороны, утвержденной Президентом России еще в 2006 г. Кроме дискуссий, кое-что и реально делается.

По оценке российского военного специалиста Юрия Кнута, «начато создание глубоко интегрированной системы ВКО, включающей системы разведки и предупреждения о воздушно-космическом нападении, поражения и подавления сил и средств... Бригады оснащаются ЗРС С-400, а в ближайшей перспективе — С-500... Рассматривается вопрос о реанимации проекта противокосмической обороны на основе перехватчика МиГ-31... В рамках Единой системы ПВО СНГ началось формирование региональных зон ПВО — восточноевропейской (Россия и Белоруссия), кавказской (Россия и Армения) и центральноазиатской (Россия и Казахстан)» [9]. Москва также пытается в последнее время усиленно продвигать систему ГЛОНАСС, рассчитывая при этом на сотрудничество с другими странами, в частности с Индией [10].

Что касается Китая, то там (не в последнюю очередь под влиянием действий США) давно поняли стратегическое значение космоса как «поля боя» будущего. Соответственно, в Поднебесной ставится на дежурство все большее число коммуникационных, наблюдательных, навигационных и разведывательных спутников. В той мере, в которой Китай это делает, растет зависимость НОАК от космической составляющей, что объясняет его нервную реакцию на американскую активность в области создания противоспутниковых систем. Как пишет Бао Шисю, старший научный сотрудник Академии военных наук НОАК, «единственный возможный вывод заключается в том, что США в одностороннем порядке стараются монополизировать военное использование космоса в целях получения стратегического преимущества над другими» [11].

Какой выход из этой ситуации видят китайские специалисты? С одной стороны, речь идет о том, чтобы лучше защитить собственные спутники перед лицом возрастающей угрозы со стороны чужих противоспутниковых систем (например, при

помощи более прочных материалов, уменьшения эффективной отражающей поверхности, электромагнитной защиты, а также аренды иностранных спутников). С другой стороны, делается акцент на космическое сдерживание. Пэн Гуанцянь и Яо Ючжи считают в этой связи, что космическое сдерживание равноценно с другими видами стратегического сдерживания — в области ядерных, обычных вооружений, а также информации [12]. Хотя, как подчеркивает тот же Бао Шисю, у Китая пока нет ясной теории, на базе которой можно сформулировать контрмеры, но такая работа должна вестись [13].

И, наконец, о Европе. Рамки краткого выступления не позволяют остановиться на всех проблемах, противоречиях и интригах, имеющих место в этой сфере. Отмечу лишь, что (западно-) европейцы активно ищут свое место в военном космосе, самое позднее с 2005 г. Мотором такого поиска считается Франция. Еще в 2004 г. в конфиденциальных докладах на имя тогдашнего президента Ширака говорилось о реальной угрозе возникновения к 2020 г. невосполнимого отставания от США и других стран [14]. С тех пор Франция задает тон в дебатах, сильно влияет на повестку дня и очень часто занимает жесткую позицию в целях формирования общих подходов. Сейчас мы можем наблюдать это в ходе дискуссии о будущем европейской спутниковой системы навигации «Галилео», а также о европейской системе военной спутниковой разведки Muisis (Multinational Space-based Imaging System) [15].

Франция еще на ранней стадии предпочла не строить «стену» между мирным и военным космосом, обеспечив себе, таким образом, определенное преимущество. Но, с моей точки зрения, основная проблема не в таком разделении (ведь все системы имеют, в конце концов, дуальный характер), а в стремлении отдельных стран держаться за свои национальные программы освоения гражданского и военного космоса.

Это хорошо видно на примере разведывательных спутников: SARLupe (Германия), Helios (Франция), Cosmo-Skymed (Италия). Между Францией, Германией и Италией, правда, имеется соглашение об обмене данными, но в его основе лежат не политико-стратегические соображения, а финансово-фискальный резон.

Многие эксперты связывают надежды на преодоление такой национальной раздробленности с Лиссабонским договором 2007 г. Как подчеркивалось на состоявшейся в октябре 2010 г. конференции в Брюсселе, посвященной Европе и космической безопасности, организованной Французским институтом международных отношений (IFRI), «...Лиссабонский договор стал вехой в истории Европы и космоса, поскольку договор обеспечивает ЕС роль в формировании космической политики для Европы... Космические дела получают теперь политическое измерение в Брюсселе и становятся элементом развивающейся политической идентичности Европы» [16].

Речь при этом, конечно, не идет, по мнению участников настоящего форума, о конкуренции с Европейским космическим агентством, а о целесообразном разделении труда: ЕКА несет ответственность за технические аспекты, а ЕС отвечает за общий политический контекст. Практически это означает рост значения космического измерения «Совместной политики ЕС в области безопасности и обороны». Так, например, в последние годы серьезно повысился авторитет Спутникового центра ЕС в испанском Торрехоне (EUSC), что выразилось в осуществлении недавних миссий ЕС в Чаде, по борьбе с пиратством *Atalante*, а также мониторинговой операции в Грузии.

Французская роль в дальнейшей консолидации европейского военного космоса вряд ли станет сокращаться с учетом того факта, что в январе 2011 г. исполнительным директором

Европейского оборонного агентства (EDA) стала французка Клод-Франс Арнольд (Claude-France Arnould).

Какие выводы можно сделать из озвученного только что описания ситуации?

Первое, что напрашивается: и Евросоюзу, и России, и Китаю следовало бы отойти от присущего им реактивного подхода, прежде всего, конечно, с оглядкой на Соединенные Штаты. Несмотря на отчасти бурные дискуссии в этих космических державах (причислим к ним и ЕС), у внешнего наблюдателя может создаться впечатление, что они не вполне понимают, чего они там (в космосе) хотят. Изменить положение можно только одним способом: сформулировать всеобъемлющую концепцию национальной космической политики.

Почему бы не пофантазировать: может быть, эти страны будут консультироваться друг с другом в этой работе? Это могло бы, кстати, стать важной предпосылкой для разумного ограничения военной составляющей.

Второе. Существенный, на мой взгляд, ресурс имеется у России и Китая. Я имею в виду внесенный ими в 2008 г. проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (ДПРОК). Эта инициатива, которую трудно переоценить политически, имеет, однако, по мнению тех же Арбатова и Дворкина, существенные изъяны. Она, в частности, не охватывает важные виды ракетных вооружений, а также проблемы контроля [17]. К работе по совершенствованию этого проекта было бы целесообразно привлечь и европейцев, и другие потенциально заинтересованные страны, в частности Индию. Одним словом, возможности по продвижению инициативы и переубеждению «несогласных» здесь, конечно, немалые.

И, наконец, третье. В связи с российско-китайской инициативой Евросоюз выдвинул проект «Кодекс поведения в

космосе» (Code of Conduct for Outer Space Activities). За ним стояла попытка поиска компромисса между этой инициативой и отрицательной позицией США. Кодекс предусматривает целый ряд кооперационных механизмов с целью повышения прозрачности и взаимного доверия. Оставаясь весьма расплывчатым, он не претендует, однако, на то, чтобы быть сводом обязывающих принципов поведения. Как уже говорилось, Барак Обама претендует на новую открытость в международном космическом сотрудничестве, и было бы целесообразно конкретизировать в этом духе положения Кодекса.

Подводя итог, отмечу, что как раз в области космической безопасности будущее принадлежит транснациональным, совместным подходам. Было бы продуктивно использовать все имеющиеся форумы и площадки для такой деятельности. И снова вернусь к своей идее, уже высказанной в этом зале некоторое время назад: у Шанхайской организации сотрудничества (Астана только что передала председательство в нем Пекину) много места. Его хватит и для размещения энергетического клуба, и для других вещей, и, в частности, для клуба космического.

Литература

1. Алексей Арбатов, Владимир Дворкин. Появится ли новый ТВД уже над нашей планетой? Как предотвратить милитаризацию околоземного пространства // Военно-промышленный курьер (ВПК). — 2010, 29 сентября — 5 ноября. — №38 (354).
2. Programs, Budgets Challenge Military Space // Aviation Week. — 2011, February 3.
3. National Space Policy of the United States // Office of the President for the United States. — 2010, June 28.
4. Bruce Klingner. The Case for Comprehensive Missile Defense in Asia // The Heritage Foundation Backgrounder. — 2011, January 7. — No. 2506.

5. Defense Minister: Japan to OK missile exports // Asahi Shimbun. — 2011, June 5.
6. Алексей Арбатов, Владимир Дворкин. Указ. соч.
7. Константин Богданов. Мгновенный удар из околоракетного пространства // ВПК. — 2010, 22 декабря. — №50 (366).
8. Там же.
9. Юрий Кнутов. Единая ВКО России: политика и стратегия // ВПК. — 2010, 22 декабря. — №50 (366).
10. Russia, India ink agreement to share GLONASS signals // PTI. — 2010, December 21.
11. Michael S. Chase. Defense and Deterrence in China's Military Space Strategy // Jamestown China Brief. — 2011, March 25.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Michael A. Taverna. European Push for Military Space Gains Strength // Aviation Week. — 2005, May 1.
15. Peter B. de Selding. France Reluctant Yet Hopeful on Cooperative Military Space // Space News. — 2011, 5 April.
16. The Continuing Story of Europe and Space Security. A conference organized by Ifri and the Secure World Foundation. Brussels, October 4 and 5, 2010. — Paris, 2010, November.
17. Алексей Арбатов, Владимир Дворкин. Указ. соч.

Евразийская безопасность: кооперация или конфликт интересов?

Лузянин С.Г.

Постановка проблемы. Экспертные подходы

Понятие «евразийская безопасность» является комплексным и достаточно расплывчатым. Эксперты стран Запада, Центральной Азии, России и Китая вкладывают разное содержание и различные акценты на характер вызовов и угроз, роль сложившихся и складывающихся институтов и структур безопасности и пр. Часть западных экспертов воспринимают безопасность в Евразии в основном через призму двух явлений:

1. Необходимость расширения НАТО на восток, включая Евразию, неизбежность усиления позиций и развития проектов НАТО в странах Центральной Азии (Партнерство во имя мира и др.), попытки адаптации западной версии европейской ПРО к российским предложениям. Причем структуры ОДКБ и ШОС больше трактуются как чужеродные и конкурирующие с западными проектами организации.

2. Через нарастающий афганский вызов, который военными методами (как показывает практика) урегулировать нельзя. Следовательно, необходимы иные — политико-экономические подходы.

В странах Центральной Азии ведущие политологи и эксперты также много и плодотворно работают над данной проблемой. Ведущие специалисты Казахстана — директор Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК Б.К. Султанов и другие ученые разработали достаточно убедительную и стройную концеп-

цию «мягкого, комплексного... влияния» совещательного механизма СВМДА по очень широкому спектру и различным повесткам безопасности в Евразии, которая дополняет существующую договорную, более жесткую систему ОДКБ. Эксперты Узбекистана рассматривают вопрос урегулирования афганского кризиса через обновление модели «6+3», которая имеет как своих сторонников, так и противников.

В России (Г.И. Чуфрин, В.В. Наумкин, Д.Б. Малышева, И.Д. Звягельская, А. Власов, А.А. Куртов и мн. др.) имеют собственные подходы и дают свои интерпретации проблемам безопасности в регионе Центральной Азии и в Евразии в целом. Характерно, что многие согласны с идеей бесперспективности военного пути решения афганского вопроса.

Если рассматривать формально данную проблему с точки зрения неких общих границ Евразии, то есть подходить в широком регионально географическом плане, то, возможно, кроме анализа системы вызовов и угроз, существующих в зоне «Большой Центральной Азии» (Афганистан, Пакистан, Иран, 5 республик ЦА), сюда следовало бы включить и анализ противоречий и угроз части региона Северо-Восточной Азии, в том числе и корейский кризис, российско-японские проблемы и т.д., иначе говоря, рассматривать евразийские вопросы безопасности от Курил до Каспия. Формат выступления этого не позволяет, поэтому необходимо, видимо, сосредоточиться на «ядре» Евразия — Центральноазиатский регион.

Существует и еще одна новая проблема — возможность демонстрационного эффекта бунтующей арабской молодежи в Ливии, Египте, Сирии и других странах региона на отдельные страны Евразии. Какие страны потенциально подвержены этому влиянию — это отдельный вопрос, требующий специального анализа. Но теоретически его можно экстраполировать на любую ситуацию — от российской до китай-

ской, казахстанской, узбекской, таджикской, иранской и т.д. Другой вопрос — существуют ли объективные основы и деструктивные потенциалы в каждой из перечисленных стран? Вопрос, на который нужно отвечать конкретно по каждой стране, поскольку нет единого механизма или сценария «обрушения» существующей достаточно стабильной, несмотря на вызовы и угрозы, системы в Евразии.

Проект ОДКБ+ШОС. Заявка на стабильность

Наиболее сложным в формировании системы региональной безопасности является, с одной стороны, придание ей способности эффективно реагировать на самый широкий спектр угроз — от нетрадиционных вызовов до классических военных, а с другой — ненацеленность против какого-либо конкретного государства или группы государств.

Данному критерию отвечает складывающаяся на части территории Евразии «дихотомная система» региональной безопасности — связка ОДКБ — ШОС. Сегодня ее создание становится вполне реальным на основе Меморандума о взаимопонимании между секретариатами ОДКБ и ШОС от 2007 г. Основными «опорами» такой системы безопасности могли бы стать:

во-первых, союзнические отношения в рамках ОДКБ, предназначенной для совместной обороны стран — участников этого военно-политического союза, большинство из которых одновременно являются участниками и ШОС (первый радиус безопасности);

во-вторых, стратегическое партнерство в рамках ШОС, направленное на нейтрализацию более широкого круга угроз, в первую очередь нетрадиционных, и в более обширном районе, во взаимодействии с Индией, Пакистаном, Ираном и Афганистаном (второй радиус безопасности).

При этом обе «опоры», обладая тесными связями друг с другом, должны иметь возможность вести диалог с США и НАТО по вопросам, представляющим взаимный интерес, по крайней мере, во время военного присутствия последних в регионе. Кстати, об этом начинают говорить и на Западе.

С учетом тесной взаимосвязи экономики, политики и стратегии сегодня становится актуальным, наряду с интеграцией усилий ШОС и ОДКБ по противодействию существующим и перспективным вызовам и угрозам, их взаимодействие с ЕврАзЭС. Только при тесном сотрудничестве данных евразийских структур можно решить критические для большинства их участников задачи, а именно:

- обеспечить безопасность и стабильность на всем пространстве ШОС, а по сути, во всей Центральной Евразии;
- организовать единое экономическое и транспортно-логистическое пространство в этом регионе;
- создать единую инфраструктуру водного и энергетического обеспечения стран Центральной Азии для решения их критических проблем;
- способствовать трансформации Афганистана — нынешнего «экспортера» нестабильности, наркотиков и терроризма в качественно иное — единое и самодостаточное государство;
- не допустить создания в Центральной Азии внерегиональными акторами плацдарма для дестабилизации обстановки в странах региона, а также контроля ими Китая, Ирана и России из уязвимых для них тыловых районов;
- не допустить агрессии США или Израиля против Ирана как наблюдателя, а, возможно, и будущего участника ШОС.

Афганский вызов и безопасность в Евразии

Ситуация с войсковой операцией по уничтожению боевиков движения «Талибан» в Афганистане ухудшается, потери

среди военнослужащих западной коалиции растут, а будущее новой стратегии США в Афганистане все более туманно. В свете надвигающегося исхода американцев из Афганистана возникает вопрос: а что дальше? Мало кто верит в жизнеспособность нынешнего кабульского режима Карзая и что он, как Наджибулла, продержится хотя бы три года. Но вслед за его падением неизбежен распад страны. Северные провинции, населенные преимущественно узбеками и таджиками, не потерпят над собой владычества ультрарадикальных исламистов-пуштунов, в основном выходцев из Пакистана. Да и талибы делиться властью с ними всеми не будут. Сомнительно также, что афганцы сумеют просто так договориться между собой. Сегодня там не видно политических фигур, устраивающих всех.

Вполне вероятно и дестабилизация на значительных территориях Пакистана. Это очень опасно — он владеет ядерным оружием и 600-тысячной армией. Но даже если Пакистан и Афганистан удержатся, то это еще не гарантирует улучшения ситуации в регионе из-за нерешенного исторического конфликта между этими двумя странами. Здесь нужно иметь в виду обостряющуюся дилемму выбора между политикой укрепления «линии Дюранда» (восточные рубежи Афганистана, установленные Англией в 1893 г.) с перспективой создания двух пуштунских автономий, соответственно, на территории ИРА и ИРП и курсом на разрушение «линии Дюранда» с объединением пуштунского народа и созданием нового независимого государства Пуштунистан. Кабульские элиты не признают эту «линию» в качестве границы между Афганистаном и Пакистаном.

Нерешенность пограничного вопроса остается камнем преткновения в двусторонних отношениях. Ввиду открытости границы и возможности свободно перемещаться в обоих направлениях, афганские власти обвиняют пакистанских

коллег в умышленном попустительстве в деле инфильтрации боевиков на афганскую территорию, что, по их мнению, является одной из основных причин дестабилизации обстановки в Афганистане.

Таким образом, без решения пограничного вопроса между Кабулом и Исламабадом не исключается возможность вооруженного конфликта между ними. Некоторые эксперты полагают, что именно такая перспектива делает востребованными в Пакистане движения «Талибан» и «Аль-Каида».

Все это чревато распадом двух государств и возрождением планов создания «Великого Пуштунистана», а следовательно, полное фиаско операций антитеррористической коалиции НАТО и возвращение к власти талибов.

Предвидя такую возможность, госдепом США взамен Плана «А» от 2001 г. (т.н. «Несокрушимая свобода») предложен и обнародован План «Б». Его главная идея — расчленение Афганистана. При этом предусматривается отвод коалиционных войск с востока и юга страны в Северный Афганистан (при условии достижения договоренности с талибами о ненарушении новой границы). При этом «ВВС США и войска специальных операций остаются в стране на неопределенное время, чтобы поддерживать афганскую армию и правительство в Кабуле, не допуская захвата талибами севера и запада страны». Для этого, по расчетам, понадобится до 50 тысяч военнослужащих. Кроме того, США намерены «продолжать поставлять оружие, разведанные и оказывать иную помощь тем старейшинам местных племен (на юге), которые остаются противниками талибов. А ВС США сосредоточили бы усилия на защите северных и западных провинций Афганистана, где пуштуны не являются доминирующей силой, включая Кабул».

Представляется, что ни Китай, ни Индия, ни другие участники ШОС не заинтересованы в распаде афганского

или пакистанского государств и появлении фундаменталистских квазигосударственных образований на их территории. Это автоматически ведет к росту исламского радикализма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, индийском штате Джамму и Кашмир, а также в ряде государств Центральной Азии и на российском Северном Кавказе.

А пока что тенденция обострения обстановки в ИРА и СЗПП деструктивно повлияет на безопасность и стабильность во всех странах — членах ШОС. От активизировавшихся там террористических формирований и наркогруппировок исходят угрозы в следующих формах:

во-первых, предоставление убежища и финансовой помощи террористам, скрывающимся от преследования спецслужб и правоохранительных органов государств — членов ШОС;

во-вторых, организация подготовки боевиков из граждан стран ШОС в учебных центрах, располагающихся в ИРА и СЗПП, «обкатка» их в боевых действиях против коалиционных сил и последующее возвращение в места постоянного проживания для организации террористической деятельности;

в-третьих, наращивание потока наркотиков в наши страны и обострение других нетрадиционных источников трансграничных угроз.

Неконтролируемое развитие событий в соседних странах усугубит также проблемы внешней и внутренней безопасности Ирана. А фрагментация Пакистана ставит вопрос о будущем пакистанского ядерного оружия.

Наконец, нам нельзя не учитывать сложную обстановку, которая складывается в близлежащих от Центральной Азии регионах. Деструктивно способна повлиять на ситуацию в странах ШОС возможность «эффекта домино» на фоне кризисных явлений в Северной Африке и в соседнем Ближнем Востоке (Тунис, Ливия, Египет, Сирия, Иордания и т.д.).

Интересы Китая и его влияние на стратегическую ситуацию в регионе

Китайские эксперты считают, что на первый план выдвинулись следующие интересы Китая в Центральной Азии:

- развитие добрососедских и дружественных отношений со странами региона и предотвращение формирования в нем антикитайских сил;
- укрепление сотрудничества в области безопасности и усиление борьбы против «трех зол» как факторов обеспечения стабильности в СУАР;
- стимулирование процветания путем укрепления сотрудничества в энергетической, торгово-экономической и гуманитарной областях;
- обеспечение устойчивости властей в центральноазиатских государствах в целях предотвращения новых волнений в регионе;
- содействие развитию ШОС.

Эти направления деятельности Китая в Центральной Азии коррелируются с главной долгосрочной целью внешней политики Китая — создание условий для превращения государства в великую державу. В Пекине хорошо понимают неизбежность при ее реализации соперничества с США, что требует опоры на надежный и прочный «шосовский» тыл. Его укрепление в ближне- и среднесрочной перспективе становится приоритетной задачей региональной политики КНР.

Согласно китайской концепции, глобализация как общемировая интеграционная тенденция должна следовать за процессом регионализации, основываясь на предварительном создании жизнеспособных региональных объединений. К одному из таких объединений власти в Пекине относят ШОС, на пространстве которой, по мнению китайских по-

литологов, предполагается объединить государства сначала в экономическом, а в перспективе и в политическом плане. При этом они убеждены, что движение к интеграции предусматривает многосторонние механизмы взаимодействия при лидирующей роли Китая.

Существенное значение в формате ШОС Пекин придает сотрудничеству с Россией, которое призвано оказать противодействие доминированию США и создать основу для успешного выстраивания многополярной системы мироустройства. Эксперт Китайской академии современных международных отношений Дзи Джие считает, что, на фоне ослабления России и сокращения ее стратегического западного пространства из-за расширения НАТО на восток, а также укрепления американо-японского сотрудничества, «со стратегической точки зрения России необходим надежный партнер, который помог бы ей продолжать играть стратегическую роль в международном сообществе. Таким надежным партнером должен быть Китай, так как и Китай, и Россия естественным образом разделяют похожие идеи благодаря их схожему историческому опыту и современным стратегическим соображениям».

Не меньшее значение в Пекине придают и центральноазиатским партнерам по ШОС. Еще в 1994 г. премьер Госсовета КНР Ли Пэн в ходе визита в Ташкент назвал базовые предпосылки и основные направления развития китайско-центральноазиатских отношений: наличие у КНР и центральноазиатских государств общих интересов, что может составить основу дружественных отношений; ненаправленность сотрудничества КНР со странами региона против каких-либо третьих стран; отказ Китая от намерения конкурировать здесь с Россией; отсутствие у КНР корыстных интересов в отношении Центральной Азии, а также тот факт, что Китай не представляет собой угрозы для стран региона.

Основной сферой сотрудничества КНР со странами Центральной Азии, по мнению китайских экспертов, является экономическая. Именно в этой сфере наиболее выпукло проявляется значение региона для Китая и его возможность реализовать свои стратегические цели. Общий объем инвестиций китайских предприятий в пять центральноазиатских стран ШОС превысил 9 млрд долл. США. Основные инвестиции направляются в нефтегазовую отрасль, транспорт, телекоммуникации, электроэнергетику, химическую промышленность, строительные материалы, подрядные проекты, сельское хозяйство и переработку сельхозпродукции. К началу 2008 г. объем торговли Китая с этими странами приблизился к 60 млрд долл. США, что почти в четыре раза превышает аналогичный показатель на момент создания организации в 2001 г. При этом большая его доля приходится на Россию.

По мнению эксперта из Института США и Канады РАН С.М. Труша, самым крупным и геополитически наиболее значимым нефтяным проектом КНР является совместная разработка казахстанских месторождений и строительство нефтепровода «Казахстан — Синьцзян». Эту магистраль впоследствии предполагается провести через всю территорию страны с запада на восток, к восточным приморским провинциям. Первая ее очередь (Атасу — Алашанькоу) уже построена. В ходе официального визита в конце 2006 г. в Китай Президента Казахстана Н.А. Назарбаева рассматривались вопросы строительства второй очереди нефтепровода (Кенкияк — Атасу). Кроме того, обсуждалась возможность последующей прокладки параллельно ему и газопровода. Этим Казахстан существенно снизит свою зависимость от российских нефте- и газотранспортных сетей.

Не меньший интерес у китайцев вызывают энергетические возможности Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и

Туркменистана. Кстати, саммит ШОС 2006 г. в Душанбе обратил на себя внимание аналитиков тем, что Россия с Казахстаном стали более ревностно относиться к экономической активности Китая в Центральной Азии. При этом Россия объявила о желании объединить в рамках ШОС ряд энергетических проектов, включая атомную их составляющую, а также участвовать в создании магистральных энергосетей для передачи избыточных мощностей ГЭС из Киргизии и Таджикистана.

В то же время активным наращиванием отношений с центральноазиатскими странами Пекин способствует разрыванию конкуренции между ними. Они стали бороться за увеличение товарооборота с Китаем и получение кредитов от него с целью ускорения интеграции в обширное и перспективное торгово-экономическое, политическое и стратегическое пространство Азии.

Несмотря на наличие высоких политических рисков, Китай заинтересован в развитии энергетического взаимодействия и с такими государствами, как Иран и Афганистан. Этому способствует то, что целый ряд западных корпораций не могут составить конкуренцию китайским из-за возможных санкций со стороны правительства США за их связи с авторитарными режимами или крайнюю политическую нестабильность в стране. Китай же не боится заключать нужные ему, хотя, быть может, и сомнительные сделки с любым режимом. В результате переговоров с Тегераном Китайская национальная нефтедобывающая корпорация получила концессию на разработку иранского нефтяного месторождения Заваре-Кашаган. Предполагается, что этому способствовало активное военно-техническое сотрудничество двух стран, в частности продажа Ирану противокорабельных крылатых ракет, способных увеличить потенциал иранских ВМС в борьбе с американскими кораблями в Персидском заливе. Всего в по-

следние годы Китай в три раза увеличил импорт сырой нефти из Ирана. Растет импорт оттуда и сжиженного газа.

И все же основную угрозу гарантированному обеспечению энергетической безопасности страны китайские эксперты связывают с деятельностью западных монополий, в первую очередь американских. При поддержке своих правительств (включая применение военной силы) те намерены контролировать мировые рынки нефтегазовых ресурсов. Некоторые из экспертов склонны считать американо-китайское соперничество в нефтяной сфере частью более широкого плана политического и экономического сдерживания Китая «не только в области энергетики, но и в политике, военном деле, экономике, дипломатии». Их вывод: руководству КНР необходимо быть готовым к решению этой проблемы.

За последнее время, в связи с растущей напряженностью в обеспечении перспективных потребностей в нефти и увеличивающейся зависимостью от ее импорта, в Китае крепнет мнение, что дипломатические и военные меры, предпринимаемые руководством страны для отстаивания национальных интересов, недостаточны. Сторонники этих взглядов выступают за усиление вышеназванных мер. Среди них, с одной стороны, расширение международного сотрудничества в сфере безопасности и углубление взаимодействия в сфере реализации совместных инвестиционных проектов, а с другой — укрепление оборонной мощи государства, в первую очередь наращивание возможностей военно-морских и военно-воздушных сил.

В связи с этим следует заметить, что китайское руководство и без того тесно коррелирует свои экономические задачи с военно-стратегическими. Так, в числе наиболее важных стратегических задач им рассматривается создание «пояса безопасности» по периметру своих границ путем ликвидации или, по крайней мере, минимизации угроз сепаратизма,

исламского экстремизма, тюркского национализма в СУАР, а также международного терроризма в самой Центральной Азии и вокруг нее. Китайские специалисты полагают, что Центральная Азия должна стать надежным стратегическим тылом Китая, так как ситуация в этом регионе напрямую влияет на безопасность самой КНР. Поэтому в нее входит и противодействие присутствию вооруженных сил США у своих северо-западных границ как элемент системы враждебного «окружения» КНР. В перспективе, возможно, рассматривается создание условий для военно-стратегического присутствия самой КНР в регионе. Поэтому Пекин не заинтересован в доминировании в Центральной Азии никакой другой международной силы, кроме ШОС.

Эти настроения имели следствием активизацию участия вооруженных сил КНР на учениях ШОС в последние годы. Причем эти маневры подтвердили, что Китай весьма заинтересован в укреплении своих геополитических позиций в регионе. И делается это не только из соображений борьбы с сепаратистами в СУАР, но и как ответ на попытки закрепления в Центральной Азии США и стран Запада, чтобы контролировать регион, и как прямое стремление Китая заложить прочную основу своей энергетической, равно как и национальной безопасности в целом.

Не случайно Пекин дает возможность обучения в своих военных вузах представителей всех стран ШОС. А военнотехническая помощь КНР стратегическим партнерам по этой организации становится неотъемлемой частью ее внешней военной политики. При этом Пекин начал оказывать такую помощь и Туркменистану, не являющемуся членом ШОС. По сообщению ряда СМИ, Китай намерен переоснастить туркменскую армию. В 2008 г. в эту страну было поставлено боевой техники, а также нового обмундирования для офицеров и солдат на основе военного кредита на 3 млн долл. США.

Таким образом, Китай не только обеспечивает себе доступ к энергоносителям региона, но и укрепляет стратегическое взаимодействие с центральноазиатскими странами, превращая их в стабильных внешнеполитических и надежных экономических партнеров. Кроме того, участие в развитии транспортной инфраструктуры региона создает для Китая возможность оперативной переброски военных ресурсов в случае появления угрозы его интересам в ЦАР и вокруг него. По сообщению китайского агентства «Синьхуа», в регионе открыто в последнее время 22 новых транспортных маршрута, которые соединят Казахстан и Китай. Всего Китай с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном ввели в действие 87 транспортных маршрутов — 43 пассажирских и 44 грузовых.

Активное военно-экономическое сотрудничество Китая с государствами Центральной Азии не наносит прямого ущерба геополитическим интересам России в регионе. Однако своей деятельностью Пекин объективно теснит здесь Москву, снижая уровень ее традиционного влияния в нем, что следует учитывать.

ШОС для Китая и других ее членов становится площадкой, предоставляющей возможность участвовать на равных в региональной геополитике. Эта организация нужна Китаю также для того, чтобы через нее Пекин мог успокаивать Москву по поводу своей активности в развитии отношений со среднеазиатскими государствами. Она как бы легитимизирует усилия Китая в борьбе за лидерство в Азии. В России это понимают, а потому стараются на разных уровнях восстанавливать паритет, прямо или косвенно нарушаемый Китаем.

В то же время китайскими политологами изучаются различные варианты дальнейшего развития ситуации в регионе, в том числе и те, которые не исключают некоторые направления китайско-американского сотрудничества.

Таким образом, процесс проникновения и закрепления Китая в Центральной Азии развивается. Внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности КНР в отношении Центральноазиатского региона присущи следующие черты:

- постоянный мониторинг и учет противоречий, существующих как между конкурентами, так и между контрагентами Китая;
- диверсификация зависимости от влияния критически важных факторов международного воздействия (в политическом плане — путем усиления влияния в одних группах государств для компенсации дефицита авторитета в других, а в экономическом — посредством рассредоточения источников закупок стратегических видов сырья и новых технологий среди максимально широкого круга стран, их поставляющих);
- регулирование уровня и интенсивности связей с отдельными государствами в зависимости от требований обстановки.

Опыт сотрудничества России с Китаем и центральноазиатскими союзниками приводит к выводу, что двусторонние действия в ущерб третьим партнерам, как и соперничество участников ШОС между собой, могут осложнить отношения между ними. Поэтому представляется, что было бы полезным создать механизм оценки двусторонних проектов стран ШОС и определения возможности и целесообразности превращения их в многосторонние, в формате этой организации, чтобы предотвратить ее дрейф в сторону «клуба по интересам». Первым из таких проектов, готовых к немедленной реализации, уже признан план создания транспортного коридора от Каспия до Китая по территории России, Казахстана, Узбекистана и Киргизии. Другими могут быть проекты в энергетической сфере и в области решения проблем водного и сельского хозяйства.

* * *

Кооперация или конфликт интересов? Таким образом, на сегодняшний день складывается кооперация (в начальной фазе) в рамках российско-центральноазиатских инициатив и Китая — ОДКБ+ШОС. Кооперация в более широком плане — в плане взаимодействия с западными структурами (проектами ЕС, НАТО и др.) пока фрагментарна. Здесь сохраняется скрытый конфликт интересов. Хотя «тыловое сотрудничество» России, стран ЦА с западной коалицией по Афганистану дает надежду на формирование более системного и комплексного сотрудничества в Евразии.

Современные тренды безопасности в Центральной Азии

Сыроежкин К.Л.

Региональных проблем на пространстве Центральной Азии, как и в любом регионе, достаточно много. Они обусловлены разными причинами: как внутреннего свойства, так и влиянием тех геополитических процессов, которые имеют место в регионе, да и в мире в целом.

Во всяком случае, когда говорят о возможном влиянии тех процессов, которые имеют место сегодня на Арабском Востоке, на политическую ситуацию в Центральной Азии, то в этом есть своя логика, правда, имея в виду не абстрактный перенос социально-экономических и политических процессов в арабских странах на аналогичные процессы в государствах региона, а те изменения «правил игры», которые мы наблюдаем со стороны государств, взявших на себя смелость на практике реализовать резолюцию СБ ООН №1973.

Это изменение «правил игры» и есть первый тренд. С сожалением приходится констатировать, что в современном мире доминирует «право силы» и все меньше ответственной политики, базирующейся на признанных нормах международного права. У большего числа государств возникает искушение воспользоваться «правом силы», тем более что условия ее применения стали толковаться очень расширительно, а международную ответственность за свои действия и заявления политики и дипломаты не несут.

Здесь на память приходит известная басня И.А. Крылова о волке и ягненке, вина которого лишь в том, что волку захотелось покушать. В этом смысле мы живем в довольно страшный период, когда рушатся основополагающие нормы международного права и грядет эпоха вселенского хаоса.

Если добавить к этому тот факт, что всякое насилие порождает ответные меры, в том числе в виде террористических актов, становится как-то неуютно, поскольку в этой ситуации ни одно из государств не может чувствовать себя в безопасности.

Второй тренд связан с изменением баланса сил в мире в целом и на евразийском пространстве в частности. Монополярного мира с абсолютным доминированием США больше нет, но не возник и мир многополярный. Все разбежались по своим углам. Кроме того, появились совершенно новые акторы международных отношений — ТНК, террористические и криминальные транснациональные сети, исповедующие радикальные идеологии, не признающие норм права и морально-этических ограничений. Поэтому главный на сегодня вопрос состоит в том, кто и каким образом сможет обеспечить глобальный баланс сил в современных условиях «беспольярного мира»*.

Третий тренд — расширение сфер применения вооруженной силы при защите своих национальных интересов. Сегодня это не только защита суверенитета и территориальной целостности, но, главным образом, обеспечение доступа к ресурсам, находящимся на территории других стран, а также оказание влияния на социально-экономическое и политическое развитие отдельных стран и регионов.

Четвертый глобальный тренд — углубление процесса внедрения в жизнь компьютерных технологий и технологических инноваций, ведущее к радикальному изменению условий труда и жизни, неизбежному сокращению рабочих мест, разрушению традиционных социальных устоев и, как следствие, изменению моделей экономического и полити-

* «Беспольярный мир» — мир, где власть распределена по многочисленным, более или менее равным друг другу центрам. — See: Richard N. Haass. *The age of nonpolarity // Foreign Affairs (US)*. — 2008, May.

ческого развития. Одна из составляющих этого процесса — превращение компьютерных информационных технологий в средство социализации населения, но главное — их трансформация в средство силового воздействия на политические режимы суверенных государств.

Пятый глобальный тренд — кризис капитализма, который, по-видимому, достиг своего естественного предела и неолиберальной идеи. Углубившийся разрыв между бедными и богатыми слоями населения в большинстве стран мира привел не только к росту разрыва между богатыми и бедными странами и маргинализации отдельных государств и целых регионов, но и к размыванию среднего класса в большинстве государств мира.

Как вполне ожидаемый результат — снижение значимости демократических ценностей, падение значимости электоральных процессов, рост политического абсентеизма, деградация политических партий и их превращение в «картели», защищающие интересы исключительно политического класса. Как следствие — деградация кадрового корпуса, катастрофическое снижение качества управления и ответственности чиновников за принимаемые ими решения, повсеместно наблюдаемый авторитарный откат.

Наконец, шестой глобальный тренд — увеличение иммиграционных потоков и порождаемые ими сдвиги в этнонациональной структуре принимающих стран, возрастание их культурной и религиозной неоднородности, возникновение новых, не находящихся пока эффективного решения социальных конфликтов и узлов общественной напряженности, рост национализма практически во всех странах мира, актуализация проблемы политизации этничности, а следовательно, этнического сепаратизма.

В той или иной степени все названные тренды имеют место и в Центральной Азии, оказывая свое влияние как на

расклад геополитических сил в регионе, так и на социально-экономическую и политическую ситуацию в отдельных странах.

Что касается геополитики, то для нас существует две значимые проблемы:

Во-первых, «Большая игра», которая ведется между основными геополитическими акторами за восстановление или установление влияния в регионе. Поскольку интересы этих «игроков» разноплановые, следовательно, достижение между ними консенсуса маловероятно. И, скорее всего, в ближайшей перспективе мы станем свидетелями обострения конкуренции между ними. Следствий из этой ситуации не сколько.

Первое, изменения характера взаимоотношений в треугольнике Россия — Китай — Запад (точнее — США). Характер этих взаимоотношений стал прагматичным и более жестким. Вполне предсказуемо, что эти прагматизм и жесткость будут распространяться и на государства региона.

Второе, сохранение Центральной Азии в качестве поля конкуренции между Россией и Западом. Даже сейчас в условиях начавшейся «перезагрузки» Центральная Азия не утратила этого статуса. Проблема в том, что стремление России играть более значимую роль на мировой арене, да и на постсоветском пространстве ее западными «союзниками» не приветствуется. В качестве сильного и самостоятельного политического игрока видеть ее Запад не желает.

Однако при этом на Западе не могут не понимать, что, с одной стороны, ряд региональных проблем без активного участия России просто не решаем, а с другой — при всей своей воинственной риторике вмешиваться в конфликты на постсоветском пространстве ни США, ни НАТО не готовы. Грузино-осетинский конфликт отчетливо продемонстрировал пределы их ресурсов на постсоветском пространстве.

Третье, это стремительное усиление позиций Китая в регионе, вызывающее все большую озабоченность не только на Западе, но и в России. Противодействовать экономическому и торговому проникновению Китая в регион ни страны Центральной Азии, ни Россия не в состоянии. Более того, это не имеет смысла, учитывая тот факт, что экономическое взаимодействие с Китаем имеет взаимовыгодный характер и Китай для нас является более значимым партнером, чем мы для Китая.

Однако не вызывает сомнений, что Китай будет стремиться делать, главным образом, то, что отвечало бы его интересам, а эти интересы на определенном этапе могут вступить в противоречие с интересами и стратегией не только Запада, но и России. В этом случае Китай наверняка попытается поставить перед государствами региона дилемму выбора между его «инвестиционными возможностями» и «имперскими амбициями» России. И хотя эта перспектива во многом гипотетическая, она не настолько уж нереальна.

Четвертое, это стремление лидеров государств региона поиграть на противоречиях между геополитическими «игроками», что не только размывает основу для региональной интеграции, но и снижает уровень региональной безопасности, делая непредсказуемым поведение партнеров и умножая степень недоверия к ним.

Во-вторых, это проблема Афганистана, где несколько главных составляющих.

Первое, сохранение Афганистана в качестве основной базы террористов, в том числе из числа лиц, которые связаны с террористическими и экстремистскими организациями, имеющими своей целью дестабилизацию ситуации в Центральной Азии, свержение действующих политических режимов и создание в ее пределах исламского халифата.

Второе, сохранение Афганистана в качестве основной базы по производству опиума-сырца, а также основного поставщика героина и других наркотиков на мировые рынки транзитом через государства Центральной Азии. Главная проблема для нас — использование территорий государств региона для транзита афганских наркотиков, возникновение преступных группировок, связанных с этим транзитом и стремительное увеличение числа наркозависимых в государствах региона.

Третье, возможное падение правительства Хамида Карзая и возвращение к власти движения «Талибан», влекущие за собой неизбежность возникновения нового витка гражданской войны в Афганистане и угрозу дестабилизации в Центральной Азии.

Четвертое, дальнейшее обострение ситуации в Пакистане, распад правящей коалиции и перспектива попадания ядерного оружия в руки террористов.

Наконец, планируемый перевод активных действий войск западной коалиции на север Афганистана и связанная с этим неизбежная активизация действий движения «Талибан» и боевых группировок других этнических групп вблизи границ СНГ.

Здесь содержится два потенциальных вызова: прежде всего, неизбежность втягивания России и государств Центральной Азии в гражданскую войну в Афганистане, причем, возможно, самостоятельно, без поддержки (или весьма ограниченной поддержки) со стороны западной коалиции и впоследствии неизбежная активизация террористических групп, представляющих реальную угрозу для политических режимов государств региона.

Кроме того, учитывая особенности стратегии США в мире, не исключено, что переброска активности США и НАТО на север Афганистана связана с тем, что США плани-

руют расширить зону «контролируемого конфликта», перенеся ее в Ферганскую долину.

Что касается собственно проблем центральноазиатской безопасности, то здесь приходится учитывать следующие обстоятельства:

Во-первых, это рост политического экстремизма в Киргизии, непредсказуемость развития социально-экономической и политической ситуации в этой стране, а главное — нежелание как соседей по региону и России, так и других заинтересованных внешних игроков (прежде всего, Китая, США и Евросоюза) и международных организаций брать на себя ответственность за разрешение этих проблем. Оказываемая Киргизии международная помощь, безусловно, важна, но она не решает основных проблем.

Во-вторых, это ситуация в Таджикистане, которая очень напоминает киргизскую, правда, с поправкой на то, что в начале 1990-х Таджикистан уже прошел через этап гражданской войны и там осталось много озлобления и неудовлетворенной кровной мести и негативной памяти об этом сложном периоде. Сегодня, похоже, Таджикистан стоит на грани новой гражданской войны. При этом положение в экономике отчаянное, а отношения с соседями и потенциальными союзниками (пожалуй, за исключением Ирана и Китая) оставляют желать лучшего. Единственное, что пока удерживает население от масштабного кровопролития, так это память о начале — середине 1990-х гг.

В-третьих, перешедшая в практическую плоскость проблема размежевания обществ государств региона по этническому и клановому признаку. Сегодня латентные этнические конфликты перерастают в открытую вражду. Ярчайшим примером является Киргизия, где конфликт идет не только между киргизами и другими этническими группами, но среди самих киргизов по принципу разделения Север — Юг, ро-

довой и клановой принадлежности. К сожалению, Киргизия не одинока. Рецидивы национализма наблюдаются в Узбекистане, Таджикистане и даже относительно спокойном Казахстане.

В-четвертых, это предстоящая смена политических элит и неопределенность с вектором политического развития вообще и механизмом передачи власти от действующих президентов их преемникам в частности. Главная проблема связана с тем, что пока нет ясного ответа на вопрос, приведет ли уход действующих лидеров государств к переделу собственности и «войне элит».

В-пятых, мы как-то свыклись с ростом влияния политического ислама в Центральной Азии. На территории практически всех государств региона, несмотря на официальный запрет, не только продолжают действовать различные организации, пропагандирующие идеи политического ислама, но в последнее время наблюдается активизация их деятельности, причем не только в сельской местности, но и в городах. Не исключая и того, что с этими организациями связаны и некоторые политики. По Киргизии, во всяком случае, такие факты есть.

Не хотелось преувеличивать исламистскую угрозу, но ее нельзя игнорировать. Проблема в том, что бедственное экономическое положение значительной части населения и отсутствие нормальной светской оппозиции побуждает людей выражать политический протест именно в религиозной форме. Религия становится единственной надеждой на социальную справедливость. И хотя вряд ли было бы справедливым говорить о том, что большинство населения связывает свои надежды с исламской альтернативой, но эта идея уже сегодня проникает в массы.

Шестая проблема, с которой, похоже, мы тоже смирились, постепенная милитаризация региона. По военным расходам

вырисовывается следующая картина: Казахстан потратил по отношению к ВВП в 2008 г. 1,1%, в 2009-м — 1%, в 2010-м — 0,95%; Киргизия — 0,5%, 0,6%, 1,7%; Таджикистан — 1,7%, 1,46%, 1,5%; Узбекистан — 4%, 3,4%, 3,5% соответственно.

Безусловно, нельзя не принимать во внимание и набирающие все большую остроту конфликты и споры по поводу доступа к водным источникам, а главное — их рационального и справедливого использования государствами региона.

Отсюда возникает закономерный вопрос: что нужно делать, чтобы избежать негативного сценария развития событий в регионе?

Ответ на данный вопрос, в общем-то, прост:

Во-первых, необходим трезвый и объективный анализ реальной социально-экономической, политической, протестной, религиозной, межэтнической, внешнеполитической ситуации — без прикрас, но и без чрезмерной драматизации.

Во-вторых, необходимо ясное понимание того, что за нас наши проблемы никто решать не будет. Пример Киргизии здесь весьма показателен. Следовательно, с одной стороны, необходима объективная оценка внутрорегионального военно-политического потенциала и механизма его реализации перед лицом общей угрозы, а с другой — трезвое понимание того, что конкуренция между глобальными игроками в Центральной Азии — это не самый лучший способ «тушения пожара».

В-третьих, вполне очевидно, что справиться с мировыми, да и региональными проблемами ни одно государство самостоятельно не способно. Как показывает мировой опыт, попытки решить ту или иную проблему самостоятельно, как правило, приводят не только к ее усугублению, но и к тому, что взявшее на себя столь тяжкий груз государство оказывается само на грани кризиса.

Отсюда вытекает почти бесспорная констатация — проблемы глобальной и региональной безопасности должны решаться только совместными усилиями. И, возможно, ожидаемый уход американцев и второе пришествие талибов в Афганистане побудят Пекин, Москву и другие европейские государства к каким-то интегрированным усилиям.

Состояние и перспективы российско-казахстанского сотрудничества в военной сфере

Евсеев В.В.

Среди всех стран Каспийского региона ключевое значение для России имеет Казахстан, что обусловлено целым рядом факторов:

Во-первых, Россия и Казахстан имеют общую границу порядка 7,6 тыс. км, что составляет 12% от длины всей границы нашего государства. Причем эта граница все еще недостаточно оборудована средствами технического контроля и располагается в относительной близости от зон региональных вооруженных конфликтов и мест производства наркотиков.

Во-вторых, через казахстанскую территорию или в непосредственной близости от нее проходят транспортные коммуникации, связывающие европейскую и азиатскую части Российской Федерации. В случае размещения здесь иностранных военных баз существенно ухудшатся условия российской безопасности, так как появится некоторая возможность «рассечения» страны на две изолированные части.

В-третьих, существуют сильные экономические связи между Казахстаном и прилегающими к нему российскими областями. Как следствие, ежегодный внешнеторговый оборот между нашими странами в предкризисном 2008 г. составил 19,8 млрд долл. США (из-за негативного влияния мирового экономического кризиса в 2009 г. этот показатель уменьшился до 13,9 млрд долл. США).

Активно развиваются наши взаимоотношения в военнополитической сфере, которые реализуются как на двусторонней основе, так и в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В частности, с января 2004 г. дей-

ствуует соглашение о льготных условиях продажи Казахстану вооружений и военной техники по российским внутригосударственным ценам. В основном оно распространялось на воинские формирования, входящие в состав Коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона, на базе которых были созданы Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ.

Решение о создании КСОР ОДКБ было принято на внеочередном заседании Совета коллективной безопасности, прошедшем 4 февраля 2009 г., президентами государств — членов Договора. Коллективные силы оперативного реагирования состоят из мобильных частей и соединений национальных вооруженных сил (ВС) и формирований специального назначения, включающих подразделения правоохранительных органов, служб безопасности и органов по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. В состав КСОР включены: от России — 98-я воздушно-десантная дивизия (г. Иваново) и 31-я отдельная десантно-штурмовая бригада (г. Ульяновск); от Казахстана — десантно-штурмовая бригада Аэромобильных сил и батальон морской пехоты; от остальных государств — по батальону. Размещаются они в местах постоянной дислокации и подчиняются национальному командованию. В случае необходимости части и соединения КСОР поступают в оперативное подчинение командованию ОДКБ.

В отличие от президентов Республики Узбекистан и Республики Беларусь, Президент Республики Казахстан Нурсултан Абишевич Назарбаев активно поддержал создание КСОР. Об этом свидетельствует не только значительное участие в этих силах воинского контингента Республики Казахстан, но и проведение, как показано ниже, в октябре 2009 г. первого учения с привлечением КСОР «Взаимодействие-2009» именно на казахстанском полигоне Матыбулак.

Следует заметить, что военно-техническое сотрудничество между Москвой и Астаной базируется на прочной международно-правовой базе: Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (май 1992 г.), Договоре о военном сотрудничестве (март 1994 г.), Декларации о вечной дружбе и союзничестве, ориентированной в XXI век (июль 1998 г.) и Договоре о казахстанско-российской государственной границе (январь 2005 г.). Отсутствие взаимных территориальных претензий, тесные экономические связи и активное сотрудничество по широкому кругу международных проблем позволяют нам выстраивать союзнические отношения, что особенно актуально в условиях существенного ухудшения международной безопасности на Большом Ближнем Востоке. Ярким подтверждением таких отношений стал факт первого зарубежного визита главы России Дмитрия Медведева именно в Казахстан.

Помимо этого, Россия готовит кадры для силовых структур Казахстана. Такая подготовка основана на уже упомянутом Договоре о военном сотрудничестве и Соглашении стран — участников СНГ о развитии сотрудничества в области подготовки военных кадров (март 1998 г.). В рамках этих договоренностей обучение является бесплатным, а содержание военнослужащих осуществляется за счет принимающей стороны. В период с 1993 по 2007 г. в вузах Минобороны и других силовых структур России прошли обучение более 2,5 тысяч казахстанцев. Это составило треть от общего количества граждан СНГ, получивших военное и специальное образование в Российской Федерации.

О прочности взаимоотношений в военной сфере свидетельствует тот факт, что Россия имеет на территории Казахстана семь крупных военных объектов, включая четыре полигона и один космодром:

- 929-й Государственный лётно-испытательный центр им. В.П. Чкалова Минобороны РФ расположен в г. Ахту-

бинске Астраханской области, но имеет боевые поля и на территории Западно-Казахстанской и Атырауской областей Республики Казахстан; предназначен как для проведения летных испытаний образцов вооружений, так и для боевой подготовки частей Военно-воздушных сил (ВВС) и авиации Военно-морского флота (ВМФ) РФ;

- 10-й Государственный испытательный полигон Минобороны РФ (полигон Сары-Шаган) расположен на территориях Жезказганской, Жамбылской, Актюбинской и Кызылординской областей Казахстана; предназначен для проведения испытаний и исследований вооружения и военной техники противоракетной и противовоздушной обороны (ПВО), а также баллистических ракет Ракетных войск стратегического назначения и ВМФ;

- 4-й Государственный центральный межвидовой испытательный полигон Минобороны РФ (полигон Капустин Яр) расположен как в Астраханской области России, так и в Западно-Казахстанской области Казахстана; предназначен для проведения летных испытаний образцов вооружений;

- 5580-я база обеспечения испытательных работ (ранее 11-й Государственный испытательный полигон Минобороны РФ — полигон Эмба) расположен на территории Актюбинской области Казахстана; предназначен для проведения научно-исследовательских работ и испытаний образцов вооружений войсковой ПВО;

- 5-й Государственный испытательный полигон Минобороны РФ (космодром Байконур) расположен в Кызылординской области Казахстана, поля же падения первых ступеней ракет-носителей находятся в различных районах Казахстана и Туркменистана; пока это единственный космодром России для реализации пилотируемых программ и для запуска больших объектов типа орбитального комплекса «Мир», на его долю приходится 70% всех российских космических запусков;

- отдельный радиотехнический узел Космических войск России (объект «Балхаш-9») расположен в г. Приозерске на озере Балхаш; этот объект входит в систему предупреждения о ракетном нападении, а также осуществляет определение технических характеристик испытываемых на полигоне Сары-Шаган образцов ракетной техники;

- отдельный полк транспортной авиации России базируется на аэродроме в г. Кустанае; он осуществляет обеспечение деятельности всех вышеуказанных военных объектов.

Общая площадь арендуемых Россией на казахстанской территории военных объектов превышает 11 млн га. Перенос их на российскую территорию потребует огромных финансовых средств. В частности, создание комплекса, подобного 10-му Государственному испытательному полигону, потребует капитальных вложений в течение 5—6 лет на сумму порядка 15 млрд долл. США. Порой же, в силу географического местоположения, такой перенос вообще невозможен.

Помимо этого, ПВО Казахстана оснащена современными зенитно-ракетными комплексами (ЗРК) советского производства С-300, которые обеспечивают необходимый уровень защиты от потенциальных угроз. В частности, три дивизиона ЗРК этого типа Астана получила в конце 1990-х гг. в качестве компенсации за аренду военных объектов. Кроме того, в 1992—1998 гг. казахстанской стороне были переданы 10 истребителей Су-27, включая 2 учебно-боевых, несколько многоцелевых истребителей МиГ-29 и штурмовиков Су-25. В период с 2007 по 2008 г. по льготным ценам Казахстану было поставлено 80 бронетранспортеров БТР-80, 12 многоцелевых вертолетов Ми-17 и АНСАТ. Несколько ранее были дополнительно переданы 14 вертолетов Ми-17.

Согласно достигнутому в августе 2007 г. на авиасалоне МАКС соглашениям в г. Ржеве, проведены ремонт и модернизация 10 самолетов МиГ-31, МиГ-29 и Су-25, а также по-

ставлены современные тренажеры и другое оборудование для подготовки летчиков.

По согласованию с военно-политическим руководством Республики Казахстан в рамках объединенной системы ПВО государств Содружества Независимых Государств создана Центральная азиатская региональная группировка ПВО с центром в г. Астане. Она использует в основном российские (советские) системы вооружений. Это рационально с экономической и военно-технической точек зрения. В частности, существенно дешевле проводить закупку запасных частей для средств ПВО в России, а также осуществлять ремонт и модернизацию техники противовоздушной обороны на российских предприятиях, чем производить самостоятельно или экспортировать из других стран.

Базисом для военно-технического сотрудничества между нашими государствами является то, что мы используем однотипные образцы вооружений и военной техники. Помимо этого, вооруженные силы РФ и РК регулярно проводят совместные военные учения на основе подписанного в январе 2004 г. соглашения между Минобороны России и аналогичной структурой со стороны Казахстана о совместном планировании применения войск (сил) в интересах национальной безопасности. Так, в июле 2008 г. в учебном центре сухопутных войск ВС Казахстана вблизи г. Алматы прошли российско-казахстанские учения «Взаимодействие-2008», в ходе которых приняли участие 2,5 тысячи военнослужащих, свыше 40 самолетов и вертолетов, более 240 единиц боевой техники. В рамках этих учений усиленный батальон российской 31-й десантно-штурмовой бригады и подразделения Аэромобильных сил Казахстана учились совместно воевать с вооруженными экстремистами.

В сентябре 2008 г. на территории Чебаркульского полигона в Челябинской области прошли тактические российско-

казахстанские учения как часть более крупных оперативно-тактических учений войск Приволжско-Уральского военного округа «Центр-2008». Со стороны РФ и РК были задействованы около 2 тысяч военнослужащих и 500 единиц различной бронетанковой и авиационной техники.

В октябре 2009 г. на полигоне Матыбулак ВС Республики Казахстан впервые прошли учения Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ «Взаимодействие-2009». В них приняли участие около 7 тысяч военнослужащих из Армении, Казахстана, Киргизии и России. От вооруженных сил Казахстана были задействованы мотострелковые и танковые части, десантно-штурмовая бригада, артиллерийские подразделения и авиация, а также спецподразделения внутренних войск МВД и Комитета национальной безопасности, спасательные подразделения МЧС (всего 6 тысяч военнослужащих, свыше 200 единиц боевой техники, а также более 60 самолетов бомбардировочной, истребительной, штурмовой и военно-транспортной авиации). Россию на этих учениях представляли около тысячи человек, в том числе подразделения 31-й отдельной десантно-штурмовой бригады и 54-й артиллерийской бригады, оперативная группа командования Воздушно-десантных войск, подразделения ВВС (9 самолетов Ил-76, 5 — Су-24, 2 — Ту-22М3; 4 вертолета Ми-8), а также отряд специального назначения Внутренних войск МВД и группа спасателей МЧС. Из Киргизии на полигон прибыло подразделение отдельной бригады «Скорпион», от Армении — мотострелковая рота быстрого реагирования.

Спустя год аналогичные оперативно-тактические учения «Взаимодействие-2010» прошли на вышеупомянутом Чебаркульском полигоне. От России в них приняли участие части 98-й воздушно-десантной дивизии и подразделения ВВС (12 самолетов Ил-76, самолеты Су-24 и Су-27, вертолеты Ми-8 и Ми-24). От Армении на учения привлекалась мотострел-

ковая рота, от Казахстана — управление десантно-штурмовой бригады и десантно-штурмового батальона, а также 5 самолетов Су-25, от Киргизии — горно-стрелковый взвод. ВС Таджикистана были представлены десантно-штурмовой ротой, а Белоруссия — оперативной группой в составе пяти человек.

Во второй половине июня нынешнего года на территории Казахстана прошли совместные российско-казахстанские командно-штабные учения ВВС «Шыгыс-2011». В ходе учений отрабатывались практические навыки по организации взаимодействия в воздухе и оказания авиационной поддержки действий войск, включая нанесение ракетно-бомбовых ударов по наземным целям и проведение десантирования личного состава из военно-транспортных самолетов Ил-76 на полигоны Шыгыс и Талдыкорган. С российской стороны в учениях было задействовано 20 единиц авиационной техники, в том числе самолеты Су-24, Ту-22, Ил-76, которые размещались на казахстанских аэродромах Талдыкоргана и Семеня.

Конечно, взаимоотношения между нашими странами не являются идеальными ввиду наличия собственных национальных интересов. Периодически возникают и, наверное, будут возникать экологические проблемы, обусловленные использованием российских военных объектов на территории Казахстана. До сих пор не определен статус Каспийского моря. Серьезную озабоченность у Москвы вызывает расширение сотрудничества Казахстана с НАТО. Все это затрудняет наше взаимодействие. Однако эти проблемы не носят фундаментального характера и, следовательно, могут быть решены путем взаимных уступок.

Наиболее перспективным направлением военного сотрудничества в будущем является космическая сфера. В настоящее время, по данным Центра анализа стратегий и техноло-

гий, российская орбитальная группировка насчитывает 102 космических аппарата, из которых 65 используется в военных целях. Последние включают спутники видовой, радио- и радиотехнической разведки, предупреждения о ракетном нападении, связи и навигации.

В течение 2011 г. закончится развертывание российской глобальной навигационной системы ГЛОНАСС на основе 24 основных спутников и 3 резервных со сроком службы до десяти лет. Точность определения местоположения объектов с помощью этой системы составляет 6 м, что несколько хуже, чем у американской НАВСТАР (3,5 м). Эта проблема устраняется с помощью уже появившегося прибора ГЛОНАСС-GPS (точность определения координат до 2,5 м).

Использование российской космической группировки в интересах ВС РК позволит им совершить качественный скачок в информационном обеспечении всех этапов боевой деятельности: от сбора разведывательных данных и определения местоположения всех составных частей развернутой группировки войск до наведения высокоточного оружия и оценки результатов его боевого применения. Этому способствуют как союзнические отношения между нашими странами, так и наличие на казахстанской территории космодрома Байконур, срок аренды которого продлен для России до 2050 г. без изменения размеров арендной платы (115 млн долл. США в год). В дальнейшем многое будет зависеть от выполнения Россией своих обязательств по созданию на Байконуре ракетно-космического комплекса «Байтерек» на базе экологически безопасного комплекса «Ангара». Если Москва будет и далее затягивать строительство этого важного для Казахстана объекта, то Астана может найти альтернативные пути его строительства при помощи, например, своих европейских партнеров. В этом случае неизбежно снижение уровня российско-казахстанского сотрудничества в космической сфере.

Другое возможное направление нашего военного сотрудничества обусловлено все большим возрастанием в современных условиях роли средств противовоздушной и противоракетной обороны (ПВО). Располагая схожими военными доктринами, единообразной военной инфраструктурой, однотипными ЗРК и их обеспечивающими системами, Россия и Казахстан просто обречены на двустороннее сотрудничество. Для этого все есть: современная оборонная промышленность, способная разрабатывать перспективные системы ПВО (ПРО), военные полигоны, где элементы этих систем могут быть вначале отработаны, а затем освоены воинским персоналом, поставленные в войска соответствующие вооружения и военная техника. Теперь нужно двигаться дальше к созданию единой системы ПВО-ПРО в интересах нашей общей безопасности.

Таким образом, российско-казахстанское сотрудничество в военной сфере продолжает развиваться. Оно служит хорошим примером для соседей и повышает уровень стабильности во всей Центральной Азии.

Центральная Азия — Европейский Союз — Россия: взаимодействие в сфере безопасности

Малышева Д.Б.

Центральноазиатские государства оказались ныне объектом повышенного внимания как со стороны ведущих региональных государств, так и международных игроков. Это внимание определяется несколькими факторами:

Во-первых, нефтегазовыми ресурсами региона.

Во-вторых, перспективами реализации здесь важных экономических и военно-политических проектов.

В-третьих, вовлеченностью Центральной Азии (ЦА) в перемены, которые тесно связаны с тем, что происходит в Афганистане и что еще произойдет там в ближайшие несколько лет. Речь, в частности, идет о центральноазиатских транзитных возможностях, которые чрезвычайно важны для военной операции, проводимой в Афганистане Соединенными Штатами и Международными силами содействия безопасности: этот иностранный воинский контингент снабжается теперь по большей части через Северную распределительную сеть, которая пролегает через республики ЦА, а также Россию и Южный Кавказ. Значение Северной распределительной сети многократно возрастает как в свете намеченного Лиссабонским саммитом НАТО (ноябрь 2010 г.) полномасштабного вывода из Афганистана предположительно до 2014 г. иностранного воинского контингента, так и для реализации выработанной этим саммитом «дорожной карты» для Афганистана. Она в самом общем виде предусматривает проведение активных операций с целью давления на талибов и принуждения их к миру, а также передачу ответственности в сфере поддержания стабильности армии Афганистана и его силам безопасности.

Все эти факторы имеют значение и для Европейского Союза (ЕС).

Впервые качественно новые параметры в его деятельности, а именно — в проведении более активной региональной политики за пределами Европы, в том числе и в Центральной Азии, зафиксировал Маастрихтский договор 1993 г. Через десять лет — в 2003 г. Европейский Союз выступил с инициативой «Широкая Европа — новое соседство», которая призвана была решать задачи, встававшие перед ЕС в процессе его расширения и сближения с новыми странами Восточной и Центральной Европы. Инициатива эта обеспечивала также условия для свободного передвижения товаров, услуг, капиталов и людей. Опубликованный в мае 2004 г. документ под названием «Европейская политика соседства» обозначил принципы, на которых ЕС намеревался строить привилегированные отношения со странами Северной Африки и Ближнего Востока, с одной стороны, и Восточной и Центральной Европы — с другой. В нем речь шла о приверженности таким ценностям, как демократия, права человека, верховенство закона, рыночная экономика и устойчивое развитие.

«Европейская политика соседства» нацелена была на Восточную и Центральную Европу, которая в перспективе вместе с рядом республик СНГ составила бы массив «Большой Европы». С 7 мая 2009 г. Евросоюз приступил к реализации программы «Восточное партнерство», предполагающей более тесное сотрудничество с не входящими в состав ЕС и НАТО бывшими советскими республиками, ныне независимыми государствами — Белоруссией, Молдавией, Украиной, Арменией, Азербайджаном и Грузией. Европейская комиссия, занимавшаяся разработкой «Восточного партнерства», особо подчеркивала, что эта программа не направлена на подготовку государств к вступлению в ЕС, а лишь предусматривает развитие широкого сотрудничества с ними. Шес-

терым постсоветским государствам предлагалась, помимо «значительного повышения уровня политического взаимодействия» с ЕС, перспектива получения ряда преференций.

Однако же расширение ЕС на восток и особенно присоединение к нему в 2004 г. восьми постсоветских стран, включая и прибалтийские республики, а также Венгрию и Румынию, которые были приняты в 2007 г., обозначили ряд серьезнейших проблем. Дополнил их негативным содержанием разразившийся на излете 2008 г. экономический кризис, поставивший ЕС перед необходимостью решать сложные задачи по его преодолению внутри самого сообщества. Эти и другие факторы создали в целом неблагоприятный фон для продвижения настоящего проекта. В результате проект «Восточное партнерство», как и некоторые другие инициативы ЕС (Средиземноморский союз, например), все больше стал переходить в виртуальный формат.

Стратегия ЕС для Центральной Азии хотя и имела определенное сходство с проектом «Восточное партнерство», однако отличалась некоторой спецификой.

Во-первых, ЕС, позиционировавший себя в ЦА как единый регион, представлявший интересы объединенной Европы, и постсоветскую Центральную Азию склонен был рассматривать, прежде всего, как региональное объединение. Этим политика ЕС принципиально отличалась от подходов России, США и Китая к ЦАР, отдающих там предпочтение двустороннему сотрудничеству.

Во-вторых, Евросоюз действовал в ЦА на основе тщательно разработанной долгосрочной стратегии, в то время как инициативы других региональных и мировых государств, представленных в регионе, часто продиктованы конъюнктурными соображениями, интересами сегодняшнего дня.

В-третьих, Евросоюз определил для себя четкий круг приоритетов (экономические реформы, верховенство закона,

пограничные проблемы, миграция, образование, окружающая среда), на основании которых осуществлялось финансирование проектов в регионе. Кроме того, Евросоюз в Центральной Азии сделал ставку на совместные экономические интересы, на целенаправленное продвижение в регион европейских технических регламентов и стандартов качества. Таким образом, Евросоюз попытался создать относительно прочную основу для последующего расширения своего влияния. При этом, в отличие от американской политики, нацеленной в ЦА по преимуществу на военную сферу (базы, военное присутствие и пр.), ЕС больше полагался на распространение своей «мягкой силы». Да и в целом, стратегические задачи ЕС в отношении трансформации Центральной Азии могут быть охарактеризованы как «осторожная сдержанность». Подобный подход обусловлен во многом продолжающимся осмыслением в Евросоюзе перемен в Восточной и Центральной Европе, трудным «перевариванием» Евросоюзом его новых членов.

С 1994 по 2006 г. сотрудничество ЕС и ряда государств СНГ, включая и центральноазиатские, осуществлялось в рамках программы ТАСИС (Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States — Техническая помощь Содружеству Независимых Государств), в задачу которой входило содействие ускоренному экономическому реформированию в СНГ. С 1 января 2007 г. ТАСИС был заменен новым проектом ЕС — «Европейский инструмент добрососедства и партнерства» (ЕИДП), который до окончания срока своего действия (31 декабря 2013 г.) распространяется на несколько географических зон. Центральная Азия в их числе.

Здесь, как и в целом в СНГ, продолжают действовать две ранее запущенные программы Евросоюза: ТРАСЕКА (Transport Corridor Europe Central Asia — TRASECA), нацеленная на развитие экономических связей, торговли и ком-

муникаций между Европой, Кавказом и Азией, и ИНОГЕЙТ (Interstate Oil and Gas Transportation to Europe — INOGATE), которая занимается проблемами энергообеспечения Европы каспийскими нефтяными и газовыми ресурсами. ЕС пытается привлечь для практического осуществления своих программ ресурсы международных структур — ООН, ОБСЕ, Международной организации по миграции, Международного валютного фонда и др.

С 2006 г. в регионе работает специальный представитель Европейского Союза по Центральной Азии и по урегулированию кризиса на Кавказе. В ЕС поддерживают планы участия центральноазиатских государств в восстановлении Афганистана. Разрабатываются программы по оказанию Центральной Азии помощи в борьбе с наркоторговлей и бедностью, в подготовке сотрудников правоохранительных органов, строительстве новых дорог, нефте- и газопроводов. На эти цели Брюссель ассигновал странам ЦА до 2013 г. около 750 млн евро [1].

В 2007 г. председательствовавшая тогда в Евросоюзе Германия инициировала разработку для Центральной Азии новой стратегии, цель которой состояла в том, чтобы наладить качественно новое партнерство со всеми государствами региона. Основные положения этой стратегии были изложены в документе под названием «Европейский Союз и Центральная Азия: стратегия нового партнерства — 2007»*. Формируя суть стратегии, ее автор, бывший министр иностранных дел Германии Франк-Вальтер Штайнмайер, заявил, что политика ЕС по отношению к региону должна определяться двумя факторами: Центральная Азия является огромным рынком и одновременно огромным источником энергоресурсов для Европы [2].

* Здесь и далее цитируется по тексту документа, опубликованного на официальном сайте ЕС. — См. постоянный адрес: <http://www.consilium.europa>.

Указывая на особую стратегическую значимость документа и подчеркивая, что «ЕС глубоко заинтересован в мирной, демократической и экономически процветающей Центральной Азии», стратегия нового партнерства намечает следующие конкретные шаги:

- налаживание постоянного регионального политического диалога ЕС — ЦА на уровне министров иностранных дел;
- введение в действие «Европейской инициативы в области образования» и поддержка развития «Электронного Шелкового пути» в странах Центральной Азии;
- активизация «Инициативы ЕС по верховенству права»;
- налаживание с каждым государством ЦА постоянного диалога по правам человека, направленного на получение конкретных результатов;
- проведение на регулярной основе «энергетического диалога» со странами Центральной Азии.

Презентация стратегии прошла 28—29 марта 2007 г. в столице Казахстана г. Астане в формате ««Тройка ЕС»^{*} — страны Центральной Азии» на четвертой по счету (с 2004 г.) встрече представителей ЕС с министрами иностранных дел республик Центральной Азии. С тех пор ЕС работает в ЦА в рамках этой стратегии.

Вступление в силу 1 декабря 2009 г. Лиссабонского договора (подписанных на саммите Евросоюза 13 декабря 2007 г. в Лиссабоне документов — «Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском Союзе» и «Договор об учреждении Европейского сообщества»), избрание президента Европейского Союза и руководителя Европейской службы по внешним делам можно расценить как попытку выстроить единую внешнюю политику Евросоюза, в том

^{*} «Тройку ЕС» обычно представляет избранная на период шести месяцев страна, председательствующая в Совете Европейского Союза, а также его бывший и будущий председатели.

числе и в отношении стран Центральноазиатского региона, которому отводится роль одного из основных поставщиков энергоресурсов в Европу в обход России.

Очевидно, что ЕС заинтересован в энергоресурсах Каспия и ЦА, стабильности поставок оттуда нефти и газа. По некоторым прогнозам, к 2020 г. потребность европейского рынка в импорте газа составит около 380 млрд м³, а к 2030 г. — 440 млрд; 40% потребляемого в странах ЕС газа идет из РФ [3]. При этом Россия остается практически единственной транзитной территорией в Европу для центральноазиатских республик, находящихся в зависимости от экспорта своих природных ресурсов, и она, наряду с Китаем, является также главным покупателем на некоторых рынках природного газа и нефти ЦА. Так что сотрудничество ЕС с энергопроизводителями в ЦА, а также и в России могло бы в теории иметь хорошие перспективы. Они, тем не менее, пока мало еще просматриваются.

Ведь Россия многими в Европе по-прежнему воспринимается как геополитический соперник, и такое отношение к ней едва ли изменится в ближайшем будущем. Препятствием к взаимодействию этих двух влиятельных международных игроков остается и следование Евросоюзом в фарватере настойчиво продвигаемых всеми последними администрациями США, включая и нынешнюю, проектов (Большой Центральной Азии, Южного коридора и др.), которые ориентированы на коммуникационный обход России. Проекты «Центральноазиатская стратегия» и «Восточное партнерство» объективно нацелены на изоляцию России как интеграционного центра в Восточной Европе, на Кавказе и в Центральной Азии. С помощью этих проектов Евросоюз намерен вывести постсоветские республики из сферы взаимодействия с Россией в вопросах торговых отношений, политики и безопасности и, получив прямой доступ к центральноазиатским

энергоресурсам, привязать их в конечном итоге к евро-атлантическим структурам.

Есть между тем основания полагать, что успешность европейских энергетических проектов в Центральной Азии во многом зависит от вовлечения в них России, а также богатых углеводородами Казахстана, Туркменистана и Узбекистана. Настоятельность подобного взаимодействия приобрела в этом году особую актуальность в связи с трагедией на японской Фукусиме, сделавшей природный газ (считающийся к тому же «экологически чистым» и относительно дешевым видом топлива) приоритетом для Европы. Другой серьезный вызов европейским потребителям — продолжающиеся протестные движения на Арабском Востоке («Арабская весна»), грозящие перебоями поставок углеводородов на европейские рынки. Новой интересной площадкой для вовлечения Казахстана и других стран Центральноазиатского региона в европейские проекты может стать, в частности, Таможенный союз, а в перспективе — Единое экономическое пространство, но, разумеется, в том случае, если в Европе не изменят своего негативного отношения к этим важным интеграционным проектам.

Есть и другие сферы, в которых сотрудничество центральноазиатских государств, Евросоюза и России могло бы принести положительные плоды, хотя интересы в сфере безопасности самих государств ЦА варьируются и часто различаются между собой. Но есть проблемы, в решении которых заинтересованы все государства без исключения. Это — безопасность границ, защита от возможных внешних и внутренних угроз национальной безопасности, надежная охрана природных ресурсов (водных, энергетических и пр.).

В 2002—2004 гг. представители нескольких миссий ЕС провели работу в странах ЦА, после чего была инициирована Программа содействия управлению границами в Цен-

тральной Азии — БОМКА (Border Management Programme in Central Asia). В январе 2001 г. в ЦА стартовала Программа по предотвращению распространения наркотиков в Центральной Азии — КАДАП (Central Asia Drug Action Programme). Она была построена по аналогии с двумя другими программами ЕС — БУМАД (Белорусско-украинско-молдавская программа по борьбе с незаконным оборотом и торговлей наркотиками — Programme of assistance for the prevention of drug abuse and drug trafficking in Belarus, Ukraine, Moldova) и СКАД (Контроль над наркотиками на Южном Кавказе — South Caucasus Action Drug Programme). За выполнением программы КАДАП, которая ныне вступила в четвертую фазу, следит специально созданный при делегации ЕС в Алматы координатор ЕС по контролю над наркотиками в Центральной Азии. Предполагается, что программа БОМКА поможет центральноазиатским государствам освоить и внедрить принятую в странах Евросоюза так называемую «Концепцию управления границами», которая ставит две задачи: укрепление пограничной торговли и содействие легальной торговле и транзиту.

Важной сферой взаимодействия является просвещение и образование. Европейской комиссии уже удалось запустить в Центральной Азии несколько таких программ. В частности, в рамках программ *Tempus* и *Rasmus* студенты из ЦА теперь имеют возможность получать образование в европейских вузах. Через программу *Tempus* Брюссель предполагает реформировать систему высшего образования в ЦА, связав ее с так называемым Болонским процессом. Похожее происходит и в России, которая может стать мостом между Европой и Центральной Азией, приблизив создание в перспективе единого евразийского пространства высшего образования.

Евросоюз и Россия могут совместными усилиями — при опоре на соответствующие структуры ООН — попытаться

решить проблемы окружающей среды в ЦА, включая сюда такую запутанную и сложную задачу, как управление водными ресурсами. Сотрудничество с центральноазиатскими государствами в этой сфере имеет важное значение как для Евросоюза, так и для России, особенно в связи с необходимостью выполнения к 2015 г. ооновской программы «Цели развития тысячелетия» применительно к чистой питьевой воде и соответствующим санитарно-техническим сооружениям. Центральноазиатские государства частично уже подключились к различным программам Евросоюза, в частности, таким, как «Водная инициатива ЕС для Восточной Европы и Центральной Азии», «Окружающая среда для Европы» (ОСЕ) и др. О роли, которую придают в ЕС Центральноазиатскому региону, говорит и решение провести 21—23 сентября 2011 г. в казахстанской Астане Седьмую министерскую конференцию ОСЕ.

Очевидно, что попытки ЕС посредничать в спорах между центральноазиатскими государствами по поводу использования водных ресурсов будут безуспешными без подключения к этим спорам России, ЕврАзЭС, международных организаций, что, впрочем, тоже не гарантирует быстрого успеха. К тому же ЕС, как показывает опыт, не всегда является беспристрастным посредником. Так, когда в 2009 г. между Узбекистаном и его ближайшими соседями — Таджикистаном и Киргизией возник конфликт из-за планов Душанбе и Бишкека построить при содействии российских компаний Рогунскую ГЭС в Таджикистане и Камбаратинскую ГЭС в Киргизии, ЕС занял сторону Узбекистана. Он порекомендовал не возводить здесь крупные плотины, а ограничиться строительством малых ГЭС, что идет вразрез с интересами Таджикистана и Киргизии, испытывающих острый дефицит электроэнергии. В Душанбе и Бишкеке считают, что позиция ЕС в значительной мере продиктована политическими

соображениями — жесткой конкурентной борьбой между Евросоюзом и Россией за контроль над водными ресурсами Центральной Азии, а также заинтересованностью в Узбекистане как в потенциальном поставщике газа в лоббируемый ЕС проект Транскаспийского газопровода и как в важном транзитном плацдарме для поддержки афганской военной кампании.

В то же время в отношениях между Евросоюзом и центральноазиатскими государствами есть вопросы, по которым взаимопонимание достигается с трудом, и здесь участие России мало что даст. Речь идет о проблеме прав человека. Приоритетная для ЕС, в ЦА она приобретает специфическое преломление, поскольку государствам региона (с их сложными межэтническими отношениями, сильным влиянием в некоторых странах радикального ислама и пр.) нередко приходится выбирать между демократией и стабильностью, чтобы предотвратить повторение событий, аналогичных киргизским. В силу этих обстоятельств центральноазиатские страны остаются для Евросоюза трудными партнерами. Для России же угрозы безопасности в Центральной Азии выглядят острее и являются несравненно более актуальными, чем для Евросоюза, и потому приоритетом для нее является политика, конечным результатом которой станет поддержание приемлемого уровня стабильности, даже в ущерб демократии. В последние годы, кстати, и сам Евросоюз, активизировавший поиск поставщиков энергоресурсов из Центральной Азии, отодвинул на задний план проблему прав человека в этом регионе, что особенно отчетливо проявилось в отношении государств (таких, как Узбекистан и Туркменистан), где их нарушение, с точки зрения правозащитников, особенно заметно.

Подводя итог, отметим, что Россия заинтересована, как и Евросоюз, в сохранении и поддержании экономических

и политических связей с регионом ЦА, где находятся жизненно важные коммуникации и коммуникационные объекты, ископаемые ресурсы, стратегическое сырье, маршруты прохождения нефте- и газомаршрутов. При этом военное присутствие России в Центральной Азии решает не только проблемы безопасности. Есть и политическая составляющая этого вопроса: содействие экономической интеграции, где Россия выступает, в частности, важным инициатором создания единой евразийской системы добычи и перераспределения энергоносителей. Подобная система может послужить делу безопасности не в меньшей мере, чем военная сила. Таким образом, позиционирование себя Россией в качестве энергетической сверхдержавы становится не только важнейшей составной частью ее международной политики, но также и стратегией, рассчитанной на взаимовыгодное сотрудничество с государствами ЦА и ЕС.

Что касается отношений ЕС с регионом ЦА на политическом уровне, в первую очередь в сфере безопасности, их дальнейшее расширение будет однозначно полезным для государств региона с точки зрения перспектив их экономического и политического развития, а также поддержания здесь стабильности и распространения демократических ценностей.

Литература

1. <http://business.restate.ru>.
2. Просвещенная Европа смирилась с деспотиями Центральной Азии // <http://russian.eurasianet.org>. — 2009, 31 октября.
3. Энергетический диалог Россия — ЕС: газовый аспект // ИТАР-ТАСС // <http://www.rondon.org>. — 2011, 26 мая.

Вероятные сценарии развития Казахстана в XXI в.

Лаумулин М.Т.

Прогнозируя развитие Казахстана до 2030 г. и далее, следует исходить из вариативности предполагаемых и многовариантности развития. Фактически развитие страны может происходить по трем основным сценариям, каждый из которых предполагает собственные варианты и субмодели.

К таким сценариям относятся следующие: *оптимистичный, пессимистичный и реалистичный*.

Оптимистичный сценарий предполагает резкий рывок в развитии, превращение Казахстана в регионального гегемона, создание современной экономики и демократической системы.

Пессимистичный сценарий подразумевает нарастание проблем, остановку в развитии, деградацию, фрагментацию, дестабилизацию, частичную утрату суверенитета, угрозу диктатуры.

Реалистичный сценарий содержит поступательное плавное развитие страны, ее успешное балансирование на международной арене.

Вопросы, связанные с будущим экономическим и политическим развитием Казахстана, неизбежно выводят нас на внешнеполитическое поле:

- С кем, как, в какой степени будет интегрироваться Казахстан?
- Насколько вероятно формирование собственного регионального экономического организма в Центральной Азии?
- До какой степени может зайти интеграция с Россией так, чтобы не произошло поглощения Казахстана новой «либеральной» империей?

- Затянет ли Казахстан в себя гигантская воронка китайской экономики?

- Останется ли казахстанская финансовая система заложницей чужих валютных структур? И так далее.

И именно в сфере мировой политики таятся самые серьезные вызовы и угрозы самостоятельности и независимости Казахстана. Если мы способны с достаточно высокой долей вероятности прогнозировать и управлять собственным развитием, то угрозы международной и геополитической направленности носят самодовлеющий характер. Однако необходимо иметь более или менее ясную картину проявляющихся тенденций.

Следует помнить, что данные сценарии отнюдь не детерминированы, а предполагают продемонстрировать определенные угрозы и риски в развитии, а также предложить цели и задачи, к достижению и решению которых необходимо стремиться.

Оптимистичный сценарий

В период с 2010 по 2030 г. общая геополитическая ситуация в Центральной Азии стабилизируется. Экономический кризис 2007—2012 гг. проходит без последствий. На мировом рынке сохраняются высокие цены на минеральное сырье и углеводороды. Соседи Казахстана в Центральной Азии выходят на фазу устойчивого экономического роста.

Процесс интеграции в рамках ЕврАзЭС входит в активную стадию: Россия, Казахстан и Белоруссия создают Единое экономическое пространство, к которому стремятся присоединиться Узбекистан, Украина, Армения, Азербайджан, Молдавия. Создается Евразийский союз, о котором мечтал Н.А. Назарбаев еще в 1994 г., куда скоро вступят (по крайней мере, находятся в окончательной фазе вступления) Киргизия

и Таджикистан. В целом экономика СНГ развивается поступательно, сохраняя темпы роста от 9—11% (Россия и Казахстан) до 4—5% (центральноазиатские государства). Туркменистан выходит из изоляции и включается в интеграционные процессы.

Темпы роста экономики Китая замедляются, но этот процесс не оказывает негативного влияния на Казахстан. Евросоюз заключает с Евразийским союзом полномасштабные и долгосрочные соглашения по политическому и экономическому сотрудничеству. Россия и Казахстан (наряду с Турцией и Украиной) приобретают статус привилегированных партнеров ЕС; исчезают визовые и таможенные барьеры между Евросоюзом и Евразийским союзом.

В Афганистане завершается стабилизация страны, однако сохраняется иностранное военное присутствие. Евразийский союз участвует в реконструкции этой страны. НАТО и ОДКБ вступают в тесные военно-стратегические союзнические отношения. ШОС постепенно исчезает как региональное интеграционное объединение, и Китай теряет интерес к сотрудничеству с Россией и странами Центральной Азии.

На Каспии Россия, Казахстан, Азербайджан и Туркменистан выступают единым фронтом (против Ирана) и заставляют ИРИ вернуться к прежней советско-иранской границе. Между постсоветскими государствами сняты все спорные вопросы, идет активное техническое сотрудничество; проблемы трубопроводов решаются на основе компромиссов и взаимных уступок. Каспий превращается в важную транспортную артерию по линии Юг — Север; экология озера успешно восстанавливается. Каспий вновь становится основным поставщиком икры и редких пород рыб на мировые рынки.

В этот период Казахстан превращается в одного из главных игроков среди государств Евразии. В эти десятилетия

население страны составляет 25 миллионов человек; уровень жизни достигает средневропейского. Государство преобразуется вследствие продуманной экономической стратегии и целенаправленной политики всех правительств республики, выгодной мировой конъюнктуры, благоприятных климатических изменений.

В Казахстане завершается переход от сырьевой экономики к диверсифицированной. Важнейшей отраслью становится сельское хозяйство: республика превращается в основного поставщика продовольствия (прежде всего, мясомолочной продукции и зерна) в СНГ, в страны Среднего Востока и Европейского Союза. С помощью ЕС происходит полное техническое перевооружение аграрного сектора; создаются целые регионы и секторы, ориентированные на производство экологической продукции для западного рынка.

В добывающей сфере происходит отказ от экспорта сырья и переход к полному циклу обработки. В целом в республике намечается скачок от индустриальной экономики XX в. к информационно-технологической. Однако машиностроение продолжает играть важную роль в экономике Казахстана, будучи тесно связанной с аналогичными отраслями других республик.

Всю страну покрывает густая транспортная сеть, призванная обслуживать не только нужды населения и связи с соседними государствами, но и вносить важный вклад в функционирование грандиозного транспортного моста Восток — Запад. Вокруг транспортных магистралей создаются и возникают новые центры экономической активности.

На авансцену Казахстана выходит новое поколение, родившееся и целиком сформировавшееся в эпоху независимости. Это свободное поколение молодых людей, воспитанных на идеях казахстанского патриотизма. В то же время оно толерантно и терпимо и сохраняет лучшие традиции интернационализма прежних поколений, что немаловажно в услови-

ях полиэтничного состава казахстанского общества. Оно двуязычно: практически все молодое поколение владеет казахским языком наряду с русским, который сохраняет свою значимость в условиях евразийской реинтеграции.

Другим достоинством этого поколения является трудолюбие, привитое в сложных рыночных условиях. Это поколение прекрасно образовано благодаря целенаправленной политике всех правительств Казахстана и нацелено на осуществление дальнейшего экономического подъема республики.

Важные изменения происходят и в политической жизни страны. Преемникам основателя государства Н.А. Назарбаева после некоторого периода неопределенности удается сохранить стабильность в стране; среди политических элит достигается широкий политический консенсус. Институт президентства сохраняется, так как именно президент остается гарантом целостности и единства республики, однако парламентская демократия широко развивается на основе превосходства главной политической партии, внутри которой существует плюрализм и на равных конкурируют различные политические, этнические, экономические и региональные группировки. Однако для внешнего мира единство этой партии не вызывает сомнений. В парламенте, наряду с партией-лидером, представлены более мелкие, но традиционные партии и движения левого и экологического толка, получающие поддержку извне.

Региональная экономическая политика правительства нацелена, помимо обеспечения общего экономического роста, на сглаживание разрыва между различными регионами республики, что в целом удается. В аулы и села возвращается экономическая активность; отток населения в города прекращается, а затем процесс поворачивает вспять. Существенно возрастает уровень жизни сельского населения; происходит миниатюрный демографический взрыв.

К концу этого периода многие областные и экономические центры Казахстана начинают сравниваться с Алма-Атой/Алматы (которой к тому времени возвращают ее историческое название в русской транскрипции) и Астаной по степени развитости, уровню инфраструктуры и градостроения, обеспеченности населения жильем и транспортом. Правительства Республики Казахстан по очереди проводят сбалансированную социальную политику, которая позволяет за полтора десятилетия заметно поднять уровень жизни населения, рождаемость, здравоохранение и образование.

В обществе постепенно сглаживаются глубокие социально-экономические различия, возникшие в конце XX в. С точки зрения общественной психологии и общественного мнения быть чрезмерно богатым немодно, непрестижно и незачтливо. Общество ценит карьеру и состояние, полученные упорным трудом. Жизнь элиты и среднего класса тесно переплетены, первая постоянно подпитывается средним классом, к которому принадлежит не менее половины населения республики.

В период с 2030 по 2050 г. Казахстан становится одним из самых популярных государств на планете. Этому способствуют не только бесспорные экономические успехи страны, но и факторы естественного происхождения. Seriously меняется климат на планете, процесс глобального потепления не удается остановить, но протекает он иначе, чем предполагали ученые в конце XX в. Сибирь, Северный и Центральный Казахстан увлажняются, климат смягчается. На большей части Казахстана климат приобретает характеристики калифорнийского, каким тот был раньше, то есть круглый год стоит умеренная погода.

Климатические изменения обеспечивают динамичное развитие почти всех отраслей, и прежде всего сельского хозяйства и туризма. Казахстан становится одним из самых

привлекательных мест на планете для отдыха; преобразуются побережья Аральского моря (которое восстановилось в прежнем объеме), Каспийского моря и Балхаша, а также других многочисленных озер республики. На этом фоне происходит ужесточение климата в Западной и Центральной Европе, значительной части Северной Америки, Австралии, Японии и Китая. В одних местах он становится тропическим, в других — арктическим, во многих странах происходит опустынивание.

Казахстан все более становится привлекательным местом не только для отдыха, но и трудовой миграции. В экономику страны устремляются инвестиции из других регионов и государств, затронутых глобальным потеплением и изменением мировой конъюнктуры. Казахстан привлекает многочисленных специалистов из ближнего и дальнего зарубежья, которые обеспечивают дальнейший технологический прорыв в экономике республики.

К середине столетия в Казахстане доминируют несколько технологических парков; одни из них выросли на базе старых центров научно-технического и промышленного развития, другие являются совершенно новыми. Байконур сохраняет свой статус величайшего космодрома Земли и свой международный характер. Казахстан самым активным образом использует потенциал космодрома, являясь не просто владельцем объекта, но и гарантом сохранения его для освоения космоса на благо человечества. С технической и инженерной точек зрения Байконур, благодаря совместным усилиям России, Казахстана, Евросоюза и Индии, полностью преобразуется. Теперь это один из самых развитых научно-технических парков планеты, где применяются новейшие технологии и разработки, центр фундаментальных исследований.

В первой половине XXI в. энергетическая стратегия Казахстана строится, помимо использования углеводородов и

угля, на развитии атомной индустрии и нетрадиционных источников энергии. Совместно с Россией Казахстан становится крупнейшим производителем урана в мире и поставщиком обогащенного топлива для АЭС. В целом в этом веке значение атомной и ядерной энергетики возрастает, и Казахстан является одним из ведущих государств в этой области. Так, в стране действуют порядка 25—50 блоков АЭС, обеспечивая не только энергетические нужды самого Казахстана, но и всех его соседей в регионе. Атомные технопарки возникают в Семипалатинске, в Северо-Восточном и Западном Казахстане.

И, самое главное, Казахстан участвует, наряду с наиболее развитыми державами мира, в разработках управляемой водородной реакции и получения водородного топлива. Этот технологический прорыв обеспечит Казахстану место среди держав, имеющих доступ к практически неисчерпаемому источнику энергии.

Крупный технопарк естественным образом возникает вокруг Алматы. Здесь проводятся исследования, имеющие мировой характер, в области экологии и сохранения окружающей среды, а также развиваются бионика и нанотехнологии. В это время Астана превращается в крупнейший мегаполис Центральной Азии и сама становится одним гигантским технопарком, где впервые опробуются новейшие градостроительные и урбанистические технологии.

Во второй половине XXI столетия развитие Казахстана происходит на основе предыдущих достижений. Постепенно страна выходит по уровню жизни на первые места в мире, хотя экономический рост замедляется. К этому времени качество экономического развития и жизни приобретает у человечества новые параметры и измерения. Центр политической жизни Евразии постепенно перетекает в Центральную Азию и концентрируется вокруг обеих столиц Казахстана,

хотя Москва и другие российские города сохраняют свое значение в масштабах континента.

Создается общеконтинентальная система безопасности с участием, помимо Европы и Евразии, также Америки, Китая и мусульманских государств, которая обеспечивает приемлемый баланс сил на континенте и стабильный мир.

Пессимистичный сценарий

Период с 2015 по 2025 г. характеризуется тяжелым внутривластным кризисом, вызванным сменой власти и борьбой различных групп правящей элиты. Время от времени складывается неустойчивый консенсус, который постоянно нарушается одной из сторон. За это время в республике сменяется три президента и общество устало от постоянного политического напряжения. Партия «Нур-Отан» раскалывается по региональному признаку. В Казахстане резко вырастает межэтническая напряженность.

Во всех соперничающих группировках доминируют националисты; русскоязычные казахи практически исчезают с политической сцены. В целом русскоязычное население чувствует себя в Казахстане все более неуютно.

Начинается исход русского населения из республики, что обостряет и без того непростые отношения с Россией.

Параллельно в Казахстане растет приток мигрантов — легальных и особенно нелегальных — с юга. В силу того, что казахское население в массовом количестве переселяется в города и регионы, где можно найти работу, их место в расширяющемся масштабе занимают на селе мигранты. В скором времени почти весь Южный Казахстан становится узбек- и таджикоязычным. Алматинская область наводняется мигрантами из Киргизии и Синьцзян-Уйгурского автономного района (в основном уйгурами). Уйгурское население начинает со

временем ставить вопрос о своей национальной территории (широкой автономии).

Единая экономика в стране постепенно исчезает. Региональные кланы и политические группировки делят экономику республики на зоны влияния по ведомственному и территориальному принципу. Постоянно идет борьба за контроль над более или менее доходными отраслями и сферами. В экономике и политике доминируют два наиболее мощных клана: первый подчиняет себе нефтегазовую сферу, второй — металлургию и частично аграрный сектор и транспорт. Но баланс сил остается неустойчивым и постоянно нарушается попытками той или иной стороны установить свою политическую монополию.

Тем не менее государственные институты, созданные в эпоху Н.А. Назарбаева, доказывают свою прочность еще достаточно долгое время. Однако политическая нестабильность пагубно сказывается и на системе госуправления. Повсеместно укореняется коррупция, которая практически становится нормой. Падает профессиональный уровень управленцев и экономического менеджмента. Все более приходит в упадок система образования. Эксперимент с внедрением западных стандартов образования фактически проваливается. К этому времени советская система образования практически полностью разрушена.

Из республики происходит массовый исход специалистов-профессионалов и образованных людей; в системе образования и науки происходит уже необратимый процесс маргинализации и деградации. Этот процесс усиливается установлением казахскими националистами тотального контроля над средствами массовой информации, системой образования и науки. Формальный переход полностью на казахский язык завершается, однако в реальности он остается фикцией. Но это дает националистам повод для полно-

го вытеснения русского языка из официальной сферы обращения.

Внутриполитические проблемы не могут не сказаться на международном положении Казахстана. Во внешней политике преемниками Н.А. Назарбаева совершается ряд грубых и грубейших ошибок, которые заводят республику в геополитический тупик. Первой самой серьезной ошибкой было сознательное ухудшение отношений с Россией. Однако оно было спровоцировано политикой самой России, в которой все больше стали доминировать великодержавные и националистические элементы.

Что касается Казахстана, то вина его руководства состояла в дискриминационной политике в отношении русского и русскоязычного населения. В системе образования, на госслужбе, в средствах массовой информации поощряется национализм. Не только среди русского населения, но и в среде других этнических групп нарастает недовольство. Первыми вызов казахскому государству бросают уйгуры. При этом недовольство нарастает по обе стороны китайско-казахстанской границы. Пекин применяет грубую силу в СУАР и рассматривает вопрос об интервенции на территорию Казахстана, чтобы там подавить базу уйгурского сопротивления. Параллельно Москва и Пекин проводят консультации относительно одновременных действий по интервенции в Казахстане: Россия — чтобы защитить русское население, Китай — с целью подавления уйгурского и исламистского сопротивления.

Крупные центры радикального ислама возникают на территории практически во всех среднеазиатских республиках. Ташкент пытается канализировать активность своих фундаменталистов в сторону Казахстана, где на юге уже возникли крупные анклавы исламистских организаций. В Киргизии исламисты берут под контроль больше половины территории

республики; они стремятся соединиться со своими единомышленниками в Таджикистане и Фергане и угрожают перенести свою подрывную деятельность в соседний Казахстан.

Такое развитие событий вызывает глубокую обеспокоенность Запада. Идут активные консультации между США и Евросоюзом, а также в рамках НАТО о возможности вмешательства в ход событий, если возникнет угроза захвата Казахстана исламистами. Россия и Китай вынуждены выступить с предупреждением, что не допустят интервенции со стороны Северо-Атлантического альянса. Однако Москва и Пекин стремятся избежать прямой конфронтации с исламистами. В этих условиях в рамках ШОС принимается решение наделить Ташкент жандармскими функциями в регионе. Однако Узбекистан преследует свои цели, состоящие (помимо подчинения Киргизии и Таджикистана), прежде всего, в ослаблении и расчленении своего главного конкурента — Казахстана. Со временем вооруженные провокации и столкновения вдоль всей казахстанско-узбекской границы становятся нормой.

В конце концов, проблема Казахстана и возможной гуманитарной интервенции в эту страну выносятся на повестку дня ООН (в основном представителями Запада). Однако члены Совбеза — РФ и КНР — блокируют принятие резолюции ООН. Принимается неформальная договоренность решать проблему в рамках СНГ, ОДКБ и ШОС.

В это время в Казахстане создается Патриотический фронт, в состав которого входят представители прежней назарбаевской элиты, интеллигенции, в основном русскоязычные казахи из Алматы, Астаны и Караганды, а также русскоязычного населения республики. Патриотический фронт с большим трудом берет под свой контроль главные мегаполисы страны — Алматы, Астану, Караганду, ряд областей Центрального и Юго-Восточного Казахстана.

Северный и Северо-Восточный Казахстан фактически превращается в протекторат России. На Юге — в Чимкентской и частично в Джамбульской и Кызылординской областях — доминируют представители узбекской ирреденты, которые в военно-организационном плане опираются на вооруженные отряды исламистских организаций, в том числе с участием этнических казахов. Политическую поддержку они получают из Ташкента, с которым вынуждены считаться Россия, Китай и Запад.

Политическая фрагментация Казахстана закрепляется негласным или полуофициальным разделом страны на сферы влияния. В Западном Казахстане местные казахоязычные элиты Младшего жуза заключают соглашение с транснациональными и западными компаниями по совместному контролю над нефтегазовым сектором республики. Китай, чья зависимость от казахстанских и каспийских углеводородов существенно возросла, принимает эти правила игры. Россия практически вытесняется от сферы геополитических решений по Каспийскому морю, и Запад полностью контролирует направление магистральных трубопроводов в регионе Каспия и Кавказа.

Однако России удается установить контроль над зернопроизводящими целинными областями Казахстана и удерживать монополию в этой сфере. Кроме того, российский бизнес устанавливает совместное с местными элитами Среднего жуза управление над энергетическими объектами республики, производством угля и стали, в цветной металлургии и добыче железных руд, редкоземельных металлов, урана. В Северо-Восточном Казахстане создается совместный консорциум с участием России, Евросоюза, Японии, США, Канады и Китая по контролю над атомной и урановой промышленностью республики.

Финансовая система Казахстана, практически полностью разрушенная гигантской инфляцией и распадом единой эко-

номики, искусственно поддерживается усилиями внешних спонсоров. Россия предлагает Астане вернуться в рублевую зону. На этот момент в стране официально действуют несколько валют: тенге (номинально), доллар, евро, рубль и юань.

По уровню жизни Казахстан скатывается на последние места: сначала — в рамках СНГ, затем — по азиатскому и мировому рейтингу. В ряде регионов происходит массовая пауперизация и обнищание населения. В городах быстрыми темпами разрушается инфраструктура.

К 2050 г. почти половина прежнего населения республики оказывается в эмиграции; воспитанная в европейском духе интеллигенция практически полностью покидает республику. Политическое развитие парализовано: под видом политических партий идет постоянная борьба кланов и группировок. Казахстан фактически возвращается к жузовой системе организации страны: каждый жуз контролирует свою историческую часть страны, но только при помощи внешних игроков. Для Младшего жуза — это Запад (США и ЕС), для Среднего жуза — Россия, для Старшего жуза — Китай и Узбекистан.

Только благодаря международным усилиям, международному праву и авторитету ряда международных организаций удается предотвратить официальный распад страны на три части. Но единая государственная система управления страной фактически отсутствует. Казахстан на международной арене ставится в один ряд с такими странами, как Афганистан, Судан, Сомали и т.д.

Реалистичный сценарий

Мировой финансово-экономический кризис закончится, по-видимому, уже к 2011—2012 гг., хотя его последствия

будут сказываться еще несколько лет. В этот период Казахстан будет проводить прежнюю, зарекомендовавшую себя политику: внутреннюю — направленную на сохранение стабильности любой ценой и поступательное плавное социально-экономическое развитие; внешнюю — поддержание сбалансированного курса и продолжение многовекторности в новых геополитических и геоэкономических условиях.

В период между 2012 и 2020 г. неизбежно встанет вопрос о преемственности власти. Руководству Казахстана необходимо при этом следовать тем же принципам, которые уже доказали свою историческую правоту. К ним относится неперемutable условие сохранения стабильности в государстве и обществе, что потребует полного и искреннего консенсуса между всеми частями казахстанских элит. Но добиться этого будет непросто.

Фактически подобный консенсус и создание прочного режима возможны лишь на базе, созданной авторитетом Первого Президента РК. Это означает, что его влияние на политический процесс будет иметь место еще значительное время после переходного периода.

В социально-экономической сфере единственно возможный путь — комбинирование рыночных механизмов с вмешательством и контролем со стороны государства, что вполне обоснованно, учитывая характер географии и специфику экономики Казахстана, представляющей собой преимущественно конгломерат крупных, в основном добывающих предприятий и отраслей. Социальная политика со стороны государства не только не должна потерять свой масштаб, достигнутый в 2000-е гг., но и увеличить его. Особое внимание необходимо будет уделять образованию и здравоохранению.

С точки зрения политического устройства страны и дальнейшего развития политической системы Казахстана маловероятно, что в республике приживется развитой многопар-

тийный парламентаризм. Против этого работают историческая традиция, ментальность населения и элиты, а также постоянная угроза политической дестабилизации. Таким образом, и в будущем основой политической системы останется сильная персонифицированная власть, соединяющая в себе исполнительное и законодательное начало и олицетворяющая в себе принцип государства. Однако все это не исключает вполне открытых и состязательных президентских выборов (возможно, на партийной основе).

В ближайшие 15—20 лет геополитическая обстановка вокруг Казахстана и Центральной Азии будет сохранять сегодняшние контуры. Хотя и нельзя исключать резких и неожиданных изменений в военно-стратегической сфере. Но фундаментальные тенденции в развитии уже были в начале века заданы и прослеживаются достаточно далеко вперед.

Прежние тесные связи между Россией и Казахстаном будут постепенно ослабевать, хотя обе страны останутся близкими партнерами. Со временем Казахстан выйдет из российского информационного пространства и из-под культурно-языкового доминирования. Россия превратится просто в соседнее дружественное государство, отношения с которым будут овеяны приятными воспоминаниями. На гуманитарном уровне будут сохраняться близкие контакты так же, как и в сфере экономики.

На базе ЕврАзЭС и Таможенного союза удастся создать достаточно прочный экономический союз, ядром которого будут Россия и Казахстан. Но перейти к политическому союзу, как об этом мечтал В.В. Путин в 2000-х гг., не удастся. К власти в Москве и Астане придут новые поколения политиков, для которых советская эпоха и советское единство останутся далекими воспоминаниями.

В Центральной Азии Казахстану удастся сколотить некое подобие Центральноазиатского союза, но это будет крайне

хрупкое образование. Наши соседи будут постоянно сталкиваться с экономическими, технологическими, демографическими и экологическими проблемами. Поэтому Астана выберет стратегию выборочного сотрудничества — то есть активно кооперироваться и интегрироваться только в тех областях, которые представляют для Казахстана непосредственный интерес (энергетика, управление водными ресурсами, транспорт и т.д.).

Опасения относительно того, что экономическая мощь Китая может поглотить Казахстан и весь регион, не оправдываются. Примерно в 2015—2020 гг. поступательное экономическое развитие КНР начнет буксовать, экономический рост резко замедлится, обострятся социально-политические проблемы. Как и в прежние эпохи, Поднебесная начнет замыкаться в себе, сворачивать международное сотрудничество и свои внешние связи.

Усиливающийся энергетический голод человечества во второй четверти XXI в. и нехватка природных ресурсов приведут к нарастающей регионализации планеты и фактически к сворачиванию процесса глобализации. С другой стороны, регулярные технологические рывки позволят человечеству избегать серьезных кризисов и конфликтов. В этой ситуации Казахстан займет относительно благоприятное положение: располагая богатыми естественными ресурсами и крупной территорией, целостными экосистемами и сравнительно небольшим населением, республика сможет обеспечивать своему населению относительно высокий уровень жизни, вполне сравнимый со среднеевропейским.

Основные технологии Казахстан будет получать с Запада, прежде всего из Европейского Союза, с которым у Астаны сложатся специфические отношения. Вместе с Россией Казахстан получит статус стратегических партнеров Евросоюза, подразумевающий привилегированное партнерство.

Европейский Союз и российско-казахстанский тандем будут тесно сотрудничать в таких областях, как энергетика (в т.ч. атомная), транспорт и коммуникации, развитие сельскохозяйственных и экологических технологий, а по ряду направлений — в сфере информационных и высоких технологий.

Соединенные Штаты постепенно уйдут из Евразии с завершением конфликтов в Афганистане и Ираке. После установления стратегического консенсуса между США, ЕС и НАТО, с одной стороны, и РФ и странами СНГ (возможно, с участием КНР, ШОС и Индии) — с другой, геополитическое влияние Америки в Евразии свернется до минимального уровня, однако США сохранят тесные отношения с рядом государств, в том числе и с Казахстаном.

Казахстан, как и другие государства Центральной Азии, будет развиваться в дистанцированном режиме от исламского мира, однако активно участвуя в транспортно-коммуникационных проектах с соседями на Среднем Востоке и в Южной Азии. Основной проблемой в первой половине XXI в. станет демографическое давление со стороны исламского юга и нехватка там ресурсов.

Этот и другие факторы будут играть спланивающую роль для постсоветского пространства, которое уже никогда не вернется в прежнее единое состояние, но и не разорвется на фрагменты, притягиваемые другими геополитическими полюсами. Внешнее давление (как в случае с неразвитым Югом), заинтересованность в природных ресурсах своих соседей по СНГ, взаимная зависимость в транспортно-коммуникационных связях, социальные и культурные связи и многое другое не позволят Содружеству развалиться окончательно, но политическое дистанцирование будет продолжаться.

К 2050 г. Казахстан сохранит свою евразийскую идентичность, хотя облик страны заметно изменится. Главной проблемой останется неравномерность в развитии различных

регионов. Одни города и регионы преобразятся благодаря благоприятной экономической конъюнктуре, другие — придут в упадок. Но Казахстану удастся сохранить свой главный потенциал: образованное население, инженерные и строительные технологии, эффективную добывающую промышленность и высокоразвитое экологическое сельское хозяйство.

Какой будет наша страна? В политике будут доминировать люди, родившиеся в относительно благоприятные 2000-е гг.; в экономике и общественной жизни — люди, родившиеся в 2010—2020 гг. Они будут с благодарностью вспоминать поколение, создавшее независимый Казахстан и сумевшее сохранить политическую и социальную стабильность и этническую толерантность. В свою очередь, эти факторы позволили обеспечить поступательное экономическое развитие страны.

Большое значение будет иметь формирование новой социальной этики и экономического мышления, подразумевающее рачительное отношение к ресурсам, бережное отношение к собственной природе и населению. Тот факт, что в Казахстане удалось сохранить светский характер государства и общества, обеспечить высокий уровень здравоохранения и образования, сыграет решающую роль в формировании поколения 2050 г.

С таким фундаментом, заложенным в предыдущие десятилетия, это поколение поведет Казахстан во вторую половину XXI в., где нашу страну будут ждать новые вызовы и угрозы, но также новые шансы и возможности.

Таким образом, прогнозирование может иметь кратко-, средне- и долгосрочный характер. В случае краткосрочного прогноза (5—10 лет) можно с достаточно большой долей вероятности спрогнозировать те или иные события и процессы, составить вероятные сценарии и подготовиться к ним.

Среднесрочный прогноз (10—20 лет) резко уменьшает вероятность точного предугадывания процессов и явлений, здесь можно оперировать только приблизительными параметрами.

К сожалению, долгосрочные прогнозы (от 25 лет и больше), как правило, никогда не сбываются. Однако они дают возможность сформулировать генеральные цели, стратегические задачи и обозначить основные, наиболее серьезные угрозы и риски. В процессе реализации и трансформации прогноза-анализа в реальную программу происходит корректировка политической, экономической и социально-исторической реальности в нужную сторону.

**СЕКЦИЯ II
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА**

**Десять лет экономического сотрудничества
в рамках Шанхайской организации
сотрудничества: достижения, проблемы
и перспективы***

Ли Синь

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) после десяти лет развития добилась значительных достижений в плане углубления сотрудничества между государствами — членами в области безопасности, а также политической, экономической, культурно-гуманитарной и других сферах всестороннего сотрудничества. По мере развития организации региональное экономическое сотрудничество стало столь же важным аспектом деятельности ШОС, что и борьба с терроризмом и обеспечение безопасности, в результате чего экономическое направление начало расцениваться в качестве одного из «двух колес» ШОС, способствующее ее непрерывному развитию.

***Экономическое сотрудничество в рамках ШОС
достигло важных результатов***

15 июня 2011 г. на саммите ШОС в Астане была подписана десятая юбилейная Астанинская декларация. На про-

---

* Статья переведена с китайского на русский язык научным сотрудником отдела внешнеполитических исследований КИСИ при Президенте РК Р.Ю. Изимовым.

тяжении десяти лет были приняты планы по социально-экономическому развитию стран-членов, направленные на содействие долгосрочному торгово-экономическому сотрудничеству. Министры торговли, транспорта, сельского хозяйства, финансов, а также управляющие центральных банков проводили встречи и совещания для решения поставленных перед организацией целей. В практическую стадию перешло функционирование Делового совета и Межбанковского сотрудничества в рамках ШОС.

1. Механизмы экономического сотрудничества становятся все более эффективными

Подписанные в сентябре 2001 г. Меморандум между правительствами государств — членов ШОС об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества, а также Меморандум об упрощении процесса торговли и инвестиций определили первостепенные цели экономического сотрудничества. В частности, основное содержание указанных документов заключалось в снижении затрат на торговые операции, устранение барьеров и обеспечение к 2020 г. свободного перемещения товаров, капитала, услуг и технологий. Помимо этого, подписанная в мае 2003 г. Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств — членов ШОС определила приоритетные направления экономического сотрудничества, основные задачи и стратегические цели долгосрочного развития. В сентябре 2004 г. вновь был утвержден План мероприятий по реализации Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества ШОС, охватывающий 127 конкретных проектов.

В целях ускорения экономического сотрудничества государств — членов ШОС, в 2005 г. официально был создан Деловой совет ШОС, что знаменует о том, что экономическое сотрудничество между странами-членами получило поддержку в области финансового взаимодействия.

Таким образом, ШОС уже сформировала отлаженный механизм работы: саммиты глав-государств обеспечивают четкую политическую волю к сотрудничеству, а также определяют приоритетные направления сотрудничества и стратегические задачи; механизм встречи глав правительств способствует продвижению регионального экономического сотрудничества как одной из основных тем многостороннего взаимодействия; механизм встречи министров торговли обеспечивает осуществление координации и реализации конкретных вопросов и проектов регионального сотрудничества [1].

2. Скоординированный и своевременный ответ на глобальный финансовый кризис

На фоне мирового финансового кризиса председатель КНР Ху Цзиньтао в июне 2009 г. заявил, что Китай предоставит кредит в размере 10 млрд долл. США в поддержку государств — членов ШОС в рамках многосторонних и двусторонних проектов сотрудничества. Между тем Китай также организовал торгово-инвестиционную миссию для содействия импортной и экспортной торговли с государствами-членами. В совместном коммюнике, принятом на встрече глав государств — членов ШОС в июне 2009 г., сообщается о том, что «следует принять эффективные меры по снижению воздействия международного финансового кризиса и содействию в торговом и инвестиционном сотрудничестве в рамках ШОС».

В целом во время мирового финансового кризиса китайская сторона выделила государствам — членам ШОС значительные заёмные средства по двусторонним и многосторонним проектам. Общая сумма кредитов составила 45 млрд долл. США, в том числе России — 25 млрд и Казахстану — 15 млрд долл. США. Россия, в свою очередь, также предоставила 7,5 млрд долл. США антикризисных средств остальным членам ШОС (участникам ЕврАзЭС).

Наряду с этим, продолжает углубляться финансовое сотрудничество между КНР и РФ, в частности, российская сторона готовит китайский юань в качестве резервной валюты. С декабря 2010 г. Внешнеэкономической банк РФ и Московский банк начали использовать юань в двусторонних торговых операциях с Китаем. Кроме того, были успешно осуществлены операции по валютному сполу между Китаем и Белоруссией (20 млрд юаней), между Таджикистаном и Китаем (500 млн долл. США) и Казахстаном (7 млрд юаней).

3. Государства — члены ШОС значительно расширили взаимную торговлю

По данным официальной статистики, общий объем товарооборота в 2010 г. у шести государств — членов ШОС увеличился почти в 3 раза по сравнению с 2001 г. и составил 37 трлн долл. США. Торговля между Китаем и другими пятью участниками ШОС выросла с 12 млрд долл. США в 2001-м до 84,7 млрд долл. США в 2010 г. (в то же время эти же показатели за 2008 г. составили около 86,8 млрд долл. США), а средний годовой рост — более чем на 30% [2].

По данным таможенной статистики РФ, объем торговли Китая с Россией в 2001 г. составил всего лишь 5,6 млрд долл. США, в то время как в 2010 г. этот показатель достиг 59 млрд долл. США, что составляет 9,5% от общего объема товарооборота России, в результате Китай стал первым торговым партнером России [3]. Объем торговли между Китаем и Казахстаном вырос с 1,2 млрд долл. США в 2001 г. до 20,4 млрд в 2010 г., и с 2009 г. стал вторым по величине торговым партнером Казахстана после России. Китай также стал вторым по величине торговым партнером Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. По данным Агентства РК по статистике, в 2010 г. объем торговли между Казахстаном и государствами — членами ШОС составил 32 млрд долл. США, доля от общего объема товарооборота — до 36% [4].

По данным таможенной статистики КНР за 2010 г., китайский экспорт в Казахстан в 2009—2010 гг. увеличился лишь на 19%, а импорт увеличился на 76,1%, с Киргизией экспорт снизился на 21,8%, в то время как импорт увеличился на 46,2% [5].

Таким образом, Китай стал одним из важнейших экспортных рынков для стран Центральной Азии. Наряду со стабилизацией экономик стран региона и увеличения внутреннего спроса, выявляется огромный потенциал развития экономического сотрудничества между Китаем и другими странами — участниками ШОС.

В ближайшее десятилетие экономическому сотрудничеству в рамках ШОС будут угрожать серьезные вызовы

В настоящее время самой большой проблемой, стоящей перед ШОС, является то, что непрерывное углубление региональной интеграции на постсоветском пространстве оказывает определенное негативное влияние на процесс экономического сотрудничества в рамках ШОС.

1. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и сущность Таможенного союза

В действительности на постсоветском пространстве существуют четыре интеграционных объединения под руководством России. Первое — это Зона свободной торговли (ЗСТ) в рамках СНГ, которая вступила в последнюю стадию переговоров. В ноябре 2008 г. на совещании глав правительств Содружества была утверждена Стратегия экономического развития СНГ до 2020 г., в том числе правила, соответствующие ВТО, такие, в частности, как функционирование ЗСТ для создания общего экономического пространства, создание условий и эффективных механизмов для сельскохо-

зяйственной кооперации, общего рынка и валютно-финансового сотрудничества. В 2010 г. государства СНГ выступили за создание единой платежно-расчетной системы, чтобы использовать рубль в торговле между государствами-членами. Таким образом, Россия заменила бессмысленные соглашения, подписанные в 1994 г., о свободной торговле и более 100 торговых соглашений между государствами — членами СНГ на новое многостороннее соглашение о свободной торговле, которое было представлено странам СНГ на подписание в 2010 г. и которое планируется подписать в 2011 г.

Далее следует Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), в которое входят Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан (Узбекистан вышел из состава). Данный интеграционный процесс включает в себя Союзное государство России и Белоруссии, а также Таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России. Союзное государство России и Белоруссии имеет множество глубоких проблем и сейчас находится в стагнации, а ее торгово-экономическое содержание было передано Таможенному союзу.

Таким образом, ЕврАзЭС имеет двойную структуру, а его «интеграционное ядро» — Таможенный союз поэтапно «притягивает» другие государства СНГ к «ядру» в той или иной форме.

27 ноября 2009 г. главы трех государств Белоруссии, Казахстана и России подписали Таможенный кодекс Таможенного союза (ТК ТС), содержащий девять документов, в которых отмечено официальное создание ТС. С января 2010 г. были официально введены в действие Единый таможенный тариф и ряд мер нетарифного регулирования, то есть были приняты единые ставки пошлин по основным категориям товаров. Также ключевым является то, что с 1 июля 2011 г. завершается формирование единой таможенной территории, поскольку с этой даты таможенный контроль переносится на

внешние границы Таможенного союза. В итоге образовалась субрегиональная экономическая организация с населением в 170 млн человек, имеющая 900 млн баррелей запасов нефти, с общим объемом ВВП 2,6 трлн долл. США. Возглавляемое Россией Единое экономическое пространство формирует общий рынок на постсоветском пространстве, которое начало играть важную роль в создании и продвижении общего рынка и единого валютного пространства. 9 декабря 2010 г. в Москве главы государств Белоруссии, Казахстана и России приняли Декларацию о формировании ЕЭП, которая вступит в силу с 1 января 2012 г., что будет означать начало полноценного функционирования ЕЭП Белоруссии, Казахстана и России. Это первое на постсоветском пространстве наиболее прагматичное интеграционное объединение, которое в корне может изменить правила торговли, притока капитала и трудовых правил трех государств, что в итоге позволит укрепить геополитические позиции «тройки» [6].

Сущность внешнеполитического направления Таможенного союза и Единого экономического пространства состоит в том, чтобы постепенно повысить форму двустороннего диалога стран СНГ и его главных конкурентов до уровня ТС и ЕЭП. В то же время его основной целью является укрепление российского влияния и экономического присутствия на постсоветском пространстве и объединение всей территории бывшего Советского Союза, чтобы противостоять проникновению внешних сил, также попытка превратить ШОС в модель «Постсоветский блок + Китай», таким образом, чтобы плодотворное экономическое сотрудничество отдельных стран ЦА с КНР повысить до сотрудничества с постсоветским блоком. С одной стороны, это может остановить приток дешевых китайских товаров в Центральную Азию, чтобы ограничить влияние и экономическую мощь Китая в регионе ЦА, с другой стороны, также с помощью

экономических рычагов присоединить в сферу своего влияния другие бывшие советские центральноазиатские страны. К слову, Таможенный союз оказывает огромное влияние на страны бывшего Советского Союза. В частности, Таможенный союз имел немалое влияние на пережившую массовые беспорядки Киргизию, поскольку ее объем товарооборота с тремя странами — членами ТС составляет 35,2% от общего объема. Торговля Таджикистана с Россией и Казахстаном составляет 30,3% от общего объема товарооборота, более того, Россия и Казахстан являются одними из основных источников инвестиций в РТ. В сложившейся ситуации, чтобы избежать негативного влияния Таможенного союза, следует вступить в эту организацию, именно поэтому Киргизия и Таджикистан в настоящее время активно стремятся присоединиться к Таможенному союзу. Страна — наблюдатель при ЕврАзЭС Украина также проявляет интерес к Таможенному союзу Белоруссии, Казахстана и России, в связи с чем уже создана исследовательская группа при президенте Украины для изучения Таможенного союза.

2. Таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России — вызовы и возможности для Китая

Поскольку региональная торговля приводит к расширению объема рынков, это позволит предприятиям государств — членов Таможенного союза на территории еще большего рынка распространять свои ресурсы, модернизировать структуру промышленности, что повлечет увеличение внутрорегиональной торговли. С другой стороны, общие внешние тарифы до некоторой степени будут ограничивать импорт товаров из стран — не участников Таможенного союза. Создание Таможенного союза изменило принципы внешнеэкономической деятельности. В этой ситуации являющийся самым первым торговым партнером Казахстана и России Китай, несомненно, ощутил негативное влияние.

В частности, китайские товары потеряли прежнее преимущество в цене и рыночную конкурентоспособность, вследствие чего доля Китая на рынке указанных стран неизбежно уменьшится.

В соответствии с Таможенным кодексом Таможенного союза Россия проводит незначительную корректировку ставки налога на 18%. После начала функционирования ТС, Россия подняла тарифы на 350 видов импортируемых товаров, тогда как снизила тарифы для 1 500 видов. В этой ситуации потери в торгово-экономических отношениях Казахстана и Китая могут быть масштабными. Степень совпадения начальной ставки налога между РФ и РК составляет 36%. Кроме 400 видов товаров, относящихся к разделу «переходный период», Казахстан также поднял тарифы на импорт 5 044 видов товаров, что составляет 32% от общего объема импорта. В результате средний уровень тарифов в Казахстане возрос с прежних 6,2% до 10,6%, а импортные тарифы на одежду увеличились в 1,5—3 раза. В данной ситуации все больше казахстанских предприятий предпочтут импортировать товары из России, чем из Китая [7].

Помимо этого, в 2013 г. Таможенный союз перейдет в единую систему технического регулирования, вследствие чего будут ужесточаться требования качества импортируемых из Китая товаров. Участники Таможенного союза обусловились унифицировать таможенные процедуры и карантинный контроль, которые, в свою очередь, выше, чем в Казахстане, что усложнит таможенную процедуру. Например, Казахстан и Белоруссия должны будут на основе российской модели откорректировать собственные стандарты таможенного контроля, что приведет к ужесточению экологического и другого контроля над товарами сельскохозяйственного производства Китая. Между тем создание общего единого энергетического рынка может привести к корректировке энергетической по-

литики с Россией, и это не окажет воздействие на китайское производство. Кроме того, исторический опыт показывает, что когда тормозится энергетическое сотрудничество между РФ и КНР, то двусторонние отношения Китая со странами Центральной Азии значительно прогрессируют.

Важнейшим элементом регулирования внешней торговли Таможенного союза является применение инструментов защиты внутреннего рынка от неблагоприятного воздействия иностранной конкуренции, к которым относятся специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, используемые в международной торговой практике для эффективной нейтрализации ущерба промышленности от демпингового, субсидируемого или возросшего импорта товаров из третьих стран.

Правовой основой применения мер торговой защиты на единой таможенной территории Таможенного союза является Соглашение о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам от 25 января 2008 г., вступившее в силу с 1 июля 2010 г.

Также следует отметить, что, безусловно, Таможенный союз имеет и положительный эффект на торгово-экономическое сотрудничество с КНР.

Так, например, в сфере экспорта субсидий реализация положений Соглашения ТС может более активно стимулировать экспорт российских высоких технологий и в перспективе эти продукты могут войти на китайский рынок.

В сфере регулирования естественных монополий: в 2015 г. казахстанские и белорусские транспортные предприятия могут входить на рынок железнодорожных перевозок на территории России, в результате чего ожидается, что на территории Таможенного союза снизятся транспортные расходы для передвижения китайских товаров.

В инвестиционной сфере: открывается возможность взаимных инвестиций в рамках Таможенного союза, что также будет способствовать вхождению российского капитала в обрабатывающую и добывающую промышленность Китая через территорию Казахстана. Одновременно с этим повышение Казахстаном импортных тарифов может подтолкнуть китайские предприятия к прямому инвестированию всего рынка Таможенного союза. В результате инвестиционные связи между компаниями Китая, Казахстана и России станут еще более тесными.

3. Присоединение Белоруссии, Казахстана и России к ВТО не приведет к развалу Таможенного союза

В настоящее время Россия является крупнейшей экономикой мира, которая не включилась в ВТО, поэтому присоединение к ВТО имеет для нее большое значение. После 17 лет трудных переговоров, наконец, перед ней открылась возможность вступления в ВТО. 24 июня 2010 г. президент РФ Д. Медведев и президент США Б. Обама в Вашингтоне опубликовали совместное заявление, в котором обязались завершить процесс вступления России в ВТО. 7 декабря Европейская комиссия и Россия подписали ряд экономических соглашений, Меморандум о взаимопонимании, после чего Евросоюз официально согласился принять Россию в ВТО. Теперь на пути вступления РФ в ВТО нет видимых препятствий. Если рассуждать оптимистично, то Россия в 2011 г. станет членом ВТО. Тем не менее российские лидеры Д. Медведев и В. Путин неоднократно заявляли о том, что руководство не допустит новых уступок в этом направлении.

Если Белоруссия, Казахстан и Россия или кто-то один из них вступит в ВТО, то может ли это привести к снижению таможенных тарифов и впоследствии к распаду Таможенного союза? Экономика России уже очень открытая и относительно не очень высокие тарифы. По словам бывшего гла-

вы Министерства экономического развития РФ, налоговая ставка России в ВТО выше, чем текущий список. В связи с этим не следует ожидать значительного снижения тарифов со вступлением России или другого участника Таможенного союза в ВТО.

Кроме того, следует обратить внимание и на то, что у ВТО есть особые институциональные механизмы для Таможенного союза, ЕЭП и других региональных объединений. ВТО возражает против совместного вступления в организацию участников ТС. Главной причиной этого является то, что основная задача формирования ТС — создание Единого экономического пространства. ВТО беспокоится, что проводимые Таможенным союзом меры могут оказать негативное влияние на мировую экономику, а также создать новые проблемы для участников ВТО.

Направления и перспективы развития экономического сотрудничества в рамках ШОС

15 июня 2011 г. государства — члены ШОС в Астане подписали десятую юбилейную Астанинскую декларацию, в которой было подчеркнуто, что «государства — члены ШОС считают, что главной задачей организации по-прежнему остается реализация совместного плана по преодолению глобального финансово-экономического кризиса, а также устойчивого и сбалансированного развития национальных экономик». Страны — участники ШОС поддерживают дальнейшее реформирование международной финансовой системы. В целях усиления координации политики и сотрудничества государства-члены будут и впредь поддерживать финансовую стабильность и эффективнее участвовать в международном диалоге. В одном из своих выступлений председатель КНР Ху Цзиньтао отметил необходимость продвижения ре-

гиональной экономической интеграции и поощрения стремлений развития стран в таких сферах, как торговля, инвестиции, транспорт, инфраструктура, энергетическая, продовольственная и финансовая безопасность.

Наряду с этим, необходимо отметить, что объем двусторонней торговли между РФ и КНР в 2010 г. составил около 60 млрд долл. США. Более того, во время визитов Ху Цзиньтао в Россию и Казахстан в середине июня, он выдвинул новую цель — довести объем торговли к 2015 г. до 100 млрд и 40 млрд долл. США с Россией и Казахстаном соответственно, а к 2020 г. довести российско-китайский товарооборот до 200 млрд. Мировой финансовый кризис напомнил нам всем, что для достижения своей цели, кроме укрепления двустороннего сотрудничества в энергетической и других крупных сферах, также необходимо продвижение следующих направлений деятельности ШОС:

1. Дальнейшее продвижение процесса экономической интеграции

После Второй мировой войны (особенно после 90-х гг. прошлого столетия), наряду с углублением тенденции глобализации мировой экономики, также необратимо развивается региональная экономическая интеграция. Китай ведет переговоры о создании 11 зон свободной торговли, в их числе 29 стран и регионов, таких, как Индия, Южная Корея, Бангладеш, Шри-Ланка и Лаос, Азиатско-Тихоокеанские соглашения материкового Китая и Гонконга и Макао (СЕРА), район свободной торговли Китай — АСЕАН, Соглашение о свободной торговле Китая с Чили и Пакистаном, АТЭС (АПЕС), Евразийская конференция (АСЕМ), китайско-африканский форум сотрудничества, АСЕАН+3 (Китай, Япония, Южная Корея), региональное экономическое сотрудничество Японии, Южной Кореи и Китая, GMS, Программа развития бассейна реки Туманган (TRADP),

которая включает Китай, Россию, Монголию, Северную и Южную Корею.

На современном этапе Китай стал второй по величине экономикой мира, к тому же в данное время меняет модель экономического развития, стимулируя внутренний спрос. С этой целью был принят комплекс мероприятий, таких, как «Стратегия масштабного освоения Запада», «Модернизация старых промышленных баз на Северо-Востоке» и «Стратегия развития Центрального Китая». Все эти проекты направлены на то, чтобы создать больше возможностей для сотрудничества со странами — членами ШОС в областях инфраструктуры, энергетики и транспорта. Кроме того, финансовая реформа в Китае создала больше возможностей для государств — членов ШОС для сотрудничества в банковском секторе.

Если ЕврАзЭС будет открыто сотрудничать с Китаем или Таможенный союз будет создавать Зону свободной торговли с Китаем и активно участвовать в реализации крупных региональных проектов с использованием богатых финансовых ресурсов Китая, Евразийский банк развития и Антикризисный фонд ЕврАзЭС будут осуществлять Зону свободной торговли в рамках ШОС путем укрепления сотрудничества с Китаем, то она станет крупнейшей в мире экономической организацией, которая будет вносить значительный вклад в мировую экономику.

2. Расширение торгово-валютного регулирования в целях содействия региональному торгово-экономическому сотрудничеству

23 июня 2011 г. представители Центрального банка России и Народного банка Китая заключили соглашение о расчетах и платежах в национальных валютах. Это соглашение дает возможность вести расчеты через российские и китайские банки не только в свободно конвертируемой валюте, но и в юанях и рублях. На сегодняшний день стабилизация

доллара вызывает большие сомнения, в связи с чем увеличился уровень риска использования доллара в международной торговле. На фоне этого можно углубить финансовое сотрудничество между КНР и РФ, стимулируя рост взаимных инвестиций и торговли. В 2002 г. КНР и РФ подписали соглашение об урегулировании приграничной валютной торговли, однако результаты оказались не удовлетворительными, основной причиной явилось то, что банки двух сторон не были готовы к такому сотрудничеству. В то же время российские предприятия также имеют опасения по поводу использования юаня, так как юань еще не является свободно конвертируемой валютой. В связи с этим при реализации соглашения на практике важно стимулировать предприятия к принятию валютных операций.

3. Осуществление валютно-финансового сотрудничества в целях стимулирования финансового посредничества

Многие российские и центральноазиатские специалисты задаются вопросом: «Я держу в руках юань, но если я не смогу его использовать для оплаты, то что с ним еще делать?». По этому поводу Народный банк Китая решил на основе опыта использования юаня в приграничной торговле продолжать координировать усилия по использованию юаня в иностранных трансграничных платежах и расчетных системах для того, чтобы создать условия для иностранных инвесторов держать активы в отечественных банках [8]. В отношении постсоветского пространства необходимо всецело использовать возможности строительства китайско-российского регионального финансового центра и регионального финансового центра в Казахстане для расширения обращения юаня и рублей в Центральноазиатском регионе.

В этом плане, в целях диверсификации международной резервной валюты, Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев не раз подчеркивал необходимость создания наднацио-

нальной валюты в рамках ШОС. В будущем можно подумать о том, чтобы на основе взаимной торговли и финансов, открытия рынка и дальнейшего сотрудничества и консультаций признать суверенитет региональных валют в качестве валютных резервов, при этом стараться как можно меньше использовать доллар.

4. Укрепление инвестиционного сотрудничества

Всецело используя возможности казахстанско-российского инновационного развития в модернизации экономики, необходимо поощрять китайские предприятия «выходить за пределы», обойдя барьеры Таможенного союза и расширять инвестиции в регионе, прежде всего, в финансовой сфере. Устранение торговых барьеров в пределах Таможенного союза и расширение региональных рынков содействовали улучшению инвестиционного климата, что, с одной стороны, будет способствовать повышению конкурентоспособности предприятий и расширению инвестиций в рамках Таможенного союза, а также может повысить эффективность иностранных инвестиций. В этом плане общие внешние тарифы помогут избежать тарифных барьеров не членом ТС и довести производство до стран — членом ТС, а также проводить прямое производство и продажу и таким образом стимулировать приток иностранных инвестиций. С этой точки зрения Таможенный союз может ускорить темпы «выхода за пределы» китайских предприятий. После того, как импортные пошлины стали значительно выше, чем тарифы на полуфабрикаты, способствуя иностранным предприятиям инвестировать в страны — члены ТС, китайские предприятия могут поставлять в любую из стран — членом ТС продукцию последней обработки, что обеспечит инвесторам более широкий рынок сбыта.

Если ЕврАзЭС откроет двери для Китая, чтобы вместе инвестировать в проекты Центральной Азии в сфере энерге-

тики, в трубопроводные проекты, в проекты железных и высокоскоростных дорог, автомагистралей и информационных сетей, объектов сельского хозяйства и водного хозяйства и мн. др., то они смогли бы достичь экономического процветания. Китай также мог бы участвовать в крупных инфраструктурных проектах в Центральной Азии вместе с Россией и Европейским Союзом.

Литература

1. Цанцзя синтун кайчжэ «Шанхай хэцзо цзучжи цюйюй цзинци хэцзо», жэньминь чубаньши, 2010 г. (Региональное экономическое сотрудничество в рамках ШОС. — Народное издательство, 2010).
2. Шуцзю лайюань: лянхэхэ маои шуцзюку. UN comtrade (По материалам базы данных ООН по торговле).
3. Элосы цзинци фачжэньбу гунбао (Об итогах социально-экономического развития РФ в 2010 г.).
4. Хасакэсытань гоцзя тунцицзю гунбу шуцзю цзисюань дэчу (Агентство РК по статистике // <http://www.stat.kz>).
5. Чжунго хайгуань цзоншу гунбу шуцзю цзисюань дэчу (По данным Главного таможенного управления КНР // <http://www.customs.gov.cn>).
6. Доклад Института современного развития: экономические интересы и задачи России в СНГ, февраль 2010 г.
7. Мозиас П. Российско-китайские экономические отношения: перспективы в свете формирования Таможенного союза стран ЕврАзЭС. — 2011, май.
8. Чжунго чжу Элосы дашигуань цзинци шану каньцаньчу шуцзю (На основе данных Торгово-экономического представительства Посольства КНР в РФ // <http://ru.mofcom.gov.cn>).

Взаимодействие Казахстана с Россией, Китаем и Европейским Союзом в многостороннем формате

Закиева Ж.К.

«География сделала нас соседями. История сделала нас друзьями. Экономика сделала нас партнерами. Необходимость сделала нас союзниками». Эта фраза принадлежит президенту Кеннеди, высказавшемуся по поводу отношений США и Канады. Данное изречение в полной мере характеризует ситуацию в отношениях Казахстана с Россией, Китаем и Европейским Союзом. Если экономика сделала эти страны партнерами, то необходимость укрепления безопасности в регионе и в мире, в связи с усилением традиционных и появлением новых угроз, сделала их союзниками.

Последние политические и социально-экономические события в регионе и в мире подтверждают тесную взаимосвязь между достижением политической стабильности и экономическим развитием стран и то, что социально-экономическая устойчивость является основой для укрепления безопасности и стабильности как в странах, так и в регионе в целом. Понимание этой взаимозависимости демонстрирует Китай, который, являясь второй экономикой мира с ВВП около 6 трлн долл. США, в целях обеспечения гарантий внутренней и внешней безопасности страны, в основу новой стратегии экономического развития Китая, сформулированной во многом, исходя из уроков арабской революции, заложил Программу ускоренного социально-экономического развития. Признание политических рисков с точки зрения стабильности в обществе повлияло на решение властей КНР начать сдвиг в сторону социально-ориентированной экономики.

В контексте данных тенденций мирового развития особую важность приобретает экономическое партнерство Казахста-

на с ближайшими соседями по евразийскому пространству — Россией, Китаем, государствами Центральной Азии, а также странами ЕС.

Интересы Евросоюза, России, Китая в Казахстане и в целом в Центральной Азии сконцентрированы по основным направлениям: Торговля и инвестиции; Энергетика; Транспорт и транзит; Управление водными ресурсами; Региональная интеграция. Эти совпадающие интересы и создают основу для сотрудничества в многостороннем формате.

В последние годы Евросоюз является для Казахстана торговым партнером номер один. Если за 2008 г. товарооборот между РК и ЕС составил 23 млрд евро и вырос по сравнению с 2007 г. на 42%, а в 2009 г. товарооборот РК с ЕС достигал 28,8 млрд долл. США, то в 2010 г. произошло оживление торговой и инвестиционной политики, товарооборот достиг уже 40 млрд долл. США. Позитивную роль в резком увеличении товарооборота сыграло председательство РК в ОБСЕ. Доля ЕС составляет 40% в общем объеме товарооборота нашей страны, а доля европейского импорта составляет 27%.

Евросоюз — ведущий инвестиционный партнер Казахстана. Из 120 млрд долл. США, привлеченных в экономику Казахстана с 1993 по 2010 г. и составляющих 80% всех иностранных инвестиций в Центральную Азию, порядка 56 млрд долл. США, или 40% общего объема иностранного капитала, в казахстанской экономике приходится на инвестиции из государств ЕС. Основные страны-инвесторы — Великобритания, Италия, Франция, Германия. В свою очередь, Казахстан инвестировал в экономику стран ЕС свыше 10 млрд долл. США.

Важный стратегический вопрос сотрудничества Казахстана с Евросоюзом, а также Россией и Китаем — это энергетический фактор. За годы независимости Казахстан утвердился в качестве надежного и ответственного энергетического парт-

нера, являясь третьим крупнейшим поставщиком энергоносителей в Европу из стран — не членов ОПЕК, после России и Норвегии. Сегодня Казахстан экспортирует в страны Европы энергоресурсы на сумму, превышающую 10 млрд долл. США. В ряде государств ЕС доля поставок казахстанской нефти весьма высока. Так, например, в Румынии она составляет 30%, в Австрии — 25%, а в Швейцарии — Казахстан занимает второе место по поставкам нефти. В целом Казахстан обеспечивает до 20% общего объема импорта энергоносителей в страны ЕС.

С позиций энергетических интересов Европейский Союз заинтересован в интеграции Центральной Азии, поскольку значительное количество проектов в этом регионе можно было бы проще и финансово выгоднее реализовывать, если бы центральноазиатские страны были объединены. Для всей Европы приоритетными являются вопросы «большой энергетики», «углубление и расширение маршрутов транспортировки энергоресурсов», на которые Брюссель выделяет значительные средства и с помощью которых планируется максимально снизить зависимость западноевропейских государств от поставок нефти и природного газа из России. Среди региональных приоритетов Европейского Союза — реализация Стратегии нового партнерства между ЕС и странами ЦА на 2007—2013 гг., включая вопрос об обновленных национальных приоритетах, а также продолжающееся сотрудничество в рамках Бакинской инициативы, ИНОГЕЙТа, ТРАСЕКИ и Энергетической хартии. Прокладка нефтепровода «Баку — Тбилиси — Джейхан» помогла ведущим западным энергетическим компаниям получить доступ к добыче ресурсов Центральной Азии и Южного Кавказа.

Европейским Союзом ведется давняя кампания по осуществлению проекта «Набукко» по доставке природного газа из Туркменистана в страны Западной Европы по дну

Каспийского моря через территории Азербайджана, Грузии и Турции. Есть варианты по расширению поставок нефти из Казахстана на европейские рынки через Каспий, а также прокладка нефте- и газопроводов по дну Черного моря. Евросоюз заинтересован в том, чтобы Туркменистан, Узбекистан и Казахстан присоединились к проекту газопровода «Набукко» по доставке природного газа из Центральной Азии в Европу.

ЕС рассматривает расширение маршрутов и возможностей трансчерноморской и транскаспийской транспортировки нефти, стремится к развитию дальнейшего сотрудничества через энергетическую макинскую инициативу ЕС, в которую входят, с одной стороны, государства ЕС, а с другой — 12 государств — партнеров Прикаспийского и Причерноморского регионов. И, конечно же, безопасность энергопоставок и диверсификация энергоресурсов находятся во главе повестки дня.

Европейская новая стратегия по Центральной Азии также рассматривает сотрудничество в трех главных секторах, таких, как образование — Европейская образовательная инициатива; право — инициатива ЕС «Верховенство права в Центральной Азии» и охрана окружающей среды. Европейский Союз намерен содействовать этой интеграции путем устранения торговых барьеров между государствами региона и формирования элементов общего рынка и поддерживает вступление четырех стран Центральной Азии в ВТО. Существует необходимость в разработке интегрированной политики использования водных ресурсов на основе достижения солидарности верховых и низовых стран. Сотрудничество в сфере водных ресурсов имеет огромное значение для ЕС, особенно в связи с достижением в 2015 г. «Целей развития тысячелетия». Кроме того, сама стратегия предполагает повышенные обязательства ЕС в отношении региона и, соответственно, внушительный бюджет, который будет увеличи-

ваться до 750 млн евро. Среднее ежегодное распределение этих денег в регионе составило 58 млн евро в 2007 г., 139 млн евро поступит до 2013 г.

Со своей стороны к энергоресурсам Центральной Азии большой интерес проявляет и Китай. Китайцы уже получают нефть из Казахстана, а с декабря 2009 г. в западные районы КНР поступает природный газ из Туркменистана, идущий транзитом через территории Узбекистана и Казахстана. Газопровод ТУКК в Поднебесную стал первой реальной альтернативой экспорта среднеазиатского газа. Казахстанско-китайское соглашение о совместной разработке крупного газового месторождения Урихтау в Актюбинской области предусматривает еще одну врезку со стороны Казахстана к газопроводу из Туркменистана в Китай. На стадии обсуждения проект по прокладке дополнительной ветки, которая будет идти из Туркменистана через территорию Казахстана.

Среди экономических интересов России в странах Центральной Азии также доминирует топливно-энергетический комплекс. Прежде всего, это поставки природного газа из Туркменистана, Узбекистана и Казахстана, транзит казахстанской нефти, а также участие в строительстве крупных гидроэлектростанций в Киргизии и Таджикистане. В 2009 г. между Россией и Туркменистаном была достигнута договоренность о совместном строительстве Прикаспийской трубы и газопровода «Восток — Запад», который пройдет по территории Казахстана.

Транспорт является важным приоритетом сотрудничества в многостороннем формате Центральная Азия — Европейский Союз — Россия — Китай, а регион и Казахстан, в частности, на ближайшие 20—25 лет остаются важнейшим транспортным участком для связи между собой районов Западного Китая и Западной Европы. Казахстан приступил к созданию транзитного автодорожного коридора «Западная

Европа — Западный Китай», который профинансируют пять международных финансовых институтов на сумму в 3 млрд евро. Данный автокоридор сокращает сроки доставки товаров между Западной Европой и Китаем примерно в 3,5 раза. Причем Китай готов инвестировать в этот транспортный проект, в том числе в прокладку шоссейных дорог и железнодорожных магистралей, а также в оборудование, и в модернизацию аэропортов как в России, так и в странах Центральной Азии.

Россия также намерена получить определенные выгоды от прокладки транспортного коридора из Западного Китая в Западную Европу и, прежде всего, активизировать развитие районов Поволжья и Причерноморья. Кроме того, российское руководство планирует снять транспортное напряжение с Москвы и переориентировать транспортные потоки в ее обход, особенно с теми грузами, которые идут через Россию транзитом в страны Западной Европы и Скандинавии.

Отдельно стоит упомянуть и о европейских интересах в этом проекте. Европейцы стремятся диверсифицировать все имеющиеся маршруты по доставке на континент как энергоресурсов, так и других товаров. К тому же Европа заинтересована и в диверсификации внутриевропейских транспортных маршрутов для доставки грузов.

Есть заинтересованность в этом проекте и со стороны ТРАСЕКА — евразийской организации, которая объединяет 14 стран Евросоюза, а также государства Кавказского и Центральноазиатского регионов. Эта структура продвигает не только прокладку транспортного коридора из Западного Китая через Казахстан, Россию и страны Восточной Европы, но и маршрут, идущий на Кавказ, что, в принципе, также выгодно и Казахстану.

Что касается Казахстана, то он является наиболее заинтересованным участником в успешном осуществлении данного

проекта. Ключевым моментом для Казахстана здесь является вопрос развития внутренних районов страны и подъем их экономики за счет прокладки межконтинентального транспортного коридора. Посредством привязки транспортных коммуникаций Китая к европейским рынкам для Казахстана появится возможность привлекать в свою страну и серьезные зарубежные инвестиции не только в нефтегазовый комплекс, но и в другие области промышленности, развитие сельского хозяйства, переработку сырья, создание транзитных транспортных узлов. При этом подобный транзитный коридор из Китая в Европу очень выгоден не только Казахстану, но и соседним с ним центральноазиатским странам.

Узбекистан, не участвующий в этом многостороннем проекте, в последнее время проявляет интерес к данному транспортному коридору. В настоящее время узбекская сторона предлагает подключить Узбекистан к автомагистрали «Западная Европа — Западный Китай» и использовать автомобильную дорогу, пролегающую с запада на восток Узбекистана через г. Ташкент, по направлению на юг к Афганистану, Пакистану и Индии. Узбекистан заинтересован в реализации соглашения по созданию благоприятных условий для международных автомобильных перевозок и принятии конкретных мер по строительству и реконструкции автомобильных дорог в составе транспортного коридора Е-40 (Россия — Казахстан — Узбекистан — Киргизия — Китай) и межгосударственного соглашения о формировании нового международного транспортного коридора «Средняя Азия — Персидский залив», подписанного в апреле 2011 г. в г. Ашхабаде, который соединит наземным путем пространство ШОС с портами Персидского и Оманского заливов.

Кроме того, существует план сооружения короткого коридора из Китая через Казахстан в Россию и далее в Европу, в котором заинтересованы Евросоюз, Россия, Китай.

С этой целью подписано соглашение с Китаем и Казахстаном о строительстве нового автомобильного маршрута «Китай — Казахстан — Россия». Сегодня китайский участок трассы уже проложен, а казахстанский будет построен и доведен до границ России в 2012 г.

Китай вносит особый вклад в оживление экономик стран Центральной Азии, особенно постконфликтных Таджикистана и Киргизии. За 2000—2010 гг. суммарный объем товарооборота Китая со странами Центральной Азии увеличился примерно в 13 раз, с Казахстаном превысил 70% от этого товарооборота. Казахстан стал вторым экономическим партнером Поднебесной на территории бывшего Советского Союза. Заложена основа для того, чтобы Казахстан стал мостом в торговых отношениях Китая с Европой. На сегодняшний день Китай предоставил Казахстану около 13,5 млрд долл. США в качестве финансовой поддержки по проектам инфраструктурного строительства. За последние десять лет внешнеторговый оборот между Китаем и Казахстаном также увеличился в 13 раз и в 2010 г. достиг 20,4 млрд долл. США. Подтверждена необходимость долгосрочного и стабильного функционирования совместных проектов в нефтегазовой отрасли, расширения сотрудничества в сфере ядерной энергетики и в разработке таких альтернативных источников энергии, как солнечная и ветровая. Китай является вторым по величине торговым партнером для Узбекистана и Таджикистана. Резкое повышение объемов импорта в Китай из стран Центральной Азии — это одна из основных особенностей торговли между Китаем и странами Центральной Азии в последнее время. В соответствии с Планом 12-й пятилетки развития КНР и приоритетностью стратегии скачкообразного развития СУАР КНР, ускоренного освоения западных районов страны, развития транспортных коридоров и приграничного сотрудничества Китай работает в сторону

углубления сотрудничества с Казахстаном и сопредельными государствами и продолжает интенсивно увеличивать свое присутствие в Центральной Азии. Причем эти шаги настолько внушительны, что можно утверждать о созданной Пекином энергетической инфраструктуре в Центральной Азии для снабжения китайской экономики. Старт был дан серией соглашений со странами СНГ в апреле 1996 г., благодаря которым Китай смог довольно быстро и глубоко внедриться на энергетические рынки Центральной Азии в течение десяти лет. Основой данного сотрудничества является всемерная поддержка Китаем идеи экономической реинтеграции внутри самого региона, а также в рамках ЕврАзЭС и постепенной интеграции в рамках ШОС. Возможно, что по мере реализации этих шагов можно будет говорить о начале принципиально нового этапа китайской внешней политики в Центральной Азии.

Стратегические интересы России заставляют искать более эффективные пути укрепления интеграционных процессов в государствах СНГ, включая развитие ЕврАзЭС и Таможенного союза, а также формирование Единого экономического пространства, подготовку к созданию Евразийского союза в формате Белоруссия — Казахстан — Россия. Начало функционирования Таможенного союза и работа по введению договорно-правовой базы Единого экономического пространства Белоруссии, Казахстана и России являются подтверждением совместной эффективной работы в данном направлении. В будущем не исключено присоединение к Таможенному союзу Киргизии и Украины.

Интеграция и взаимовыгодная кооперация благоприятны для стран Центральноазиатского региона, способного превратиться в самодостаточный регион по основным экономическим показателям и природным богатствам — от нефти, газа, урана и золота до развитого сельского хозяйства,

мощной гидроэнергетики, современной инфраструктуры. По прагматическим соображениям значительное количество проектов в этом регионе более выгодно реализовывать объединенными усилиями всех стран.

Действительно, в настоящее время в Центральной Азии уже функционирует ряд региональных организаций, в которые входят, кроме государств этого региона, и многие другие страны. Сегодня Центральная Азия входит в СНГ. Страны региона, за исключением Туркменистана, являются членами ОДКБ, ШОС. Следует отметить, что эти межгосударственные объединения функционируют при ведущей политической и экономической роли России и Китая. Идея региональной интеграции стран региона, в частности создание Союза государств Центральной Азии, высказывалась руководством Казахстана сразу же после распада Советского Союза. Это предложение было частично поддержано Киргизией и Таджикистаном, но не нашло понимания в Узбекистане и Туркменистане. Так, Узбекистан еще в конце 2008 г. вышел из рядов Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), не выразив желания войти в Таможенный союз. Туркменистан с 1995 г. придерживается политики постоянного нейтралитета, воздерживаясь от членства в любых интеграционных объединениях. На этом фоне привлекает внимание такое интеграционное объединение, как Организация центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС), в которую, помимо Казахстана, Киргизии и Таджикистана, входят Туркменистан и Узбекистан, а также Азербайджан, Афганистан, Китай, Монголия, Пакистан. Об эффективности ЦАРЭС свидетельствует тот факт, что за десять лет своего существования ЦАРЭС осуществила инвестиции в энергетику и транспорт стран-участников на сумму более 15 млрд долл. США.

Перспективы развития сотрудничества Казахстана, России, Китая, стран Центральной Азии с подключением стран

Евросоюза в многостороннем формате могут найти реальное воплощение в рамках проектов ШОС. Эти направления охватывают создание единого транспортно-энергетического пространства ШОС, формирование Евразийской системы трубопроводов и линий электропередачи, активизацию строительства скоростных железных дорог от портов Тихого океана до Западной Европы, учреждение Комитета по инфраструктурной интеграции стран ШОС, создание новых механизмов тесного экономического сотрудничества, снижение барьеров на пути инвестиций и торговли, ускорение формирования Фонда развития для финансирования совместных проектов и инвестиций, основание Водно-продовольственного комитета и др. Основным финансовым донором проектов на сегодняшний день выступает Китай, который на саммите ШОС в Астане в июне 2011 г. подтвердил намерение о выделении кредитов на льготных условиях общей суммой в 12 млрд долл. США странам-участникам и продолжение практики предоставления льготных кредитов.

Перспективные направления многостороннего сотрудничества на евразийском пространстве в контексте стабилизации мировой финансовой системы

Додонов В.Ю.

Рассматривая направления возможного сотрудничества Евросоюза, Китая, России и Казахстана, можно отметить, что наиболее перспективным будет сотрудничество, адекватное масштабу указанных экономик и направленное при этом на пустующие в настоящее время ниши многосторонней кооперации. Потенциал сотрудничества, определяемый масштабами экономик, весьма велик — по оценкам Всемирного банка, совокупный ВВП рассматриваемых экономик составил по итогам 2010 г. почти 24 трлн долл. США (16,3 — ЕС, 5,9 — КНР, 1,47 — РФ, 0,14 — РК), или 38% мирового ВВП.

Что же касается перспективных ниш многостороннего сотрудничества, соответствующих потенциалу участников, то, на наш взгляд, наиболее обещающим его направлением может стать совместная разработка новых инвестиционных инструментов, способных заместить нынешнюю крайне неэффективную систему мировых резервов. Проблемность действующей системы мировых финансовых резервов, представленных преимущественно государственными ценными бумагами США, крайне остро стоит перед экспортно-ориентированными экономиками с высокими размерами сальдо торговых балансов, в том числе перед Китаем, Россией и Казахстаном. Уже в посткризисный период международные резервы этих стран существенно выросли (рис. 1, 2) и составляют в настоящее время 3 045, 525 и 36 млрд долл. США соответственно. Рост резервов идет быстрыми темпами и за

два с небольшим года составил 1,6, 1,3 и 1,9 раз для указанных стран.

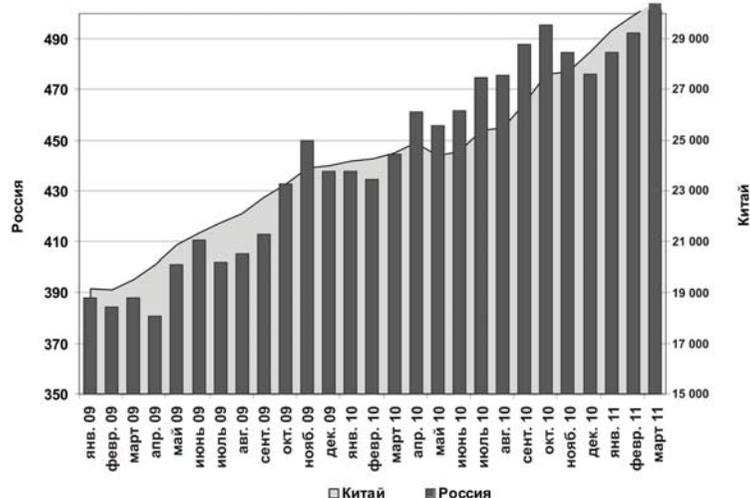

Рис 1. Динамика роста международных резервов Китая и России в 2009—2011 гг., млрд долл. США

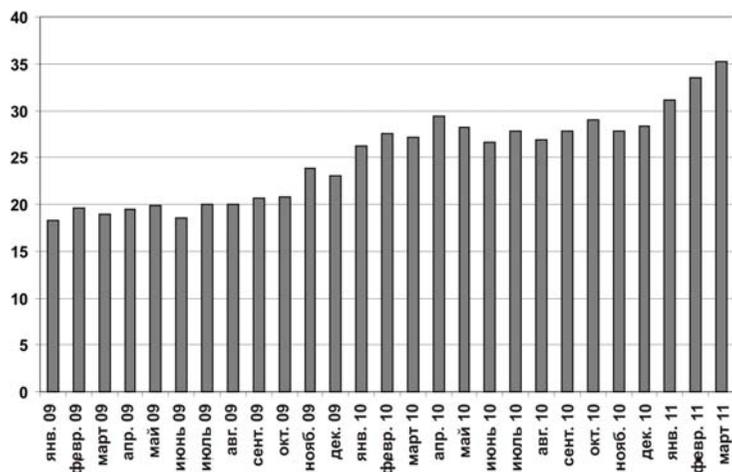

Рис. 2. Динамика роста международных резервов Национального банка Казахстана в 2009—2011 гг., млрд долл. США

Также необходимо отметить тенденцию, проявившуюся в течение последнего десятилетия и отражающую смену лидеров формирования мировых резервов. Если еще в 1990-е гг. основной объем международных резервов (иностранной валюты и золота) приходился на развитые страны, то всего за несколько лет во второй половине 2000-х гг. акцент сместился в страны с развивающимися экономиками (рис. 3). Китай, Россия и Казахстан относятся к этой группе, которая обладает в настоящее время большинством резервов мира и, как следствие, весьма уязвима к потенциальной нестабильности в странах — эмитентах резервных активов.

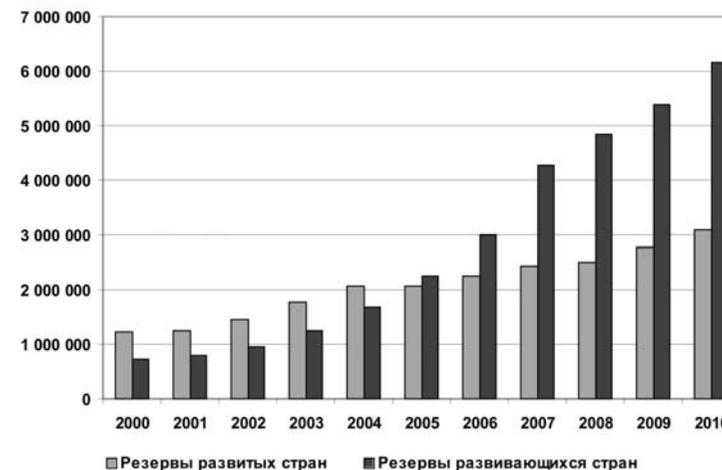

Рис. 3. Динамика размера международных резервов развитых и развивающихся стран в 2000-е гг., млн долл. США*

Между тем проблема аллокации резервов становится все более острой по мере усугубления проблем долговой сферы развитых стран, и в первую очередь США, в ценные бумаги которых размещаются резервы. При этом альтернативы каз-

* Рассчитано автором согласно данным МВФ: *Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER)*.

начейским обязательствам США как основному резервному активу мира практически нет. Соответственно, все больше средств размещается во все менее обеспеченные и надежные финансовые инструменты. За минувшее десятилетие долларové активы продолжают оставаться доминирующими на рынке мировых резервов, лишь немного уступив позиции активам, денонмированным в евро (рис. 4, 5).

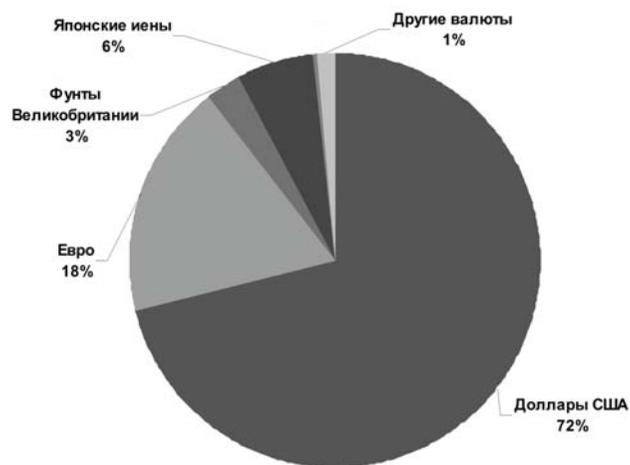

Рис. 4. Структура размещенных международных резервов по видам валют в 2000 г.

Кроме того, нельзя не отметить и моральные проблемы размещения средств развивающихся стран в американские долговые активы, поскольку в том числе и за счет привлечения средств через эти инструменты дефицитный бюджет США получает возможность реализации своей агрессивной внешней политики. Например, по официальным данным, расходы США на войну в Ираке составили за 2003—2010 гг.

* Рассчитано автором согласно данным МВФ: *Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER)*.

более 700 млрд долл. США, а общие расходы на военные операции, по экспертным оценкам, превысили 1 трлн долл. США. В то же время только инвестиции Китая в американские долговые бумаги за 2004—2010 гг. увеличились на 1,3 трлн долл. США (с 0,3 до 1,6), то есть можно, образно выражаясь, сказать, что Китай профинансировал с избытком операции США в Ираке, Афганистане и Ливии, а растущий масштаб войн США против развивающихся стран стал возможен благодаря вкладам развивающихся стран в американские активы.

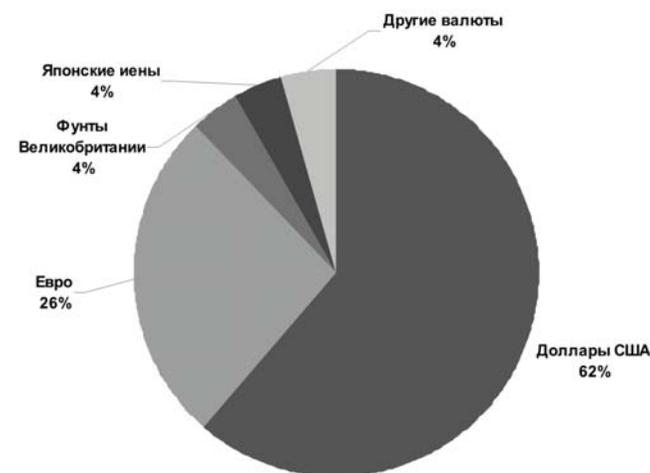
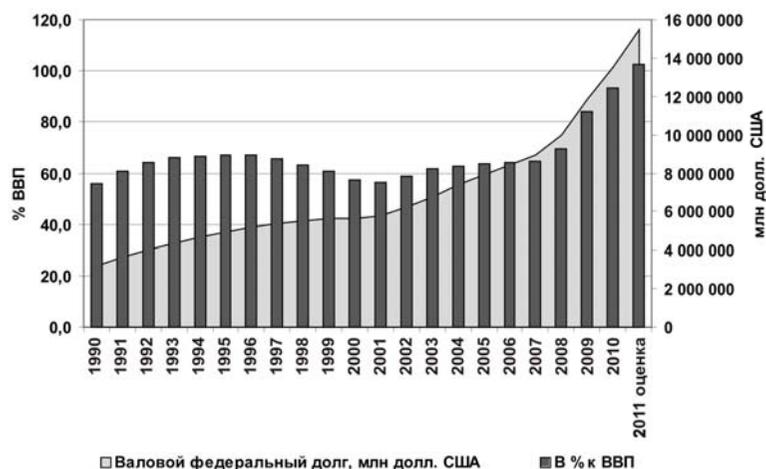

Рис. 5. Структура размещенных международных резервов по видам валют в 2010 г.

Настоящая тенденция не может не вызывать обеспокоенности как у стран, имеющих большие резервы, размещенные в долларовых активах, так и в целом — в контексте глобальной финансовой стабильности, поскольку устойчивость

* Рассчитано автором согласно данным МВФ: *Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER)*.

данных активов в долгосрочной перспективе весьма спорна. Проблематичность резервных долларовых активов, а именно долговых ценных бумаг, может стать угрозой для мировой финансовой системы, поскольку в последнее время США ускоренными темпами наращивают свой долг (рис. 6) и тем самым быстро снижают обеспеченность соответствующих ценных бумаг.

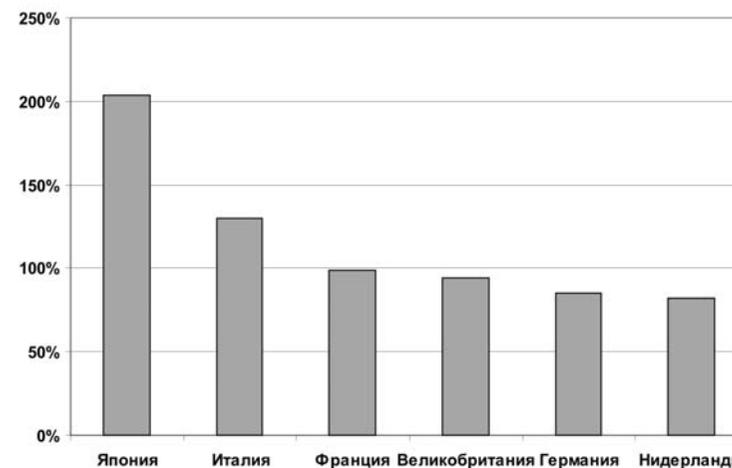

Рис. 6. Динамика роста абсолютных и относительных показателей федерального долга США, млн долл. США, % к ВВП*

Проблема с резервными активами в их современной ипостаси не исчерпывается, однако, ухудшающимся финансовым состоянием США как эмитента главной мировой резервной валюты. Сходные параметры обеспеченности своих долговых инструментов в настоящее время демонстрируют практически все крупные развитые экономики (Япония, Великобритания, страны еврозоны), долговые обязательства которых выступают в качестве международных резервных

* Рассчитано автором согласно данным официального сайта Белого дома // <http://www.whitehouse.gov/omb/budget/Historicals>.

активов. Прогноз соотношения государственного долга и ВВП на 2011 г., приведенный на рисунке 7, демонстрирует завышенные размеры этого показателя почти у всех ведущих развитых экономик мира.

Рис. 7. Соотношение государственного долга и ВВП в ведущих индустриальных странах мира в 2011 г.

Помимо неблагоприятного соотношения долгов и ВВП, есть и еще более негативная статистика, характеризующая обеспеченность долговых ценных бумаг международными резервами, которая является наихудшей именно у США и других стран с наиболее развитыми финансовыми системами.

Так, США и Великобритания отличаются минимальным уровнем обеспеченности своих долгов резервами. Например, государственный долг США на начало мая 2011 г. превышал 14,3 трлн долл. США при размере государственных золотовалютных резервов всего около 132 млрд долл. США. То есть долги американского правительства обеспечены резервами примерно на 1%! Британский государственный долг, достигший в январе 2011 г. уровня в 1 трлн фунтов (1,64 трлн долл.

США), обеспечен государственными резервами (106 млрд долл. США) немногим лучше — всего на 6%. Фактически данная ситуация позволяет классифицировать долги многих развитых стран как финансовую пирамиду.

Учитывая неустойчивый и необеспеченный реальным базисом характер современных резервных активов — долговых обязательств развитых стран, именно проблема сохранности и размещения растущих резервов странами-экспортерами будет наиболее актуальным вызовом ближайшего десятилетия в мировом масштабе. Обрушение финансовой пирамиды казначейских обязательств рано или поздно произойдет (по нашему мнению, в перспективе 10—15 лет), поэтому следует заблаговременно готовиться к неблагоприятному развитию событий. Необходимо отметить, что существуют весьма реальные предпосылки для такого развития событий, которые делают возможное обрушение пирамиды Treasuries весьма вероятным.

Основным фактором утраты американского лидерства на мировых рынках станет, на наш взгляд, изменение статуса американского доллара, который к 2030 г. не будет больше оставаться доминирующей резервной валютой. Это может произойти в силу одной из двух следующих причин или их комбинации: 1. Появление общеевропейских государственных ценных бумаг, которые оттянут на себя около половины средств, размещаемых сейчас в американских U.S. Treasuries. 2. Возможная конфронтация США и КНР, в которой Китай может применить «экономическое оружие», продав указанные американские бумаги (в настоящее время Китай держит около 10% совокупного объема американских долговых бумаг — примерно 1,1 трлн долл. США), и обрушить рынок как самих Treasuries, так и доллара, который не сможет оправиться после такого удара и вернуть себе позиции мировой резервной валюты №1. Кроме того, несовпадение политичес-

ких амбиций и экономических возможностей США ведет к быстрому росту государственного долга, который при сохранении нынешних тенденций в течение примерно 10—15 лет достигнет неприемлемых для инвесторов значений, что может завершиться паникой, сбросом государственных долговых бумаг и необратимой утратой доверия к американской финансовой системе.

В результате любого из указанных сценариев курс доллара может снизиться примерно в три раза, что создаст комплекс трудноразрешимых и болезненных проблем, прежде всего для американской экономики, но также и для всего мира. Резкое обесценение американской валюты приведет к обрушению многих американских финансовых институтов вследствие падения стоимости их активов, денонмированных в долларах, и неспособности отвечать по своим обязательствам, аналогичному обесценению сбережений населения и других участников финансовых рынков. Одним из наиболее болезненных последствий такого сценария станет невозможность американских эмитентов обслуживать свои внешние долги из-за того, что выплаты за рубеж в иностранных валютах увеличатся пропорционально падению курса доллара. Соответственно, весьма вероятен будет суверенный дефолт США, что обрушит всю мировую финансовую систему. Именно этот фактор станет определяющей причиной беспрецедентного по своим масштабам финансового кризиса глобальных масштабов, в результате которого будет радикально реформатирована существующая мировая финансовая архитектура с приматом доллара и ведущей ролью США в мировой экономике.

На наш взгляд, такой сценарий возможен в перспективе 10—15 лет и, учитывая масштаб потенциальных проблем, необходимо разрабатывать способы его нейтрализации уже сегодня. Главной угрозой стабильности стран с высокими

запасами международных резервов в этом случае будет перспектива потери большей их части вследствие резкого обесценения доллара (напомним, что в настоящее время большая часть резервов мира сосредоточена в долларовых активах). Соответственно, главной задачей ближайшего десятилетия должен быть поиск, а точнее разработка, новых инструментов, способных стать надежным средством размещения государственных резервов и альтернативой нынешним долговым бумагам развитых стран, эмитируемых по пирамидальному принципу.

Именно в этом направлении сотрудничество таких ключевых акторов мировой экономики, как Китай, Евросоюз, Россия и Казахстан, может принести позитивные и действенные результаты. Необходимость же и актуальность поставленной проблемы для данных экономик не вызывает сомнений, так как они представляют большую часть международных резервов мира, а в Казахстане, Китае и России эти резервы очень велики не только в абсолютном, но и относительном выражении (более 30% относительно размеров ВВП), то есть их значимость в экономике крайне важна. И как страны, которые при описанном выше сценарии окажутся в числе наиболее пострадавших, в силу большого размера резервов, они должны быть наиболее заинтересованными сторонами и выступать в авангарде усилий по реформированию системы мировых резервных активов.

На наш взгляд, такое реформирование должно предполагать создание нового класса инвестиционных инструментов, обладающих, в отличие от нынешних резервных активов, рядом принципиально важных особенностей:

1. Международный характер эмиссии и управления.
2. Обеспеченность реальными активами.
3. Объективность оценки инвестиционной привлекательности.

Трех приведенных качеств в настоящее время практически полностью лишены современные резервные активы — государственные долговые обязательства США и других развитых стран. Их эмиссия осуществляется одной страной — монополистом, и инвесторы лишены возможности хоть как-то влиять на политику эмитента. Обеспеченность активами, как было показано выше, близка к символической, и ранее выпущенные обязательства покрываются за счет выпуска новых, то есть пирамида существует до тех пор, пока инвесторы продолжают в нее вкладываться. При столь явных недостатках данные инструменты имеют заведомо завышенные рейтинговые оценки (что и делает возможным приток инвестиционных капиталов) максимального уровня (AAA), которые, учитывая обеспеченность данных инструментов, нельзя назвать иначе как смехотворными. Очевидно, что такими системными недостатками не должны обладать активы, исполняющие роль глобальных резервов и аккумулирующие триллионы долларов.

По нашему мнению, целесообразно создание новой системы международных резервных финансовых инструментов совместными усилиями ведущих стран мира, включая Евросоюз, Китай, Россию и Казахстан. Международный и многосторонний характер осуществления эмиссии таких инструментов должен обеспечиваться путем создания специального органа-эмитента (условное название — Международный резервный фонд — МРФ), в котором в пропорциональных долях будут представлены страны-участники. Обеспеченность же выпускаемых данным фондом инструментов может достигаться использованием неких базовых активов с постоянным содержанием. На наш взгляд, базовым активом таких резервных инструментов могут быть товарные контракты — по отдельности или их корзина.

Следует отметить, что де-факто товарные контракты уже в настоящее время являются инвестиционным резервным

инструментом, и именно по этой причине в последние годы наблюдается быстрый устойчивый рост цен на нефть, золото, промышленные металлы, который не смог прервать даже мировой кризис. Инвесторы уводят капиталы из стремительно обесценивающихся монетарных активов в реальные ценности. Однако такие инвестиционные стратегии в настоящее время доступны только частным инвесторам, государственные резервы не вкладываются в товарные активы, за исключением традиционно представленного в резервах золота. Но золото не в состоянии поглотить всю ликвидность, имеющуюся в распоряжении государств, поэтому требуется расширение инвестиционных возможностей в иные товарные активы, не подверженные девальвации.

На наш взгляд, такими активами могут стать нефть, промышленные металлы, сельскохозяйственная продукция, которые будут значительно более надежным способом сбережения. Можно в связи с этим отметить, что за последнее десятилетие, в течение которого мировые резервы выросли примерно в пять раз — с 1 936 до 9 258 млрд долл. США, их «нефтяное выражение» практически не изменилось. На конец 2000 г. цена нефти сорта «брент» составляла около 21 долл. США, а на конец 2010 — около 91 долл. То есть, если бы мировые резервы измерялись не долларами, а нефтью, их состояние за минувшее десятилетие было бы стабильным — 92 млрд барр. в 2000 г. и 102 млрд в 2010 г. (рис. 8).

Замена некачественных долговых обязательств развитых стран на товарные активы, точнее, финансовые инструменты, выпускаемые Международным резервным фондом на их основе, могла бы стать фактором стабилизации мировой финансовой системы, снижения амплитуды глобальных кризисов и, самое главное, позволила бы обеспечить сохранность национальных резервов от грядущих потерь, связанных с долговыми проблемами США.

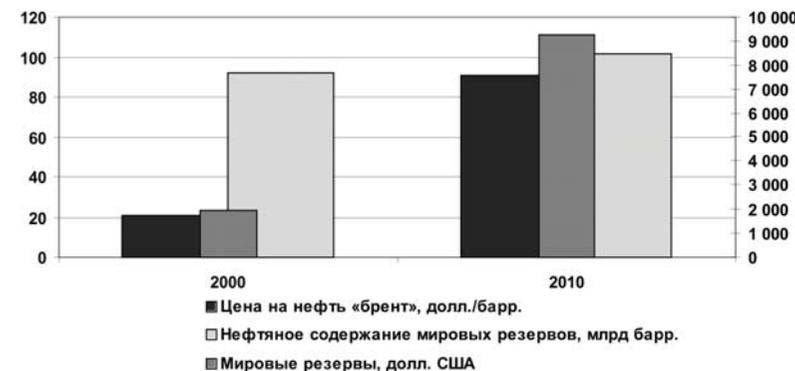

Рис. 8. Взаимосвязь размеров международных резервов и цен на нефть в 2000—2010 гг.

Участие стран Евросоюза, России, Казахстана и Китая в предлагаемом проекте могло бы быть выгодно для всех сторон. Государства, добывающие товары, выступающие в качестве базовых активов, в том числе Россия и Казахстан, могли бы выступить гарантом поставок данных продуктов под выпускаемые инструменты. Страны ЕС как импортеры энергоносителей и сырья могли бы приобретать такие инструменты не только для размещения своих резервов, но и в качестве метода диверсификации товарных поставок. Китай получил бы надежный инструмент размещения активов в качественные и обеспеченные инструменты и каналы избыточной ликвидности, которая с каждым годом становится все более острой проблемой.

Китай как новая экономическая сверхдержава

Карибджанов Е.С.

Мировая экономика начинает расти заново, подстегиваемая быстрыми темпами роста азиатских экономик, стабилизацией и восстановлением в разных странах. После падения в 2009 г. на 1,1%, мировая экономика выросла на 3,1—3,9% в 2010 г. Несмотря на существенную волатильность на финансовых рынках, восстановление мировой экономики идет согласно ожиданиям. Такой вывод содержится в новом Глобальном экономическом прогнозе международного рейтингового агентства Fitch Ratings [1]. Все идет «по плану» в значительной мере за счет проведения стимулирующей политики на развитых рынках и сохраняющейся динамики на развивающихся рынках. Fitch дает свои прогнозы роста ВВП в мире до 3,4% в 2010 г., 3% в 2011 г. и 3,3% в 2012 г. Развивающиеся страны стали лидерами по росту ВВП — 5,1 в 2010 г. (2009 г. — 1,7%). Среди лидеров Китай — 9% в 2010 г. (2009 г. — 9%), Индия — 6,4% в 2010 г. (2009 г. — 5,4%).

Идеи перекройки мировой финансовой архитектуры, существовавшие в начале кризисного периода, не оправдали себя. В период кризиса много было дебатов по поводу ведущих финансовых институтов и резервных валют, и в первую очередь доллара. Остается риторическим вопрос, будут ли появляться новые резервные валюты. Вряд ли юань будет претендовать на эту роль в силу закрытости китайской экономики. Возможно, будет усиливаться иена. Также привлекательно смотрятся валюты развивающихся стран.

Глобальных изменений в институциональном плане не произошло, но происходят качественные изменения в макроэкономической политике государств мира. Они, прежде всего, касаются взаимодействия со стремительно растущей

экономикой Китая. Это, в свою очередь, учитывается как внешний фактор при макроэкономическом мониторинге.

В 2011 г. мировая экономика стала вступать в стадию «стабильного роста», хотя и замедленного, и локомотивом мирового роста по-прежнему останется Китай — 8,5% [2]. Предполагается, что данная стадия будет длиться два года. Главной особенностью этого периода станет то, что половина мирового роста будет приходиться на развивающиеся страны. К примеру, в 2011 г. ВВП этого региона увеличится на 6%, а развитых стран — на 2,4%.

И здесь можно провести параллель между развитием КНР и США. США — ведущая страна мира как в экономическом, так и в политическом смысле. По итогам 2010 г. ВВП США в реальном выражении повысился на 2,9% после сокращения на 2,6% в 2009 г. Рост крупнейшей экономики мира по итогам минувшего года обусловлен ростом экспорта. Прогнозируется рост экономики США на 3,2% в 2011 г. и 3,3% в 2012 г. [3]

Тем не менее в экономике США назревают неприятные проблемы. Основными проблемами США являются внешний долг, безработица и падение цен на рынке недвижимости. По мнению экспертов, американской экономике необходимо расти хотя бы со скоростью 3%, чтобы обеспечивать прирост занятости. Объем промышленного производства в США в апреле 2011 г. вырос на 0,8%. Американские компании продолжают инвестировать средства в новое оборудование, что приводит к росту объемов выпуска и появлению новых рабочих мест. Уровень безработицы в США в 2010 г. составил 9,7%. Однако ожидается снижение уровня безработицы до 9,1% в 2011 г. и 8,7% в 2012 г. [4].

Известный экономист Н. Рубини полагает, что США пострадают, если стране не удастся решить проблемы с бюджетом. Госдолг США в 2012 г. может вырасти с 60% ВВП до 90%. По прогнозу Конгресса, дефицит бюджета США в

этом финансовом году увеличится до 1,5 трлн долл. США по сравнению с 1,3 трлн долл. США в прошлом году, который завершился в сентябре 2010-го. Бюджет США в следующем финансовом году сократится до 1,1 трлн долл. США [5].

На фоне проблем в американской экономике Китай выглядит на первый взгляд намного предпочтительнее. В текущем году Китай показывает высокие темпы роста валового внутреннего продукта — 9,7%, выше прогнозируемых [6]. В 2010 г. темпы роста экономики составили 10,3%. При этом ВВП Китая в 2010 г. составил почти 39,8 трлн юаней (6,48 трлн долл. США). Китайская экономика сохраняет стабильный и достаточно быстрый рост за счет активной финансовой и умеренной монетарной политики, укрепления и совершенствования системы макроэкономического контроля.

Стремительный рост экономики Китая приводит к тому, что КНР становится реальной экономической сверхдержавой. В данном случае речь не идет о развитии государства, как ведущие западные страны ОЭСР, речь идет об абсолютных показателях, которые в Китае гигантские. Сочетание «Китай — новая экономическая сверхдержава» стало очень популярно в мировой экономической литературе за последние годы. Известный американский экономист Дж. Кенонн задается вопросом: «Как будет строиться политика США по отношению к новой экономической сверхдержаве Китаю?».

В апреле 2011 г. МВФ заявил, что к 2016 г. Китай обгонит США по объему ВВП по ППС. По оценкам МВФ, через пять лет ВВП, рассчитанный по ППС, у Китая достигнет 19 трлн долл. США, в то время как у США — 18,8 трлн. В результате к 2016 г. американская экономика потеряет звание крупнейшей в мире, которое она занимает почти 120 лет. Доля ВВП США в мировой экономике сократится до 17,7%, доля КНР увеличится до 18%. По итогам 2010 г. ВВП Китая по ППС составил 11,2 трлн долл. США, США — 15,2 трлн.

По номинальному ВВП Китай пока существенно отстает от США — согласно итогам 2010 г., у КНР этот показатель составил 5,878 трлн долл. США, у США — 14,861 трлн. Тем не менее в настоящее время Китай прочно закрепился на позиции второй по масштабам экономики мира. По итогам 2010 г. номинальный ВВП КНР превысил аналогичный показатель Японии (5,474 трлн долл. США) [7].

Среди основных тенденций развития посткризисного периода является то, что в настоящее время *центр тяжести мировой экономики быстро движется на восток*.

Данная тенденция связана с тем, что кризис повлиял на экономику Запада в большей степени, чем на экономику азиатских стран. Вполне возможно, что после многих лет безусловного экономического лидерства центр мировой экономики перейдет в страны Азии, группируясь вокруг Китая, темпы экономического роста которого составляют 8—9%. Важнейшим является и тот момент, что страны Азии, и в первую очередь Китай, накопили огромное количество западных активов. Иными словами, азиатские страны будут занимать лидирующие позиции мировых инвесторов, что в решающей степени будет влиять на все будущее развитие мировой экономики. С учетом роста торгового профицита в торговле с развитыми странами позиции азиатских стран станут непоколебимыми.

Тем не менее «ахилесовой пятой» азиатской экономики могут служить «пузыри» в китайской экономике. К ним можно отнести возможное перепроизводство экспортной продукции на фоне низкого потребительского спроса и «перегрев» на рынке недвижимости. Однако снижение экономического роста в Китае стало бы для мировой экономики серьезной проблемой. Многие видные эксперты отмечают явно ошибочные заключения МВФ относительно ведущей экономической роли Китая к 2016 г. Важнейшим моментом является

то, что слишком быстрый рост экономики Китая ведет к ее перегреву и возможному коллапсу.

Рост притока средств в экономику Китая несет угрозу глобальному росту, так как может спровоцировать неконтролируемые валютные колебания. Так, инфляция в Китае растет достаточно быстро, которая в 2010 г. достигла двухлетнего максимума (5,1%). Темп роста потребительских цен в Китае по итогам марта 2011 г. достиг 5,4%.

В этой связи китайские власти намерены сдерживать слишком быстрый рост своей экономики. Так, 28 февраля 2011 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что страна планирует в течение ближайших пяти лет снизить темпы роста своей экономики. Теперь Китай будет ориентироваться на 8-процентный рост в 2011 г. и на 7-процентный — в 2012—2015 гг. В предыдущие пять лет ВВП КНР в среднем рос на 11,1% ежегодно.

Следующая важнейшая проблема Китая — низкий обменный курс юаня (ранее многие американские экономисты заявляли, что юань занижен к доллару на 20—40%). По мере роста экономики, несомненно, рынок будет приводить обменный курс юаня к рыночному равновесию, несмотря на все административные попытки. Постепенная ревальвация юаня негативно скажется на росте экспорта и, как следствие, на темпах роста ВВП.

К тому же рост экономики всегда сопровождается ростом заработной платы. В этой связи под угрозой находится и главное конкурентное преимущество Китая — дешевая рабочая сила. Более того, в Китае наблюдается стремительное старение нации, что будет приводить к трудной демографической ситуации, как и в странах Евросоюза.

Данные проблемы, наряду с перепроизводством экспортной продукции и наличием «пузырей» на рынке недвижимости и на рынке ценных бумаг, могут привести к гигантскому

кризису в китайской экономике, который, в свою очередь, может спровоцировать и глобальный кризис. В этой связи говорить о Китае как о глобальном экономическом лидере достаточно рано, если вообще есть шансы на это. Однако, несомненно, Китай укрепляется в новом качестве — как экономическая сверхдержава.

Важным положительным моментом для Казахстана является то, что спрос на нефть и нефтепродукты быстро растут в развивающихся странах, и в первую очередь в Китае, который становится ключевым игроком рынка углеводородного сырья.

Мировое потребление нефти в 2011 г. вырастет до 86 млн барр. в сутки. Экспортеры говорят *о росте цен на сырую нефть выше 130 долл. США и выше. Высокие цены позитивно отзываются на экономиках стран — экспортеров сырой нефти.*

В рамках энергетического сотрудничества самым приоритетным партнером для Казахстана становится Китай с его растущим потреблением. Возможен ли рост казахстанского экспорта в Китай в обозримом будущем? Да, конечно. По данным Энергетического информационного агентства США, Казахстан обладает запасами в размере 9—17,6 млрд барр. В 2009 г. производство нефти составило 76,5 млн т. Объем добычи нефти и газового конденсата возрастет до 86,8 млн т в 2013 г. Казахстанские власти предполагают увеличить производство нефти к 2020 г. до 8 млн барр. в день, по данным ЭИА США, ожидают 4 млн барр. в день. Увеличение производства связывается с привлечением иностранных инвестиций в рамках соглашений по разделу продукции.

В этой связи можно выделить противоречие между двумя стратегиями в нефтегазовом секторе, а именно между Казахстаном и Китаем. Стратегическое направление Китая очевидно: получение большего количества сырой нефти и газа

для покрытия собственных растущих потребностей и обеспечения энергетической безопасности. При этом он не заинтересован в больших ценах или переработке сырой нефти, в том числе и нефтехимии. Все это он сможет обеспечить на собственной территории. Казахстан, потребляя чуть больше 18% от собственной добычи сырой нефти, заинтересован в более эффективном использовании возможностей экспорта и переработки сырой нефти. Само по себе близкое расположение Казахстана вызывает естественный интерес Китая к развитию энергетического сотрудничества, так как Казахстан обладает большими потенциальными возможностями для поставок энергоресурсов. В то же время необходимо учитывать вышеупомянутые разногласия.

Казахстан производит 1,29 млн барр. в день. В 2015 г. планируется увеличить производство до 3,5 млн барр. в день. Однако, учитывая объемы потребления сырой нефти в Китае, Казахстан не может полностью удовлетворить данный спрос, даже если вся нефть из республики будет поступать восточному соседу. Сотрудничество с Китаем приносит и будет приносить экономические и политические дивиденды. Однако необходимо учитывать с макроэкономической точки зрения ситуацию — монополию, когда мы имеем одного покупателя. Данная ситуация может привести к монополистическому снижению цен в пользу Китая. Кроме того, выстраивая транспортную инфраструктуру в сторону Китая, необходимо учитывать другие направления экспортных поставок. И, последнее, немаловажным фактором, негативно влияющим на казахстанцев, является увеличение завоза рабочей силы из Китая, что может в будущем привести к нежелательным последствиям для Казахстана.

Тем не менее можно наблюдать тенденции расширения казахстанского экспорта сырой нефти в Китай. В мае 2006 г. Китай стал получать импортную нефть из своего первого

международного нефтепровода. Протяженность нового нефтепровода, который соединяет г. Атасу в Северном Казахстане с г. Алашанькоу в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе, составляет свыше 900 км.

Нефтепровод «Кенкияк — Атырау» (протяженностью 448,8 км, пропускной способностью до 6 млн т в год, а проектной — до 12 млн т в год) позволит состыковать существующую транспортную систему «Узень — Атырау — Самара» и планируемый к строительству на втором этапе нефтепровод «Кенкияк — Кумколь» в единую систему для вывода нефти с месторождений Западного региона на Восток страны и далее в Китай.

Важность строительства и ввода в эксплуатацию первого международного казахстанско-китайского трубопровода неопределима для Китая, который имеет разветвленную сеть нефтепроводов для транспорта нефти, добываемой в настоящее время. Эта система протяженностью 11 тыс. км позволяет транспортировать более 90% сырой нефти, добываемой на нефтепромыслах. Снижение объемов собственной добычи, рост мировых цен на нефть приведут к крайне негативным тенденциям на НПЗ, расположенных на северо-востоке и севере Китая, несмотря на все привлекаемые субсидии. Приток казахстанской нефти наполнит трубопроводную систему Китая для отправки нефти на НПЗ в целях ее переработки. Начиная с 1998 г., китайское правительство предпринимало попытки начать строительство магистрального нефтепровода из Синьцзяна до Ланьчжоу в целях обеспечения нефтью южных НПЗ. В то же время недостаток нефти, сомнения в потенциале Таримского месторождения «замораживали» идею строительства. И только ввод в действие казахстанско-китайского нефтепровода позволил Китаю решить проблему внутреннего магистрального нефтепровода, наполнив его казахстанской нефтью.

На китайский нефтяной рынок сориентированы и нацелены перспективные маркетинговые планы всех ведущих нефтяных компаний мира. Основа такого утверждения — промышленный рост в Китае (выше 10% в год), увеличение среднедушевого дохода, большой поток иностранных инвестиций, что, соответственно, приводит к росту спроса на энергоносители, и в первую очередь на сырую нефть. Казахстан может, в силу близкого географического положения, с большой эффективностью экспортировать нефть в Китай на различных условиях (немедленной оплаты, предоплаты, бартера). Затруднения вызывает отсутствие эффективных средств транспортировки сырой нефти из Западного Казахстана к границе с Китаем. Полная реализация казахстанско-китайского нефтепровода позволит экспортировать отечественную нефть в центральные промышленно развитые районы Китая.

Таким образом, при рассмотрении возможностей энергетического сотрудничества двух стран можно выделить:

- сотрудничество при совместных разработках нефтегазовых месторождений; оно не только существует, но и активно расширяется;
- широкомасштабные и расширяющиеся экспортные поставки углеводородного сырья в Китай, но при этом необходимо ограничивать присутствие Китая в нефтегазовой отрасли, где КНР уже имеет большую долю;
- возможности инвестирования в совместные предприятия по нефтепереработке с целью экспорта нефтепродуктов на растущие азиатские рынки;
- строительство и ввод в эксплуатацию магистральных нефтепроводов, что является взаимовыгодным для обеих сторон (опять же при этом не забывая рассматривать различные варианты строительства нефтепроводов от основных нефтегазовых месторождений Казахстана);

- возможности совместных разработок газовых месторождений и экспортные поставки газа из Казахстана в Китай.

Учитывая масштабы казахстанско-китайского сотрудничества в нефтегазовом секторе, можно говорить о глубоком экономическом и политическом влиянии восточного соседа на Казахстан. Отсутствие прозрачности заключаемых контрактов не позволяет в полной мере говорить об эффективности или неэффективности, однако изначально необходимо достаточно четко выстраивать инвестиционное сотрудничество с Китаем согласно принятым международным стандартам.

Немаловажным представляется технологический аспект совместного сотрудничества. Необходимо использовать все возможности китайских нефтяных компаний в технологических прорывах, в поставках новейшего технологического оборудования, в возможностях технического обслуживания. Кроме того, вызывает вопросы и сама система менеджмента на СП, поскольку существует глубокая разница в культурных навыках и привычках. Сами инвестиции — это не только финансирование, это возможность и необходимость улучшения и подъема на новый качественный уровень всего производственного процесса с целью получения большей эффективности, рентабельности, что в конечном счете принесет большую отдачу на осуществленные инвестиции.

Литература

1. Fitch Ratings. — 2011, April.
2. <http://www.worldbank.org>.
3. Экономика США // Министерство торговли США. — 2011, апрель.
4. Там же.
5. Госдолг США // Финанс. — 2011, 17 мая.
6. Государственное бюро статистики КНР. — 2011, 5 мая.
7. International Monetary Fund. World Economic Outlook, 2011.
8. <http://www.moody.com>.

Европейский Союз — Россия — Центральная Азия — Китай: энергетические измерения. Возможны ли нефтегазовые компромиссы?

Лузянин С.Г.

Энергетическая проблематика данного региона охватывает несколько уровней проблемы:

Во-первых, политический уровень, когда нефть, газ, вода, другие носители становятся предметом политического давления. Возникает эффект «энергетического оружия», которое либо применяется в полном объеме, либо частично.

Во-вторых, уровень технологический, когда страны, обладающие энергоносителями, и страны, имеющие потребности в этих энергоносителях, не могут договориться по ценам на газ, по ценам за транзит и другим параметрам. Данный уровень не всегда носит политический характер, отражая больше коммерческие реалии и механизмы продавца и покупателя.

Третий уровень — ситуационный. В настоящее время в условиях обрушения Арабского Востока (весенних революций) традиционные коридоры доставки нефти и газа с Ближнего Востока крупнейшему мировому потребителю Китаю становятся все более и более опасными и нестабильными. В этих условиях резко возрастает роль и цена безопасных сухопутных энергетических коридоров из Центральной Азии и России в Китай. Очевидно, что данная ситуация — усиление рисков арабских коридоров — долговременная, и поставщики (Россия, Казахстан, Туркменистан и др.) углеводородов в КНР должны использовать эти моменты.

Четвертый уровень — традиционный, центральноазиатский внутрирегиональный. Наличие давних споров и противоречий между группой «верхних» республик (Киргизия,

Таджикистан) и группой нижних республик (Узбекистан) по распределению водных ресурсов, другие внутренние энергетические «нестыковки».

В энергетической сфере формируется одна из главных опор стратегического партнерства на пространстве Евразии, а именно между Россией, Центральной Азией и Китаем. Поэтому взаимная заинтересованность сторон в дальнейшем развитии связей в энергетической сфере будет возрастать.

Китайский энергетический фактор в регионе Центральной Азии

Естественно, тема энергетического сотрудничества звучит на саммитах Шанхайской организации сотрудничества. Конечно, в сфере разработки и использования энергоресурсов в рамках ШОС присутствуют различные, нередко противоположные интересы. Это связано с тем, что среди стран ШОС есть и потребители, и транзитеры энергоресурсов. Еще в 2004 г. была озвучена идея о создании в рамках ШОС клуба потребителей и производителей энергоресурсов, а также концепции единой газо-, нефте- и энерготранспортной системы. Позднее, в 2006 г., президентом России В. Путиным была предложена идея Энергетического клуба ШОС. Если сначала все страны — члены ШОС поддержали эту идею, то сейчас можно отметить торможение ее реализации, особенно со стороны Узбекистана. В то же время Россия активно работает над созданием механизмов реализации этих идей. Россия уже давно занимается выстраиванием системы координации действий с крупными обладателями энергоресурсов. Идет постоянная транспортная, производственная и ценовая координация действий с производителями из стран Центральной Азии. Идет подготовительная работа к созданию Энергетической биржи и Энергетического агентства.

В современный период времени наблюдается наиболее сложный пазл в газовой сфере Центральной Азии, что связано с наличием крупных ресурсов газа в трех республиках Центральной Азии, интересных многим мировым игрокам. При этом главная проблема состоит в отсутствии разветвленной сети магистральных газопроводов для экспорта газа. До недавнего времени существовали два экспортных канала для центральноазиатского газа: по газотранспортной системе «Средняя Азия — Центр» и сравнительно небольшой газопровод из Туркменистана в Северо-Восточный Иран.

В конце 2009 г. введена в действие крупная газотранспортная магистраль «Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай», что резко поменяло стратегические приоритеты стран ЦА — газовых экспортеров. По этой трубе за прошедшие 1,5 года эксплуатации Туркменистан экспортировал в Китай более 10 млрд м³ природного газа, в том числе только за первые пять месяцев 2011 г. — более 5,7 млрд м³. Этот импорт составляет на настоящий момент более чем 10% внутреннего потребления газа и половины полного газового импорта Китая в тот же самый период, что показывает стратегическую важность данных поставок газа. Это уже внесло элементы конкуренции в ситуацию с экспортом центральноазиатского газа между Россией и Китаем. Большой интерес к поставкам газа на экспорт в Китай имеют и Казахстан, и Узбекистан. Хотя пока спрос на газ в Европе полностью не восстановился, экспорт центральноазиатского газа в Китай действует в пользу укрепления европейских позиций Газпрома.

При этом внешнеэкономические условия реализации центральноазиатского газа как на Запад, в Европу, так и на Восток, в Китай, до сих пор остаются неопределенными. На наш взгляд, в условиях роста спроса на газ на газовом рынке Европы в ближайшем будущем и соответствующего возвраще-

ния там к высокому уровню цен западное направление транспортировки центральноазиатского газа для газодобывающих стран ЦА будет более предпочтительным, чем восточное.

Одним из лимитирующих факторов дальнейшего развития стран ЦА, обладающих существенными энергоресурсами, является недостаток собственных инвестиционных возможностей, поэтому они весьма заинтересованы в любых инвестициях и кредитах в разведку и разработку этих ресурсов.

Все это побуждает данные страны значительно расширить взаимодействие в энергетической сфере с таким ближайшим соседом, как Китай, превратившимся за последние десятилетия в одну из ведущих экономических держав мира (по объему номинального ВВП — 5,85 трлн долл. США в 2010 г. — Китай вышел на второе место в мире, обогнав Японию). Китай располагает значительными золотовалютными резервами (примерно 3 трлн долл. США на настоящий момент), готов предоставлять необходимые кредиты на достаточно льготных условиях.

Уже сейчас Китай является одним из крупнейших в мире потребителей энергетических ресурсов. По общему объему производства и потребления энергии КНР занимает второе место в мире после США, доля этой страны составляет свыше 10% мирового потребления первичной энергии. Причем потребности Китая в энергоресурсах все больше отстают от возможностей их производства в самой стране. Еще в 1990-е гг. в КНР выявилась серьезная нехватка нефти, а в годы 11-й пятилетки (2006—2010 гг.) — природного газа и каменного угля. Хотя запасы энергоносителей в стране достаточно велики, в их расчете на душу населения Китай заметно отстает от других стран мира. При повышении жизненного уровня населения Китая, роста автомобилизации и урбанизации, что закладывается в тренд дальнейшего развития страны,

проблема дефицита энергоресурсов будет и дальше обостряться.

Китай сравнительно недавно стал проявлять активность на газовом рынке Центральной Азии. Это объясняется изменениями в его внутренней энергетической политике в связи с ухудшением топливоснабжения народного хозяйства. Китай все в большей степени переходит в категорию нетто-импортеров энергоносителей, поскольку вовлечение в оборот эффективных национальных энергоресурсов сопряжено с немалыми трудностями. Со временем дефицит энергоресурсов продолжает нарастать и обеспечение ими потребностей народного хозяйства в полной мере становится одним из активных факторов его внешнеполитической стратегии. В последнее время из-за нарастания дефицита нефти органы государственной власти Китая осуществили разворот в сторону развития газовой промышленности. В настоящее время газовая промышленность объективно становится определяющим фактором дальнейшего развития экономики Китая.

Устойчивый интерес к развитию газовой отрасли связан с постоянным ростом потребления газа в электроэнергетике, с реализацией политики улучшения охраны окружающей среды и соответствующим переходом промышленности на экологически более совершенные технологии. Дополнительный импульс широкого применения газа дает реализация программных установок на повышение качества жизни городских и сельских жителей, что в определенной степени связано с переходом в населенных пунктах от отопления углем к отоплению газом и т.д.

И спрос на газ в Китае в последние годы растет двухзначными ежегодными темпами. Газовая отрасль КНР является одним из наиболее динамичных секторов энергетики. За 2010 г. объем потребления газа также вырос на 18%. Потреб-

ление газа в Китае показывает просто взрывной рост. Одна из основных причин — рост потребности в обогреве из-за низких температур.

В среднесрочной перспективе предполагается продолжение быстрого роста потребления газа. Потребление газа Китаем вырастет с 110 млрд м³ в 2010-м до 250—400 млрд м³ в 2020 г. При этом ситуация с обеспечением страны собственным газом еще более ухудшится, а объем добычи прогнозируется в размере 100—120 млрд м³. Таким образом, к 2020 г. около половины требуемого природного газа придется импортировать. Однако есть оценки экспертов, показывающие снижение темпов роста спроса на газ в перспективе. Имеющиеся расхождения в перспективных оценках потребления газа за пределами 2010 г. связаны, прежде всего, с отсутствием развитой инфраструктуры транспортировки и сбыта газа, высокой стоимостью ее сооружения и с неясностью окончательной позиции правительства Китая в отношении целесообразности наращивания добычи угля — основного энергетического ресурса страны и наиболее дешевого.

Учитывая нарастающий дисбаланс в перспективе между внутренней добычей и потреблением газа, правительство Китая планирует интенсивное газотранспортное строительство и из всех возможных зарубежных источников.

Существуют факторы, которые затрудняют или ограничивают экспорт природного газа из Центральной Азии на другие международные рынки. Это — географическая удаленность от основных рынков сбыта и вытекающие отсюда высокие затраты, прежде всего, в транспортировку газа к потребителям, непростая геополитическая обстановка, связанная с интересами крупных мировых игроков. Тем не менее, по нашему мнению, представляется возможным перспективы роста газовых потоков из Центральной Азии на Запад и Восток связывать не только с геополитической це-

лесообразностью, но и с коммерческой эффективностью их транспортировки в условиях рыночной экономики. И здесь европейское направление экспорта газа ЦА представляется более выгодным.

Энергетические и политические «нестыковки» между Евросоюзом, Россией, Центральной Азией и Закавказьем

Визит главы Европейской комиссии Жозе М. Баррозу в Ашхабад и Баку в середине января 2011 г. продемонстрировал сближение позиций Евросоюза, отдельных стран Центральной Азии и Закавказья по энергетическим вопросам. Туркменистан и Азербайджан заявили о готовности поставлять газ для проектов «Южного энергетического коридора», Евросоюз готов этот газ принимать, а также участвовать в строительстве самих маршрутов доставки. Их несколько.

1. Газопровод NABUCCO, берущий начало в Туркменистане, пересекающий Каспий, питаемый далее Азербайджаном, проходящий транзитом по Грузии и Турции в Европу. В соответствии с заявленными планами, NABUCCO претендует на прокачку газа и из Иракского Курдистана.

2. В составе энергетического проекта «Южный энергетический коридор» фигурируют еще, как минимум, три проекта — TGI (Турция — Греция — Италия) и TAP (Трансадриатический газопровод). Последний будет начинаться в Греции, пройдет через территорию Албании и Адриатическое море в Италию. Таким образом, перспектива соединения Туркменистана с Закавказьем и Турцией через NABUCCO придает актуальность новым периферийным газовым проектам в треугольнике Турция — Греция — Италия.

В составе проекта «Южный энергетический коридор» есть проект «Белый поток» (Туркменистан — Азербайджан

— Грузия — Украина), который может рассматриваться в качестве стратегической угрозы для России [1].

В рамках диверсификации направлений экспорта газа Туркменистан уже обеспечил себе доступ на рынок Китая, возможность увеличения объемов прокачки в Иран (в прошлом году Иран опередил Россию по объемам импорта туркменского газа), а также заложил юридические основы маршрутов доставки «голубого топлива» в Афганистан, Пакистан и Индию (ТАПИ).

Россия в этих условиях акцентирует на проблеме статуса Каспийского моря. В соответствии с ней по дну Каспийского моря газопровод не может быть проложен, поскольку оно (дно) до сих пор не разделено между прибрежными государствами. Точно такой же позиции придерживается Иран — еще одна страна, имеющая исторические интересы на Каспии.

В Ашхабаде и Баку думают иначе. Г. Бердымухамедов: «Туркменистан твердо убежден в том, что прокладка подводного трубопровода на Каспии может осуществляться с согласия только тех сторон, через участки дна которых будет построен такой трубопровод». То есть Ирану и России в данном вопросе он уготовил роль статистов.

Проблема состоит в том, хватит ли у Азербайджана и Туркменистана газа, чтобы заполнять уже действующие и проектируемые газопроводы. Возможно, что Баррозу, а заодно с ним и Бердымухамедов с Алиевым подписывают пустые документы [2].

На армянской территории, как известно, сконцентрирован значительный потенциал российских энергетических компаний Газпрома, ИНТЕР-РАО ЕЭС и Росатома. Москва прилагает определенные усилия для развития направления «Север — Юг» — «Иран — Армения», а также пытается убедить Анкару разблокировать транспортно-коммуникационные артерии с Арменией.

В целом в условиях глобализации энергетических рынков взаимоотношения между Россией, странами Центральной Азии и Китаем в энергетической сфере будут играть все более важную роль в углублении их стратегического партнерства, придании отношениям сторон новой динамики.

Казахстаном в недавнем прошлом заявлен такой проект стратегического характера, как Азиатская энергетическая стратегия. Согласно ей, в условиях глобализации и ужесточения общемировой конкуренции, обострения борьбы за энергетические ресурсы и рынки, соответствовать требованиям нового времени может только скоординированная энергетическая политика стран региона. Таким образом, весьма актуально формирование скоординированной политики стран — членов ШОС в энергетическом секторе.

И в целом в настоящее время в структурах ШОС идет работа по выработке нового типа энергетического взаимодействия с вовлечением в сотрудничество азиатских стран — наблюдателей ШОС (Ирана, Индии, Монголии, Пакистана). Здесь видится ряд позитивных возможностей. Эти возможности заключаются в координации внешнеторговых операций с газовыми ресурсами на основе развития соответствующих институтов и инфраструктуры, в том числе и формирования формата Энергетического клуба ШОС.

* * *

Суммируя основные векторы российских, европейских, центральноазиатских и китайских энергетических интересов, следует отметить, что полного совпадения этих интересов ни политически, ни экономически быть не может. Их не может быть в связи с правом центральноазиатских независимых республик проводить многовекторную (дифференцированную) энергетическую политику, в связи с наличием (объективно) различных национальных энергетических страте-

гий каждого из государств, по причинам технологическим и ценовым. Другое дело, что в этой сложной системе ЕС — РФ — ЦА — КНР возможны и должны быть компромиссы. Уровень и характер этих компромиссов — отдельный вопрос. Очевидно, что компромиссы невозможны по стратегическим проблемам (направления нефтегазовых коридоров), но они могут быть достигнуты по тактическим вопросам — зонам контроля нефтегазовых участков (Каспийское море), ценам на газ и транзит, объемам продаж, параметрам контрактов и т.д. Доминирующей тенденцией в этой системе отношений может стать двуединый процесс: сотрудничество — соперничество. Последнее (соперничество) существует в каждой межстрановой опции, включая российско-китайское энергетическое сотрудничество в Центральной Азии. Это, в принципе, объективная вещь. Причем в российско-китайском варианте оно носит характер «мягкого соперничества», то есть такого, которое не предполагает политической конфронтации. В идеале модель «мягкого соперничества» может быть теоретически апробирована и к российско-западным (ЕС, США) энергетическим отношениям в Центральной Азии и Закавказье. Но пока в этой опции доминируют, к сожалению, политические факторы, предполагающие модель развития «жесткого соперничества».

Литература

1. <http://www.regnum.ru>.
2. Там же.

Развитие китайско-российского регионального экономического сотрудничества в бассейне реки Туманган*

Чжу Сяньпин

В ноябре 2009 г. Госсовет КНР утвердил и опубликовал Программу развития бассейна реки Туманган (TRADP), которая является первой государственной стратегией Китая по развитию регионального экономического сотрудничества вдоль пограничных районов и провинций. Впервые проект по развитию регионального сотрудничества в районе реки Туманган (Туманная, Тюмень-Ула, Тумэньцзян) был предложен ООН и направлен на содействие в реализации инвестиционных проектов в данной области. На настоящий момент правительство КНР уделяет большое внимание активизации регионального взаимодействия в районе реки Туманган.

В соответствии с проектом «Большой Туманган», принятым в сентябре 2005 г. на 8-1 сессии Консультативной комиссии ООН по развитию района, в бассейне реки будет развиваться специальная экономическая зона, включающая три провинции Северо-Восточного Китая, Внутреннюю Монголию, а также порт Раджин (КНДР) и южную часть Приморского края России. Проект «Большой Туманган» становится важной платформой для многостороннего экономического взаимодействия, охватывая широкий спектр направлений и способствуя устойчивому развитию мира и стабильности в регионе. В целях повышения эффективности реализации обозначенного проекта было решено, наряду с заседаниями Консультативного совета, ежегодно организовывать инвестиционные форумы. На этом же заседании был принят Стратегический план действий на период 2006—2015 гг. и определены четыре приоритетных направления сотрудничества: транспорт, энергетика, туризм и инвестиции. Актуализация проблем защиты окружающей среды привела к расширению сферы сотрудничества между заинтересованными в развитии региона государствами. Таким образом, проект развития бассейна реки Туманган занимает весомое место в развитии регионального экономического сотрудничества между Китаем и Россией.

*Благоприятные условия для китайско-российского
регионального экономического сотрудничества*

Географическая близость двух крупнейших региональных держав обуславливает наличие у Китая и России огромного потенциала для развития регионального взаимодействия, которое является неотъемлемой составляющей китайско-российских экономических отношений. Следует отметить, что именно в последние годы Пекину и Москве удалось в значительной степени улучшить состояние приграничного сотрудничества.

КНР и РФ неоднократно подчеркивали значение регионального сотрудничества на высшем уровне. В частности, в августе 2007 г. председатель КНР Ху Цзиньтао, присутствуя на заседании ШОС вместе с президентом РФ В. Путиным, отметил, что «необходимо углубить координацию стратегий развития сопредельных регионов КНР и РФ, на основе которых соответствующие органы двух стран должны разработать долгосрочное планирование». Президент В. Путин согласился с предложениями Ху Цзиньтао и также обозначил необходимость «экономического развития Дальнего Востока России путем взаимодействия и сотрудничества с северо-восточными районами Китая».

* Статья переведена с китайского на русский язык научным сотрудником отдела внешнеполитических исследований КИСИ при Президенте РК Р.Ю. Изимовым.

Можно заключить, что встречи на высшем уровне способствуют укреплению связей и активизации деятельности китайских и российских компаний как в России, так и на территории Китая, особенно в области промышленности. В мае 2009 г. на состоявшейся в Хабаровске конференции по региональному сотрудничеству президент России Д. Медведев заявил о необходимости «координировать меры по восстановлению экономики Дальнего Востока с планами КНР по оживлению Северо-Востока Китая». В том же году, 23 сентября, Ху Цзиньтао вместе с Д. Медведевым официально одобрили *План регионального сотрудничества Северо-Восточного Китая с Дальним Востоком и Восточной Сибирью*, который, несомненно, имеет большое значение для развития приграничного сотрудничества между Китаем и Россией. В сентябре 2010 г. председатель Китая Ху Цзиньтао в ходе переговоров с Д. Медведевым подчеркнул наличие необходимой базы для взаимовыгодного экономического сотрудничества, а также для укрепления торгово-финансового взаимодействия на более высоком уровне.

Стабильные темпы развития двусторонних торгово-экономических отношений Пекина и Москвы закладывают прочную основу для дальнейшего расширения приграничного сотрудничества.

Двусторонняя торговля: китайско-российский товарооборот по итогам 2010 г. достиг докризисного уровня, при этом в январе 2011 г. объем китайско-российского товарооборота вырос до 56 млрд долл. США (39,7%).

Энергетическое сотрудничество: 1 января 2011 г. был введен в эксплуатацию нефтепровод «Россия — Китай». Наряду с этим, ожидается, что во время визита Ху Цзиньтао в Россию в начале июня сего года между двумя странами будет подписано газовое соглашение. Импорт угля из России в Китай в 2010 г. составил 11,5 млн т, что на 47,3% больше, чем

за аналогичный период прошлого года. Предполагается, что экспорт электроэнергии в Китай в 2011 г. вырастет на 22%.

Взаимные инвестиции: в 2010 г. прямые инвестиции Китая в Россию составили 594 млн долл. США, увеличившись на 43,8%, прямые инвестиции России в Китай составили 34 млн долл. США, рост — 9,3%.

Финансовое сотрудничество: с декабря 2010 г., в связи с переходом на использование юаней и рублей при осуществлении финансовых операций, сотрудничество КНР и РФ в финансовой сфере вышло на качественно новый уровень.

Для удовлетворения потребностей развития регионального сотрудничества были ускорены темпы строительства инфраструктурных объектов на границе, что позволило превратить рубль и юань в важный инструмент регулирования региональной торговли. В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция к расширению зоны регионального сотрудничества. Помимо непосредственно приграничных областей, в процесс экономического взаимодействия вовлекаются и внутренние районы двух государств. Например, такие китайские провинции, как Гуандун, Шаньдун, Чжэцзян и Цзянсу, превратились в авангард торговли Китая с Россией. Вместе с тем стороны создали более 70 городов-спутников.

В основе регионального сотрудничества лежит не только укрепление экономических связей, но и постепенное расширение сотрудничества в сферах культуры и образования. Как уже говорилось выше, в 2009 г. главы двух государств утвердили *План регионального сотрудничества Северо-Восточного Китая с Дальним Востоком и Восточной Сибирью на 2009—2018 гг.* Этот план в полной мере учитывал географическое преимущество КНР и РФ, что позволяло разработать и начать реализацию в общей сложности более 200 совместных проектов, направленных на строительство инфраструктуры, реконструкцию старых объектов промышленности, а

также техническое взаимодействие. Усилиями государственных министерств, а также местных органов власти Китай и Россия намерены создать в регионе необходимые условия для повышения интенсивности торгово-экономических связей. В этом плане первоочередное значение приобретает регулирование процедуры таможенного контроля при осуществлении международной торговли.

В июне 2009 г. на встрече премьер-министров КНР и РФ стороны создали *Подкомитет таможенного сотрудничества*, главной задачей которого является регулирование порядка оформления таможенных документов, повышение эффективности надзора за торговыми операциями, борьба с контрабандой, а также содействие устойчивому развитию двусторонней торговли. В 2010 г. Главное таможенное управление КНР и Федеральная таможенная служба РФ подписали *Меморандум об укреплении сотрудничества по защите прав интеллектуальной собственности*. В настоящее время Китай и Россия завершили первый этап таможенного обмена информацией о ценах на сырьевые товары, процедуры таможенного оформления и составления таможенных документов. В целях оказания помощи предприятиям в Шанхае был проведен первый китайско-российский учебный курс обучения таможенному оформлению, а также завершены работы по таможенному обмену каталогами. Таким образом, таможенное сотрудничество двух стран заложило прочный фундамент для дальнейшей стандартизации регионального экономического сотрудничества между Китаем и Россией.

Техническое сотрудничество между Китаем и Россией достигло новых высот. В мае 2007 г. Министерство науки и техники КНР и Департамент научно-технической политики и инноваций РФ подписали *Соглашение о приоритетных проектах китайско-российского научно-технического сотрудничества*. В 2008 г. Китай и Россия провели конферен-

цию, посвященную перспективам сотрудничества КНР и РФ в сфере лазерных технологий; в октябре 2009 г. во время встречи премьер-министров двух стран соответствующие ведомства и компании также подписали *Меморандум о взаимопонимании в области организации и развития скоростного и высокоскоростного железнодорожного сообщения на территории РФ*, на основе которого предполагается на территории России внедрять китайские технологии по высокоскоростным железнодорожным перевозкам.

Являясь космическими державами, КНР и РФ заинтересованы в углублении взаимовыгодного сотрудничества в сфере космических технологий. Пекин и Москва продолжают деловые переговоры относительно возможностей по расширению партнерских отношений между Китайской аэрокосмической научно-промышленной корпорацией (CASIC) и Рособоронэкспортом, которые в декабре 2010 г. подписали контракт в указанной сфере.

Высоких показателей Китай и Россия смогли добиться и в культурно-гуманитарной области. Данное обстоятельство в значительной мере способствует развитию полноценного регионального сотрудничества. В апреле 1997 г. руководители двух стран создали китайско-российский комитет дружбы, мира и развития, а также Совет общества китайско-российской дружбы, неправительственных обменов и сотрудничества. Начиная с 2000 г., количество китайских студентов в России быстро растет и сегодня уже достигло двух миллионов человек, число российских студентов в Китае также увеличивается. В планах Китая и России способствовать дальнейшему повышению качества образования иностранных студентов и других стран по расширению профессиональной подготовки каждого студента, чтобы увеличить количество студентов по обмену. В 2006 г. в Китае и России были проведены Год России в Китае и Год Китая в России. Таким

образом, углубление взаимодействия в культурной сфере значительно повысило взаимное понимание и взаимодоверие людей друг к другу, что, безусловно, сыграло позитивную роль в содействии развитию регионального экономического сотрудничества между Китаем и Россией.

Китайско-российское региональное экономическое сотрудничество нуждается в срочном расширении

На современном этапе ускоренными темпами развивается китайско-российское стратегическое партнерство. На фоне улучшения двусторонних отношений формируется политическая и правовая основы для создания институциональной базы сотрудничества в различных областях. На данном этапе необходима интенсификация работы по изучению наиболее перспективных сфер взаимодействия. Несмотря на то, что Китай и Россия имеют возможность сотрудничать по широкому спектру вопросов, дальнейшее углубление межгосударственного взаимодействия следует проводить на основе более продуманного подхода.

Дальний Восток России является неотъемлемой частью Проекта развития бассейна реки Туманган. В этом районе свое развитие получили такие отрасли, как рыболовство, лесное хозяйство, горнодобывающая промышленность, нефть и газ, геотермальные и туристические ресурсы. В последние годы правительство России начало уделять большое внимание развитию Дальнего Востока. В августе 2007 г. Правительство России одобрило Федеральную целевую программу «*Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г.*», которая направлена на модернизацию существующей и развитие новой инфраструктуры, внедрение опыта Северо-Восточного региона Китая. Большое внимание уделяется содействию устойчивому рос-

ту численности населения и быстрому экономическому развитию Дальневосточного региона. Таким образом, Дальний Восток переживает этап бурного развития. В 2009 г. Китай утвердил положение «*О дальнейшей реализации Стратегии возрождения старой промышленной базы Северо-Востока Китая*», а также проект «*План развития бассейна реки Туманган*», который должен осуществляться при активном участии Китая, Сибири и Дальнего Востока.

Необходимо создавать условия, при которых внутриполитические приоритеты развития приграничных областей Китая и России не только не противоречили бы друг другу, но и стимулировали региональное экономическое сотрудничество в целом.

Китай и Россия являются ключевыми участниками такой международной структуры, как Шанхайская организация сотрудничества. И Китай, и Россия обеспокоены дальнейшей ролью организации в системе мировой безопасности. В рамках ШОС Китай и Россия подписали двустороннее *Соглашение о развитии регионального экономического сотрудничества*, благодаря которому между двумя приграничными регионами будет осуществляться либерализация торговли и мер по расширению инвестиционной среды и в целом экономического сотрудничества между государствами. Регулярные межминистерские встречи и консультации играют положительную роль в деле выработки эффективных механизмов для регионального сотрудничества. К примеру, часто проводятся китайско-российские совещания и встречи, нацеленные на привлечение инвестиций и расширение связей, в том числе международная торгово-экономическая ярмарка в Харбине, Экспо и т.д.

В этом плане основными задачами являются устранение институциональных барьеров, совершенствование механизма стандартизации и оптимизация регионального экономи-

ческого сотрудничества. Все эти меры должны устранить или уменьшить политические и институциональные барьеры и ограничения. В этой связи Китай и Россия должны дополнять друг друга, для достижения взаимовыгодного и обоюдного результата, в том числе путем принятия льготной политики поощрения эффективных мер по созданию механизма сотрудничества для содействия региональной системы. Среди этих мер следует особо выделить:

Во-первых, создание информационных систем в региональном экономическом сотрудничестве между Китаем и Россией, чтобы решить проблему асимметричной информации, устранить или уменьшить информационное разнотечение, формировать надежную информационную сеть.

Во-вторых, улучшение механизмов китайско-российского регионального сотрудничества. Региональное экономическое сотрудничество между Китаем и Россией должно учитывать стратегические интересы обеих стран.

В-третьих, изучение вопроса о создании китайско-российского регионального механизма арбитражного сотрудничества. Китайские и российские предприятия в процессе импортно-экспортной деятельности неизбежно сталкиваются с различными проблемами, особенно на таможне (товарные инспекции, налогообложение). Таким образом, учитывая сказанное, китайским и российским коллегам необходимо создать соответствующие механизмы для улучшения и системы обслуживания и в общем системы таможенного контроля.

Китай, в целях поощрения своих предприятий, работающих на территории России, построил современные платформы для стандартизации логистического бизнеса, и эти меры должны содействовать вхождению китайской продукции на российский рынок. В дальнейшем Китай заинтересован в создании совместных предприятий для расширения сотрудничества.

Вместе с тем активно развивается сотрудничество в энергетической области. В ближайшие несколько лет новые виды энергии и соответствующие технологии по их разработке будут основной движущей силой мировой экономики. В двенадцатом пятилетнем плане КНР (2011—2016 гг.) китайское руководство нацелено сосредоточиться на развитии новых альтернативных энергетических источников и технологий.

Таким образом, Китай и Россия имеют огромный потенциал для сотрудничества в таких важных сферах экономики, как инвестиции, техническая отрасль, а также в области модернизации промышленности.

Некоторые аспекты взаимодействия Казахстана и Китая в сфере торговли

Ашимбаева А.Т.

В последние годы сотрудничество двух стран в различных секторах экономики активно развивается. Об этом свидетельствуют участвовавшие взаимные официальные визиты руководителей РК и КНР. Так, в феврале 2011 г. состоялась поездка Президента РК Н.А. Назарбаева в г. Пекин. За 19 лет независимости нашего государства это пятнадцатое посещение делегацией Республики Казахстан Китайской Народной Республики. Приезд в июне 2011 г. в г. Астану председателя КНР Ху Цзиньтао — седьмой визит в Казахстан.

О динамике торговых отношений между двумя государствами свидетельствует увеличение товарооборота с 2001 по 2010 г. с 1,3 млрд долл. США до 20,3 млрд, то есть в 15,4 раза. Только за 2010 г. этот показатель вырос на 10,1 млрд долл. США, казахстанский экспорт в КНР — на 72%, поставки из Китая — на 11%. По данным Министерства индустрии и новых технологий (МИНТ) РК, количество экспортируемых товаров из Казахстана в Китай составило 379 позиций, импорта из Китая в Казахстан — 5 522 позиции.

Необходимо обратить внимание, что в мировой экономике КНР занимает первое место по поставкам своей продукции. Во внешнем товарообороте Китая на торговлю с Казахстаном приходится крайне незначительная доля. Тем не менее в числе торговых партнеров Казахстана Китай находится на третьем месте (после стран Евросоюза и России), удельный вес которого, по расчетам экспертов, в общем объеме внешней торговли Казахстана превышает 10%. В свою очередь, среди стран СНГ РК выступает вторым (после РФ) торговым партнером КНР.

Десятки проектов в реальном секторе казахстанской экономики реализуются при участии китайских инвестиций или совместно с китайскими компаниями. В настоящее время в Казахстане действует около тысячи СП с участием китайского капитала.

С сожалением следует признать, что структура двусторонней торговли сформировалась не в пользу отечественной экономики. Как известно, в течение длительного времени в Казахстане усиливается сырьевая ориентация, что объясняется многими давно известными как объективными, так и субъективными факторами.

Несмотря на расширение объемов взаимных поставок, ассортимент продукции практически не меняется. В Китай экспортируются минеральные продукты (топливно-энергетические товары, включающие коксовый уголь, сырую нефть, горючее масло, мазут, асфальтит, россыпную руду и шлак), металлы и их изделия (сталь, медь и цинк), удельный вес которых в объеме казахстанских поставок составляет 68,8% и 24,5% соответственно.

В Казахстан Китай поставляет значительно более обогащенную продукцию с высокой добавленной стоимостью и глубокой переработкой. На казахстанский рынок в 2010 г. из соседнего государства было направлено свыше 35% общего объема импорта текстиля и текстильных изделий, не менее 23% машин, оборудования и инструментов, порядка 11% товаров народного потребления, 7,5% металлов и изделий из них, около 7% изделий химической промышленности, 5% продукции из минералов, керамики и стекла, более 4% мебели, спорттоваров, игрушек и прочей продукции. В совокупности подобные товары заняли около 95% всего объема импорта из КНР в РК.

В целом в поставках китайской продукции доля обработанной, по данным МИНТ РК, составила 97,5%, или 3,9 млрд

долл. США. Из них 1,9 млрд долл. США — товары промежуточного потребления (сырье и материалы), 0,5 млрд — товары конечного потребления и 1,5 млрд — средства производства.

Подобная структура закупаемых в Китае товаров — еще одно доказательство низкого уровня отечественной промышленности. В настоящее время в казахстанской экономике прилагаются значительные усилия для подъема индустриального потенциала страны. По данным Национального банка РК, с 1993 г. в Казахстане в виде прямых инвестиций размещено более 120 млрд долл. США. В соответствии с Государственной программой форсированного индустриально-инновационного развития страны на 2010—2014 гг. к концу этого периода в Казахстане предполагается привлечь инвестиции не менее чем из семи государств. Это европейские страны, Соединенные Штаты и Китай.

В информационных сообщениях отмечается, что Китай направляет значительные капиталы в Латинскую Америку (порядка 47 млрд долл. США), Африку (40 млрд), Австралию (15 млрд) и Россию (25 млрд). Казахстан в числе основных получателей китайских инвестиций отсутствует, однако, по данным статорганов, нарастающие объемы капиталовложений этой страны по-прежнему направляются в казахстанский нефтегазовый сектор. В ближайшие годы предприятия с китайским участием сохранят объемы добычи на уровне 30—31 млн т, с постепенным снижением извлечения углеводородов до 24 млн т к 2020 г.

Не вызывает сомнений, что за внешним проявлением подобной динамики осуществляются активные действия китайского правительства, планомерно реализующего энергетические, территориальные, отраслевые, финансовые, социальные, образовательные и многие другие программы. Каждый проект, предлагаемый китайской стороной, обла-

дает тщательно разработанной программой, согласованной правительственными и финансовыми структурами Китая.

В числе крупных межгосударственных документов, принятых на февральской встрече: кредитные соглашения между АО «ФНБ “Самрук-Казына”» и АО «Государственный банк развития Китая» на 1,66 млрд долл. США.; между Банком развития Казахстана и Экспортно-импортным банком Китая для финансирования проекта ТОО Kazakhstan Petrochemical Industries Inc. (KPI) — строительство интегрированного газохимического комплекса и его инфраструктуры на 1,4 млрд долл. США; между АО «НК “КазМунайГаз”» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией по разработке нефтегазоконденсатного месторождения Урихтау, что обеспечит газом западные регионы КНР; рамочное соглашение о стратегическом сотрудничестве между ТОО «Казфосфат» и китайской химической корпорацией SinoChem Group для обеспечения сельской отрасли Китая минеральными удобрениями и кормовыми фосфатами; меморандум о взаимопонимании в индустриально-инвестиционном сотрудничестве между НАК «Казатомпром» и Китайской Гуандунской ядерно-энергетической корпорацией (CGNPC) в связи с возведением в КНР 19 ядерных блоков, 25 — в перспективе. Казахстан, обладая необходимыми ресурсами урана, может обеспечивать до 40% потребности КНР в подобном топливе.

Формой участия китайского капитала в развитии казахстанской экономики стало подписание меморандума о сотрудничестве в области строительства высокоскоростной железной дороги (ВЖД) протяженностью более 1 тыс. км «Астана — Алматы» между АО «НК “Қазақстан темір жолы”» и Министерством железных дорог Китая. КНР имеет значительный опыт строительства подобных трасс. С 2008 г. высокоскоростные поезда курсируют по маршруту Пекин

— Тяньцзинь. По официальным данным, общий объем инвестиций в этот проект составит около 2 млрд долл. США.

С участием китайского капитала осуществляется строительство Мойнакской ГЭС на р. Чарын. Ввод в эксплуатацию основных объектов производится Китайской международной корпорацией водного хозяйства и энергетики. Крупные кредиты в объеме 1,5 млрд долл. США во время встречи руководства двух государств привлекла компания ENRC для дальнейшего развития Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного производственного объединения. Компания «Казахмыс» получила средства на разработку Актогайского и Бозшакольского месторождений для получения концентратов, которые предполагается поставлять в КНР. АО «ТНК «Казхром»» выделен кредит в размере 0,4 млрд долл. США на развитие хромовой промышленности.

Следует отметить, что все эти компании достаточно самостоятельные и в дополнительной поддержке не нуждаются. Тем не менее, по оценкам казахстанских и международных экспертов, финансовые результаты заключенных соглашений будут получены в Китае. Необходимо вспомнить и значительный кредит в объеме 13 млн долл. США, предоставленный китайским правительством Казахстану в период мирового финансово-экономического кризиса, выплаты по которому создают возможности для повышения доходности бюджетной системы соседнего государства. Подобную «помощь» КНР оказывает десяткам стран, среди которых: африканские, латиноамериканские, а в последнее время и из европейских стран, в частности Греция.

Несколько с опозданием, однако в процесс преобразования экспортной деятельности подключилось также Министерство индустрии и новых технологий РК. В 2011 г. в Пекине открылось представительство Национального агентства по экспорту и инвестициям KAZNEX INVEST. Основные цели

этой организации: защита интересов казахстанских предприятий на рынках КНР, привлечение китайских инвестиций в экономику РК, продвижение отечественной продукции как на китайский, так и на расположенные рядом рынки Юго-Восточной Азии.

В 2010 г. агентство приступило к действию на территории Казахстана, однако результативность ее была невысока: из 9 млрд долл. поставок в Китай удельный вес KAZNEX составил 2,8 млрд долл. США. В этом объеме на долю продукции с высокой добавленной стоимостью (ВДС) пришлось не более 140 млн долл. США.

Проведенный этой организацией анализ импорта КНР выявил, что положительные результаты возможны по 57 товарным позициям, производимым в отечественной промышленности и приобретаемым Китаем. Это обеспечит ежегодно стране до 1,8 млрд долл. США. Исследования показали, что спрос в КНР повышается на такие товары, как мука, маргарин, ячмень, продукция нефтехимии, металлургии, сплавы, ткань, шерсть, пряжа и изделия из них, однако практически в каждом из этих секторов имеются проблемные внутренние вопросы. Определенными барьерами обладает и Китай. Это протекционистские меры, защищающие собственных производителей, а также непрозрачность в получении информации по процедурам регулирования импорта и ряд других.

К особенностям деятельности китайских компаний за пределами национальных границ следует отнести отсутствие политических и идеологических амбиций при выборе стран или компаний-партнеров. В основе торговых договоров — выгода, прибыльность, целесообразность. В Казахстане китайские предприятия намерены участвовать в производственной сфере, однако их деятельность ограничивается в основном торговлей. Отдельные компании заняты в выпуске цемента, строительных материалов, пищевой продукции,

в легкой промышленности. Крупные продуценты участвуют в разработке и добыче минерально-сырьевых ресурсов.

Зарубежные и отечественные СМИ особо отметили, что динамичное развитие Китая свидетельствует о будущем мировой экономики. На стороне китайцев достигнутые успехи по опыту эффективной реализации крупномасштабных проектов.

Таможенный союз Белоруссии, Казахстана, России и перспективы регионального сотрудничества

Арупов А.А.

Президенты Белоруссии, Казахстана и России, в целях устранения барьеров во взаимной торговле и восстановления кооперационных производственных связей, подписали 20 января 1995 г. пакет документов о Таможенном союзе, целями которого ставились обеспечение свободного перемещения товаров, услуг и капиталов, рабочей силы и согласованная торговая, таможенная, налоговая и валютная политика трех стран.

За период, прошедший с момента его подписания, в Содружестве Независимых Государств (СНГ) сложилось «интеграционное ядро», о необходимости которого на протяжении многих лет говорил Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев. По его предложению странами — участниками Таможенного союза был разработан и в 1999 г. принят Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, который явился первым обобщенным основополагающим международным соглашением пяти государств, где в развернутом виде была представлена стройная концепция построения новой системы отношений в экономической, таможенно-тарифной, социальной и правовой сферах.

На базе Таможенного союза в настоящее время формируется новая международная экономическая организация с функциями, связанными с формированием внешних таможенных границ, единой внешнеэкономической политикой, едиными тарифами и ценами, единым вступлением во Всемирную торговую организацию (ВТО) и другими составляющими функционирования общего рынка. Вскоре вся про-

дукция сможет беспошлинно передвигаться от белорусско-польской границы до казахстанско-китайской.

Создание региональных торговых соглашений оказывает огромное позитивное влияние на макроэкономическое развитие за счет роста валового внутреннего продукта, экспорта, производства в базовых отраслях экономики, углубления и расширения внешнеэкономических связей.

Таможенное пространство расширяет границы товарного рынка для всех стран Таможенного союза и создает предпосылки для создания единого трансевразийского пространства. Оно будет способствовать не только увеличению взаимного товарооборота, но и укреплению основ устойчивого развития стран — участников Таможенного союза.

Развитие процессов глобализации в последние десятилетия связано с активным формированием региональных интеграционных объединений, взаимозависимость между которыми оказывает различное влияние на развитие мировой экономики.

Актуальным становится поиск глобальных решений по проблемам устойчивости экономической системы. Вопросы стабилизации экономической ситуации становились основным предметом обсуждения на всех прошедших с начала кризиса саммитах G8 и G20. По словам президента Всемирного банка, нынешний кризис дал возможность пересмотреть мировую политику, архитектуру и учреждения. Одним из условий устойчивости мирового развития он называет региональную интеграцию, обеспечивающую «множественность полюсов роста», оказывающих благоприятное воздействие на создание «более сбалансированной и инклюзивной модели мирового экономического развития».

Что касается регионализации рынков, то здесь нет видимых противоречий в оценке этого процесса как фактора стабилизации глобальной экономики. Региональная интеграция

стремится к обеспечению своим участникам преференциального экономического, торгового, политического режима в противовес универсальным международным регулятивным инструментам, созданию региональных преимуществ в глобальной конкурентной среде — на мировых рынках товаров, услуг, капиталов, технологий и рабочей силы.

Начиная с середины XX в. и, особенно, в последние десятилетия глобализация и интеграция являются основными тенденциями интернационализации мирового хозяйства.

До кризиса глобализация оставалась главным фактором сбалансированности мировой экономической системы. Глобализация ускорила процессы перетекания товарных, человеческих и финансовых ресурсов через границы различных стран и регионов. К концу XX в. практически все цивилизованные страны, признанные Организацией Объединенных Наций и которых насчитывается около двухсот, стали членами различных международных экономических организаций, представляющих всемирное хозяйство. К 1998 г. членами МВФ являлись 183 страны, 180 государств состояли членами Всемирного банка. Более 130 стран входят во Всемирную торговую организацию, свыше сотни стран — члены Всемирной организации труда (ВОТ) и т.д. В этот период глобализация способствовала расширению международного сотрудничества за счет усиления влияния ведущих экономик и созданных в их интересах глобальных международных институтов.

Глобальный экономический кризис обнаружил необходимость реформирования системы международных отношений, и в первую очередь международных финансовых институтов, ориентированных на интересы ведущих держав, прежде всего США. Глобализация как количественная характеристика масштабов международного альянса исчерпала себя, но обеспечила основу для формирования новой си-

стемы международных отношений и условия для ускорения интеграционных процессов.

В русле этих тенденций основу новой системы международных отношений образуют новые субъекты глобального управления — региональные интеграционные альянсы на принципах взаимодополнения. А активизация региональных интеграционных процессов выступает в качестве основного фактора посткризисного мирового развития.

По общему мнению, к 2020 г. три из четырех крупнейших экономик мира будут азиатскими. Китай опередит США по валовому продукту, сразу за США последуют Индия и Япония. За пятое место развернется активная борьба между двумя странами, одна из них — Россия, вторая (также «не западная») — Бразилия.

Сегодня невозможно оспорить вероятность формирования новой сверхдержавы в лице Китая. Китай обладает приблизительно вдвое большим ВВП, чем Россия, население его приближается к 1 млрд 300 млн человек, а к 2020 г. достигнет 1,5 млрд.

Реально формируется мир многополярный, в котором:

- отдельные государства уже не могут претендовать на роль единственных центров или глобальных органов власти;
- социально-экономические системы в форме международных союзов государств (которые сохраняют свой суверенитет) становятся основными субъектами глобального управления;
- новые центры мирового влияния формируются вокруг международных альянсов или региональных блоков.

Ярким примером региональной интеграции на постсоветском пространстве является ЕврАзЭС как возможная основа «трансазиатского блока». Примером «континентального регионализма» является объединение стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай).

Региональные интеграционные союзы приобретают глобальное влияние в результате создания систем многостороннего государственного регулирования (наднациональных структур). С созданием Таможенного союза в ЕврАзЭС начинается новый этап региональной интеграции, связанный с формированием нового субъекта мировой экономики и институтов глобального управления на евразийском экономическом пространстве.

Таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России формирует единый рынок с численностью населения 170 млн человек, с суммарным ВВП — почти в 2 трлн долл. США, с долей в мировом ВВП — более 3,7% и в мировом экспорте и импорте товаров — 3,1 и 2% соответственно. Таможенный союз сократит время товаров в пути в 3 раза, а издержки — в 2,5 раза [1]. Белоруссии, Казахстану и России принадлежит 83% экономического потенциала бывшего СССР.

Таможенный союз относится к типу международной интеграции, предполагающему согласованную отмену странами — участниками союза национальных таможенных тарифов и введение общего таможенного тарифа и единой системы нетарифного регулирования торговли в отношении третьих стран.

Предшествующей Таможенному союзу формой интеграции стала Зона свободной торговли, за счет которой обеспечивалось свободное движение товаров и услуг на пространстве ЕврАзЭС. Общий товарооборот в рамках сообщества за семь лет (2000—2007 гг.) вырос на 114 млрд долл. США, что стало определяющим доводом в пользу принятия в 2007 г. решения о формировании правовой базы Таможенного союза в течение 2008—2010 гг. и закреплении союза с 1 января 2011 г. То есть торговая интеграция обеспечила основные экономические предпосылки для создания Таможенного союза.

Для определения возможностей углубления интеграционного взаимодействия в регионе важной представляется оценка особенностей и проблем формирования Таможенного союза как переходной формы региональной интеграции, определение его места и значения для ускорения евразийских интеграционных процессов.

Наиболее общими характеристиками Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России, определяющими дальнейшие перспективы региональной интеграции, являются следующие:

- факт осуществления крупнейшего интеграционного проекта ЕврАзЭС, подтверждающего состоятельность существующей интеграционной группировки;

- формирование наднационального органа, обеспечивающего единые правила для импорта всей товарной номенклатуры стран Таможенного союза и возможности расширения его функций и полномочий на пространстве Евразии (в настоящее время осуществляется поэтапная передача Комиссии Таможенного союза отдельных полномочий государств, формирующих Таможенный союз, в сфере регулирования внешнеторговой деятельности);

- снятие внутренних таможенных границ между странами — членами союза, перенос таможенного контроля на внешний периметр ТС, введение общей для всех стран-участников системы тарифного и нетарифного регулирования при торговле с третьими странами и процесс постепенного его расширения за счет других стран ЕврАзЭС;

- создание единого документа в форме Таможенного кодекса, регламентирующего все организационные, правовые и иные вопросы таможенного администрирования и являющегося основой для осуществления всех таможенных процедур;

- выработка общей позиции по вопросам вступления в ВТО.

Таким образом, Таможенный союз ЕврАзЭС, которому предшествовал этап экономической интеграции в режиме свободной торговли*, является следующей формой региональной интеграции на пути формирования единого экономического союза. Таможенный союз трех государств является наиболее прогрессивной формой интеграции в регионе СНГ.

Основными стимулами для интеграции стран ЕврАзЭС в рамках Таможенного союза стали внешние факторы, а именно глобальный финансовый кризис и связанная с ним трансформация системы международных экономических отношений, а также особенности интеграции в систему международной торговли стран формирующегося Таможенного союза, в частности длительность процедуры оформления членства в ВТО.

Перед Таможенным союзом встает задача обеспечения глобальных интересов стран-участников. Если на региональном уровне это согласование интересов таможенно-тарифной политики трех государств, то на глобальном уровне важным становится обеспечение интересов Таможенного союза и ЕврАзЭС в системе международных экономических отношений, в частности в вопросах международной торговли.

Внутри Таможенного союза трех государств предстоит учесть преимущества сложившихся международных контактов, а также обеспечить согласование интересов междуна-

* В настоящее время между странами ЕврАзЭС действует режим свободной торговли товарами, который реализуется в соответствии со статьями 8 и 9 Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г., подписанного главами государств. Применение во взаимной торговле в рамках ЕврАзЭС специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер регламентируется протоколами от 17 февраля 2000 г. и 28 октября 2003 г. и не противоречит нормам Генерального соглашения по тарифам и торговле (ВТО).

родных союзов, в которые входят страны-участники, с интересами Таможенного союза*.

На этом этапе развития интеграции возникает потребность в органах, наделенных не просто способностью координировать действия и наблюдать за экономическим развитием стран-участников, но и принимать оперативные решения от лица группировки в целом. Правительства согласованно уступают часть государственного суверенитета в пользу межгосударственных органов с функцией наднационального регулирования. Такие органы наделены правом принимать решения по вопросам, касающимся организации, без согласования с правительствами стран-членов.

Таможенный союз — это договорное объединение государств в целях создания общей таможенной территории и осуществления совместной торговой политики. Общая таможенная территория создается не только путем отмены границы между членами союза, но и посредством установления единого таможенного тарифа и общей внешней таможенной границы союза со странами — не членами. Совместную таможенную политику, установление единого таможенного тарифа и его регулирование, представительство союза в его отношениях с третьими государствами и международную договорную правоспособность союза осуществляют специально создаваемые для этого органы союза.

Государства ЕврАзЭС в качестве перспективных задач рассматривают формирование Единого экономического про-

* Так, например, Россия является одним из пяти постоянных членов СБ ООН, входит в Группу восьми (G8), совместно с Белоруссией составляет Союзное государство, входит в неформальный союз БРИК. Белоруссия — единственная европейская страна в Движении неприсоединения, участвует в проекте Евросоюза «Восточное партнерство», программе НАТО «Партнерство ради мира» (ПРМ) и Совете евро-атлантического партнерства (СЕАП) при НАТО, в региональном объединении «Центральноевропейская инициатива» (ЦЕИ) [созданном в 1989 г. и в состав которого вошли: Белоруссия (с 1996 г.), Албания, Австрия, Босния и Герцеговина, Болгария, Венгрия, Италия, Македония, Молдавия, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия, Черногория и Украина] и т.д.

странства, важным этапом которого становится создание Таможенного союза.

В соответствии с данными ВТО в мире насчитывается 34 многосторонних региональных торговых соглашения, в настоящее время подавляющее большинство стран и территорий мира входят в различные интеграционные торгово-экономические объединения, а многие государства участвуют одновременно в нескольких соглашениях.

Если же рассматривать только такую форму торговых соглашений, как Таможенный союз, то сейчас функционирует 14 таких объединений.

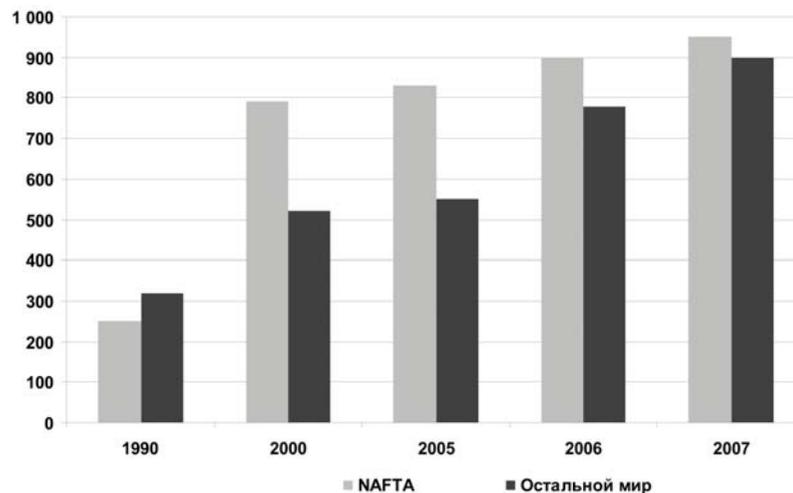
Действующие Таможенные союзы (по классификации ВТО)

№	Наименование Таможенного союза	Дата вступления соглашения в силу
1	Европейский Союз (ЕС-27)	01.01.2007
2	Андское сообщество	25.05.1988
3	Карибское сообщество и общий рынок	01.08.1973
4	Центральноамериканский общий рынок	12.10.1961
5	Восточноафриканское сообщество	07.07.2000
6	ЕС — Андорра	01.07.1991
7	ЕС — Турция	01.01.1996
8	Экономическое и монетарное сообщество Центральной Африки	24.06.1999
9	Экономическое сообщество западноафриканских государств	24.07.1993
10	ЕврАзЭС	08.10.1997
11	Совет по сотрудничеству стран Персидского залива	01.01.2003
12	Южный общий рынок (MERCOSUR)	29.11.1991
13	Южноафриканский таможенный союз	15.07.2004
14	Западноафриканский экономический и монетарный союз	01.01.2000

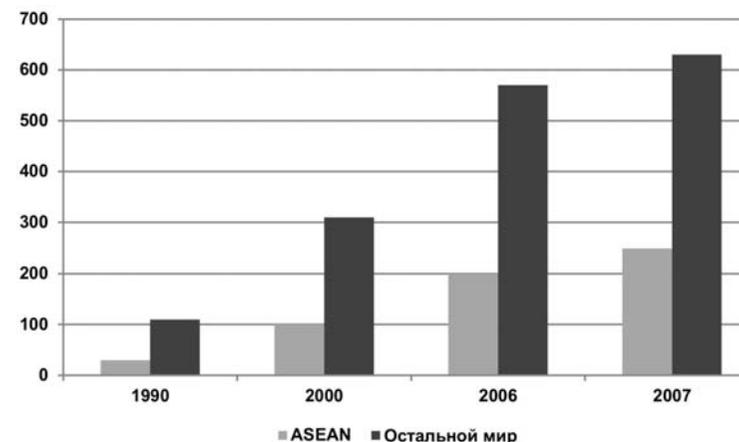
Создание многосторонних региональных торговых союзов направлено на активизацию торговли, рост товарообо-

рота и последующую экономическую интеграцию на этой основе. Эффективность данных объединений для торговли, как показывает анализ их деятельности, достаточно велика. Так, в период с 1990 по 2007 г. по торговым объединениям НАФТА, МЕРКОСУР, АСЕАН и Андское сообщество товарооборот внутри этих объединений рос более высокими темпами, чем с остальным миром. Для Казахстана как страны с высокой экспортной ориентацией (экспорт составляет около 50% ВВП) большое значение имеют перспективы роста экспортных потоков при вступлении в Таможенный союз, в связи с чем целесообразно более подробно рассмотреть опыт имеющихся торговых соглашений в плане их влияния на рост экспорта из стран-участников.

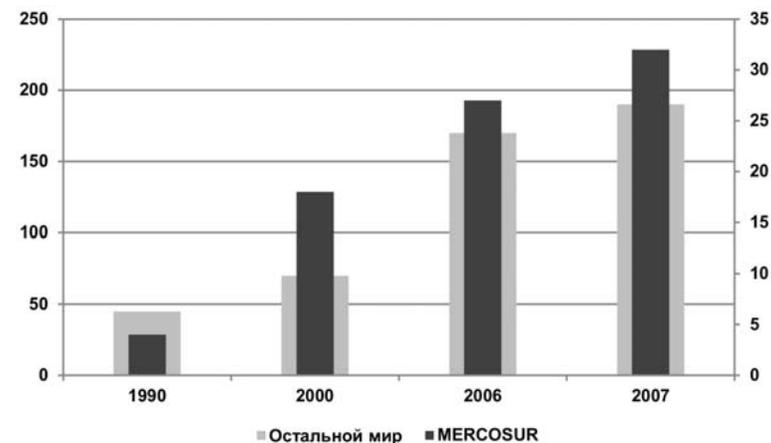
На рисунках 1, 2, 3 и 4 приведены графики сравнительной динамики объемов экспорта по блокам НАФТА, АСЕАН, МЕРКОСУР и Андское сообщество.

Рис. 1. Сравнительная динамика объемов экспорта в странах НАФТА в период с 1990 по 2007 г., млрд долл. США
Источник: данные ВТО.

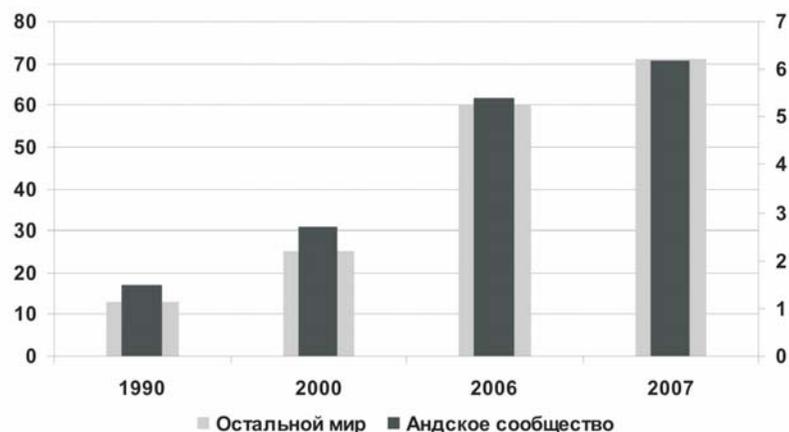

Рис. 2. Сравнительная динамика объемов экспорта в странах АСЕАН в период с 1990 по 2007 г., млрд долл. США
Источник: данные ВТО.

Рис. 3. Сравнительная динамика объемов экспорта в странах МЕРКОСУР в период с 1990 по 2007 г., млрд долл. США

Источник: данные ВТО.

Рис. 4. Сравнительная динамика объемов экспорта в странах Андского сообщества в период с 1990 по 2007 г., млрд долл. США

Источник: данные ВТО.

Графики, представленные на данных рисунках, наглядно демонстрируют эффект от многосторонних торговых соглашений — темпы роста экспорта внутри этих объединений существенно превышают динамику экспорта в третьи страны, и такая ситуация характерна для всех интеграционных объединений вне зависимости от региональной принадлежности, масштабов экономик или их количества в рамках соглашения.

В соответствии с исследованиями экономистов ряда стран и международных организаций в целом формирование многосторонних торговых объединений оказывает позитивное влияние на товарооборот, процессы интеграции и интенсивность экономического развития стран-участников. Наиболее эффективной формой организации региональных торговых соглашений являются таможенные союзы, создание которых ведет к более активному содействию процессам экономического развития.

К числу наиболее значимых и распространенных позитивных итогов формирования таможенных союзов относятся следующие:

1. Рост товарооборота темпами, опережающими как среднемировые, так и наблюдавшиеся до введения торговых соглашений. Более быстрыми темпами растет товарооборот внутри таможенных союзов, однако рост наблюдается также и в третьи страны. При этом в большинстве случаев быстрее растут объемы экспорта, а не импорта.

2. Рост ВВП, промышленного и сельскохозяйственного производства вследствие активизации внешнеторговых операций, упрощения доступа национальных компаний на внешние рынки и сокращения транзакционных издержек.

3. Повышение конкурентоспособности национальных товаропроизводителей на рынках стран — партнеров по таможенному союзу за счет применения к произведенным товарам статуса отечественных на всей территории таможенного союза.

4. Проведение единой внешнеэкономической политики во взаимоотношениях с третьими странами и торговыми блоками, что позволяет эффективнее отстаивать национальные экономические интересы в условиях глобализации и доминирования нескольких мировых центров силы.

5. Появление источников доходов (таможенные пошлины и сборы) для функционирования наднациональных органов экономической интеграции стран-участников.

6. Рост уровня конкуренции и качества товаров и услуг на всех национальных рынках стран-участников за счет отмены пошлин и протекционистских мер таможенно-тарифного регулирования.

В целом создание таможенных союзов способствует росту экономической активности, повышению уровня конкуренции и наполнению национальных рынков более качественными товарами.

венной продукцией, а также увеличению доходной базы государственных бюджетов стран-участников, что, в свою очередь, ведет к повышению уровня социального развития на всей территории союза.

Перспективы евразийской интеграции связаны с объединением «очагов региональной интеграции» в рамках единого трансевразийского пространства. На первом этапе евразийской интеграции созданы предпосылки конкурентоспособного экономического механизма в Европе — европейский единый рынок, безвизовое пространство и единая валюта.

Второй этап связан с интеграцией в рамках ЕврАзЭС, а также сотрудничеством в формате ШОС и параллельным развитием стратегического партнерства России с Индией и Китаем. И хотя в экспертных кругах первенство отдается ШОС и неформальному союзу БРИК, наиболее реальные интеграционные шаги в сфере экономического взаимодействия предприняты сегодня ЕврАзЭС.

Актуальность «теории евразийства» для мирового сообщества определяют такие факторы, как:

- активизация азиатского направления в международной экономике и политике;
- развитие идеи «евразийства» как новой философии региональной интеграции на постсоветском и евразийском пространствах;
- становление евразийской экономики самостоятельным геоэкономическим объектом формирующегося многополярного мира.

Возрастает потенциал Шанхайской организации сотрудничества. Созданием ШОС положено начало принципиально новой системе субрегионального сотрудничества, ее глобальное значение неуклонно возрастает в связи с изменением статуса и экономическим влиянием основных стран-участников. Сегодня ШОС рассматривается в качестве «не-

ожиданного и очень прозорливого соперника» ЕС в борьбе за рынки, экономическое и политическое влияние.

Смещение центров мирового развития в Евразию определяет стратегию интеграции стран ЕврАзЭС. Например, Казахстан попадает в зону глобальных интересов как регион, географически приближенный к перспективным мировым рынкам (Китай, Индия, Россия), Белоруссия — как участник программы ЕС «Восточное партнерство» и член Союзного государства России и Белоруссии. Россия уже сейчас является субъектом глобального управления, входя в состав G8, G20 и БРИК.

Особенностью современных интеграционных процессов на пространстве СНГ является то, что они происходят в отсутствие наднациональных институтов и при невысоком индустриальном уровне постсоветских экономик. Потенциалом для формирования мировых рынков на базе экономик Таможенного союза являются ресурсное превосходство, качество человеческого потенциала, общая экономическая история, экономическая самодостаточность и политическая стабильность.

Интеграционное взаимодействие стран ЕврАзЭС становится все более интенсивным, вместе с тем в сфере интеграции накопилось немало проблем, связанных с формированием неэффективной хозяйственной структуры, обострившихся в период кризиса. В этой связи для эффективного осуществления программ антикризисных мер и выхода из кризиса принципиальным становится вопрос о соотношении целей антикризисной политики с целями и стратегией развития национальных экономик в формате Таможенного союза трех государств.

Важная задача — выработка общей стратегии по преодолению сырьевой направленности экономик, инновационной и технологической отсталости и посткризисного роста.

Таможенный союз — это переходная форма региональной интеграции и первый реальный проект ЕврАзЭС, создающий предпосылки для реализации совместных проектов в торговой, энергетической, финансовой сферах и расширения таможенного пространства до масштабов экономического и валютного союзов.

Мировой опыт формирования таможенных союзов позволяет вывести определенные количественные закономерности последствий внедрения данных торговых объединений, к числу которых можно отнести следующие:

- рост экспорта в пределах 10—20% по сравнению с предшествующими периодами и импорта — на 5—20% внутри стран союза;

- рост товарооборота с третьими странами на 5—15%;
- повышение экспортной ориентации экономик, выражающееся в росте соотношения объемов экспорта и ВВП, темпами, опережающими среднемировые.

Исходя из данных закономерностей, а также показателей внешнеэкономической деятельности Республики Казахстан, можно попытаться оценить возможные последствия от вступления страны в Таможенный союз с Республикой Беларусь и Российской Федерацией.

В настоящее время основным внешнеторговым партнером Казахстана является Российская Федерация, на долю которой по итогам 2008 г. приходится 8,8% казахстанского экспорта и 37% импорта (почти 20% общего товарооборота страны). Общий объем казахстанского экспорта по итогам 2008 г. составил 72 млрд долл. США, импорта — 38,5 млрд, а весь товарооборот — 110 млрд. На протяжении 2000-х гг. общий объем экспорта из Казахстана увеличился в 7,7 раза, в том числе экспорт в Россию возрос почти в 3 раза (рис. 5).

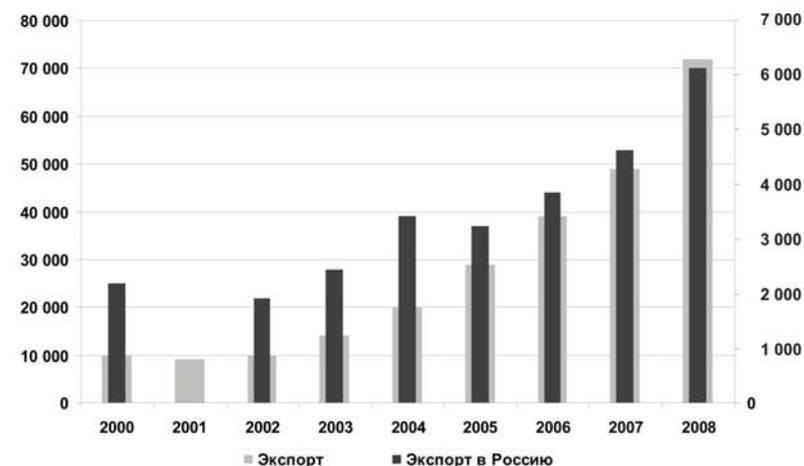

Рис. 5. Динамика объемов казахстанского экспорта в 2000-е гг., млрд долл. США

Источник: данные Агентства РК по статистике и Федеральной службы государственной статистики РФ.

Среднегодовые темпы роста казахстанского экспорта в рассматриваемый период составили 75%, в том числе темпы роста экспорта в Россию — 20%.

Исходя из данных показателей и эмпирических закономерностей формирования таможенных союзов, отмеченных выше, можно дать некоторые прогнозные оценки перспектив развития казахстанской экономики после введения Таможенного союза. Прежде всего, можно оценить потенциал роста собственно внешнеторгового оборота. Исходя из опыта действующих таможенных союзов, можно сделать прогноз о вероятном увеличении средних темпов роста казахстанского экспорта на уровне порядка 3—5 процентных пунктов, учитывая, что интенсивность экспортных поставок из Казахстана в последние годы значительно выше, чем в большинстве зарубежных стран.

Рост экспорта в страны — партнеры по Таможенному союзу можно оценить примерно двукратной величиной по

сравнению с темпами роста экспорта в третьи страны, то есть на уровне около 6—10 процентных пунктов.

Помимо внешнеторгового аспекта, формирование Таможенного союза и активизация товарооборота в его границах оказывают позитивное влияние и на другие макроэкономические показатели — промышленное и сельскохозяйственное производство и в конечном счете ведут к росту экономики в целом. Современные исследования показывают, что существует четкая взаимосвязь между активизацией внешней торговли и ростом ВВП. В частности, исследования на примере ЕС показали, что рост внешнеторгового оборота на один процентный пункт обуславливает рост ВВП на 0,22 процентных пункта [2].

В Казахстане же данная взаимосвязь выражена еще более четко: если в период, отраженный на рисунке 5 (2000—2008 гг.), экспорт увеличился в 7,7 раза, то ВВП Казахстана в долларовом исчислении за этот же период вырос в 7,3 раза (с 18,3 до 133,4 млрд долл. США). То есть для Казахстана рост экспорта на 1 процентный пункт соответствует росту ВВП примерно на 0,9 процентных пункта. Следовательно, прогнозируемое увеличение экспорта при вступлении страны в Таможенный союз на 3—5 процентных пунктов может дать дополнительный прирост ВВП на уровне 2—4%.

Литература

1. ЕврАзЭС — Инвестиции, Инновации, Интеграция. Бизнес-Форум. Москва, 14 апреля 2009 г. // [http:// www.forum.evrazes-bc.ru](http://www.forum.evrazes-bc.ru).
2. Michael Peneder. Sectoral Growth Drivers and Competitiveness in the European Union // European Commission. — 2009. — P. 63.

Участие нефтегазового комплекса Казахстана в интеграционных процессах

Егоров О.И.

Добыча нефти и газа остается одним из приоритетных и прибыльных направлений промышленности Казахстана. В настоящее время в Казахстане разведано более 200 месторождений углеводородов с общими извлекаемыми запасами около 2,8 млрд т нефти и 1,7 трлн м³ газа. По прогнозам, добыча сырой нефти Каспийского региона к 2010 г. достигнет 100 млн т. Рост добычи будет обусловлен в первую очередь разработкой месторождений Северного Каспия, в особенности на одном из самых больших нефтяных месторождениях мира — Тенгизе (запасы 6—9 млрд барр.).

Почти половина казахстанской сырой нефти добывается на трех крупных месторождениях: Тенгизе, Узене и Карачаганаке. В самом ближайшем будущем ожидается, что с присоединением к ним площади Восточного Кашагана, который располагает предположительно резервным потенциалом в пределах 50 млрд барр., Казахстан займет одно из самых важных мест среди нефтедобывающих стран мира. Кроме того, ожидается, что экспорт сырой нефти, который в 2005 г. составил более 39 млн т, достигнет в 2010 г. 55 млн т, в 2020 г. — 78 млн т.

Основным центром нефтедобывающей промышленности республики является Западный Казахстан. На территории Атырауской и Мангистауской областей находятся более 70% месторождений, содержащих промышленные запасы нефти. Кроме того, 91% разрабатываемых месторождений также открыты на территории этих областей, при этом накопленная добыча нефти составляет 95% от суммарной накопленной добычи.

В настоящее время среди стран СНГ Казахстан является вторым после России производителем нефти, а из 90 стран мирового сообщества входит в первую тридцатку. По объему производства нефтегазовый комплекс Казахстана занимает заметное место среди других отраслей. Динамика добычи нефти и природного газа приведена в таблице 1.

Табл. 1. Динамика добычи нефти, включая газовый конденсат, и природного газа в Казахстане

	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Нефть и газовый конденсат, млн т	35,9	47,2	51,3	57,0
Природный газ, млрд м ³	10,0	13,4	14,0	16,0
	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Нефть и газовый конденсат, млн т	61,5	65,0	67,0	72,0
Природный газ, млрд м ³	25,2	27,0	29,0	33,0

Большие перспективы развития нефтедобывающей отрасли республики связаны с каспийской нефтью. Как известно, в целях проведения геофизических и сейсморазведочных изысканий по всему казахстанскому сектору Каспийского моря в декабре 1993 г. был образован международный консорциум «Казахстанкаспийшельф» (ККШ).

Важным фактором формирования энергетического рынка республики является также природный газ, разведанные запасы которого составляют 3 трлн м³. Перспективные ресурсы на подготовленных к бурению структурах, по некоторым оценкам, приближаются к 700 млрд м³. В Казахстане на сегодняшний день открыто более 100 месторождений, сосредоточенных в пределах Прикаспийской нефтегазоносной провинции, Тургайской, Южно-Мангышлакской, Северо-Устьюртской нефтегазоносных областей. По разведан-

ным запасам природного газа Казахстан занимает 15 место в мире.

Потенциальные ресурсы природного газа в Казахстане оцениваются в 10 трлн м³, 90,2% из которых связаны с Прикаспийской впадиной. Предположительно к 2010 г. разведанные запасы возрастут до 3 трлн м³. Ученные запасы газа промышленных категорий А+В+С₁, сосредоточенные в 94 месторождениях, составили 1 850,7 млрд м³. Запасы конденсата учтены на 42 месторождениях, где остаточные запасы категорий А+В+С₁ составляют 688,08 млн т.

Необходимость формирования перерабатывающей отрасли многофункционального назначения обусловлено постоянным ростом потребностей в продуктах нефтегазопереработки, являющихся исходным сырьем для таких отраслей промышленности, как нефтехимия, микробиологическое производство.

Развитие нефтеперерабатывающей промышленности страны в целом ориентировано на устойчивое обеспечение потребностей во всех видах нефтепродуктов, создание дополнительных мощностей по первичным и вторичным процессам для углубления переработки сырья как за счет реконструкции и расширения действующих, так и за счет ввода новых.

Экономический рост Казахстана, отмечающийся в последнее десятилетие, позволил осуществить корректировку некоторых законодательных документов, по своему содержанию дававших значительные привилегии иностранным инвесторам, участвующим в процессах нефтегазодобычи на месторождениях страны, что в определенной степени ущемляло интересы государства.

Среди наиболее важных корректировок можно назвать:

- поправки в налоговое законодательство, предполагающие введение налога на экспорт нефти в зависимости от уровня биржевой цены (2003 г.);

- закон о приоритетном праве государства на выкуп нефтяных активов на вторичном рынке (2005 г.);

- поправки в законодательство по недропользованию, придающие уже действующим нефтяным контрактам обратную силу, в случае если действия инвестора будут представлять угрозу национальной безопасности Казахстана (2007 г.).

Исходя из происшедших изменений, государство в настоящее время претворяет в жизнь новую стратегию, заключающуюся в том, чтобы, во-первых, постепенно возвращать свои активы, во-вторых, участвовать в каждом нефтяном проекте 50-процентной долей, в-третьих, приобретать нефтегазовые объекты за пределами страны.

В этом направлении в течение 2005—2009 гг. уже осуществлены значимые операции:

- приобретено 16,81% долевого участия в Северо-Каспийском проекте;

- приобретено 50% акций в СП «КазГерМунай»;

- приобретено 33% акций в АО «ПетроКазахстан» и 50% — в Шымкентском нефтеперерабатывающем заводе;

- приобретено 50% акций в АО «МангистауМунайГаз»;

- приобретен 100-процентный пакет акций Павлодарского НХЗ.

Казахстан в лице Национальной компании «КазМунай Газ» уже приобрел контроль над Батумским нефтяным терминалом, а в будущем станет одним из крупных акционеров планируемого нефтеперерабатывающего комплекса. Совместно с Газпромом (РФ), КазМунайГазом создано СП на базе Оренбургского газоперерабатывающего завода (доля каждого участника составляет 50%). В текущем году приобретено 75% акций голландской компании «РумПетрол Групп», владеющей двумя заводами в Румынии суммарной мощностью 15 млн т нефти в год, более чем 600 автозаправочными станциями, расположенными в европейских стра-

нах. Эта акция будет способствовать тому, что извлеченная из казахстанской нефти товарная продукция будет реализовываться непосредственно во Франции, Румынии, Болгарии и других европейских государствах.

И все же, несмотря на столь успешные действия казахстанского руководства по увеличению присутствия национальной компании в нефтегазовом секторе страны, ряд инвестиционных проектов в последние годы осуществляется благодаря финансовой поддержке банковского сектора КНР.

Активизация деятельности китайских нефтяных компаний, направленной на увеличение потенциала углеводородных ресурсов за рубежом, успешно реализуется в странах Африки (Судан, Чад, Нигер, Алжир), в регионе Центральной Азии (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан), в Южной Америке (Венесуэла, Эквадор, Перу, Коста-Рика), в государствах Среднего Востока (Иран, Ирак, Оман, Сирия), в Индонезии и России. Общая ситуация, характеризующая размеры запасов и добычи углеводородных ресурсов, контролируемых Китаем, в том числе и в зарубежных странах, отражена в таблице 2.

Табл. 2. Запасы углеводородного сырья и его добыча в Китае

	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Прирост разведанных геологических запасов нефти, млн т	458,4	557,1	615,1	831,6	643,6
Прирост разведанных геологических запасов газа, млн т	410,3	362,8	365,4	445,4	416,8
Объем добычи нефти, млн т	106,6	106,0	106,6	107,7	108,3
Объем добычи нефти за рубежом, млн т	8,3	20,0	28,1	23,9	30,5
Объем добычи природного газа, млрд м ³	20,6	36,7	44,2	54,3	61,8

Продолжение

	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Объем добычи природного газа за рубежом, млрд м ³	0,6	2,91	3,8	3,5	4,77
<i>Примечание:</i> составлено согласно данным Годового отчета CNPC за 2008 г.					

Как следует из представленной информации, объемы запасов углеводородных ресурсов суммарно в Китае и за рубежом имеют устойчивую тенденцию к постоянному их увеличению. Аналогичная ситуация прослеживается и в отношении добычи нефти и природного газа. Столь масштабные изменения в нефтегазовом секторе экономики Китая, обеспеченные крупными капитальными вложениями в эту сферу деятельности, в конечном счете должны решить проблемы обеспеченности отраслей экономики нефтегазовыми ресурсами и продуктами их переработки в перспективном периоде (табл. 3).

Табл. 3. Прогнозная оценка потребности экономики Китая в нефти, млн т

Показатель	2010 г.	2015 г.	2020 г.
Объем добычи нефти	180	180	180
Объем переработки нефти	280	320	390
Потребность в сырой нефти (спрос)	307	351	427
Необходимый объем импорта нефти	127	171	247
Чистый импорт нефти (%) от объема спроса	40,4	48,7	57,9
<i>Примечание:</i> составлено согласно данным Годового отчета CNPC за 2008 г.			

Интенсивное развитие нефтегазового сектора экономики КНР, наблюдающееся в течение прошедшего 10—15-летнего периода и в прогнозных проработках, является свидетельством того, насколько важным для государства становится решение проблемы достаточности в обеспеченности страны

углеводородными ресурсами. В условиях продолжающегося мирового экономического кризиса в Китае не прекращается работа по обоснованию и реализации проектов обработки сырья — создание нефтегазоперерабатывающих и нефтехимических производств. Вполне понятно, что главная цель подобной реструктуризации экономики заключается в открывающейся возможности не только обеспечения возрастающих внутренних потребностей в топливе и продукции нефтехимии, но и в решении стратегических задач — получении доступа этой продукции на рынки тех стран, где уже ощущается заметное присутствие китайских нефтяных компаний.

В сложившейся ситуации нельзя не отметить интенсивное проникновение капитала китайских компаний в нефтяной сектор Казахстана, наблюдающееся в последние годы. Первый шаг в этом направлении был сделан Китайской национальной нефтяной компанией (КННК) после приобретения крупного пакета акций у АО «АктобеМунайГаз», разрабатывавшего среднее по запасам нефтегазовое месторождение Жанажол и ряд других структур.

В течение 1996—2008 гг. рядом нефтяных компаний Китайской Народной Республики приобретены активы на разработку нефтегазовых месторождений Республики Казахстан:

- с 1997 г. Китайская национальная нефтяная компания (CNPC) контролирует АО «CNPC — АктобеМунайГаз». Она имеет лицензии на добычу углеводородов на трех месторождениях: Жанажол, Кенкияк-надсолевой, Кенкияк-подсолевой. Общие их геологические запасы составляют примерно 608,5 млн т нефти и 146 млрд м³ газа. На этих структурах добыто в 2005 г. около 6 млн т, в 2006 г. ориентировочно — 6,5 млн т. Кроме того, вместе с извлеченной нефтью компанией добывается от 7 до 8 млрд м³ газа в год;

- АО «CNPC — АктобеМунайГаз» открыло новое месторождение на контрактной территории — Ащисай-1, запасы которого составляют 0,8 млн т. Пробуренная здесь скважина дает в сутки до 120—130 т нефти;

- компания CNPC приобрела 65-процентную долю в нефтяном месторождении Северные Бузачи у американской компании «ШевронТексако» и 35-процентную долю этого же месторождения у саудовской компании «НимирПетролеум». Таким образом, CNPC стала единоличным владельцем этого месторождения. Запасы месторождения Северные Бузачи — более 214 млн т нефти с текущей добычей 750 тыс. т в год;

- CNPC приобрела 70% акций канадской компании «ПетроКазахстан», извлекаемые запасы месторождений которой составляют 76 млн т, добыча нефти в 2005 г. составила 3,1 млн т;

- китайская компания Sinopec приобрела американскую компанию FIOC, нефтяные активы которой превышают 160 млн долл. США. На единственном действующем месторождении добывается 200 тыс. т нефти в год;

- китайская государственная инвестиционная корпорация (CITIC Group) договаривается с канадской компанией Nations Energy о продаже нефтяных активов в АО «КаражанбасМунай» (активы канадской компании составляют 94,6% всех акций). Месторождение Каражанбас имеет доказанные запасы в 46,6 млн т. Добыча нефти в 2005 г. на нем составила 2,3 млн т (ориентировочно добыча в 2006 г. составила 2,5 млн т. Китайская государственная инвестиционная корпорация (CITIC Group) в конце ноября 2006 г. подала заявку на покупку нефтяных активов канадской компании. Суммарно китайские нефтяные компании на текущий момент контролируют около 970 млн т запасов нефти в Республике Казахстан, годовая добыча компаний составляет 13—14 млн т,

что соответствует примерно пятой части от общей добычи нефтяной промышленности.

Столь интенсивное вторжение инвестиций КНР в стратегический сектор экономики Казахстана уже сейчас вызывает серьезные опасения. Чем они обусловлены?

- китайские компании уже обладают значительными объемами нефтегазовых ресурсов (1 млрд т);

- китайские компании довели годовую добычу нефти до 15 млн т;

- китайские компании имеют 50-процентное участие в Шымкентском нефтеперерабатывающем заводе;

- китайские компании имеют 50-процентную долю участия в АО «МангистауМунайГаз»;

- в ближайшее время начнут функционировать нефтепровод «Западный Казахстан — Китай», пропускная способность которого должна составить 20 млн т нефти в год, и газопровод «Туркменистан — Казахстан — Китай», пропускной способностью до 30 млрд м³ в год;

- в Западном Сынцзяне функционируют три нефтеперерабатывающих завода, на которых имеются мощности по производству как нефтепродуктов, так и продукции нефтехимии. Не исключено, что, при надлежащей загрузке исходным сырьем, эти предприятия, используя казахстанскую нефть, дадут возможность осуществить массированную экспансию продуктов нефтепереработки (авто- и авиабензин, дизельное топливо, масла и др.) и нефтехимии (пластмассы, продукция бытовой химии, синтетические волокна и др.).

Высокими темпами развития характеризуется и нефтехимическая составляющая перерабатывающих производств Китая. Учитывая тот факт, что мировой спрос на отдельные виды продукции нефтехимии из года в год имеет устойчивую тенденцию к увеличению, на соответствующих предприяти-

ях страны растет выпуск определенного ассортимента конечной продукции (табл. 4).

Табл. 4. Результаты деятельности нефтехимических предприятий Китая, млн тг

Продукция нефтехимии	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Этилен	1,6	1,9	2,07	2,58	2,68
Синтетические смолы	2,2	3,0	3,31	4,25	4,40
Синтетические волокна	0,3	0,3	0,19	0,17	0,14
Синтетический каучук	0,24	0,34	0,37	0,38	0,41
Мочевина	3,07	3,58	3,58	3,63	3,82
Синтетический аммиак	2,05	2,50	2,46	2,52	2,60

Примечание: составлено согласно данным Годового отчета CNPC за 2008 г.

Так, выработка этилена за 2001—2008 гг. выросла почти на 68%, синтетических смол — в 2 раза, синтетического каучука — на 70%, синтетического аммиака — на 26%.

Перспективы нефтепереработки и нефтехимии, закладываемые в планы модернизации и нового строительства, связаны с вводом в промышленную эксплуатацию ряда крупных производств в различных регионах Китая. Новые объекты характеризуются передовым технологическим оснащением, имеют высокую степень экологичности и являются примером интеграции нефтепереработки и нефтехимии.

В 2009 г. практически введены в эксплуатацию: нефтехимический комплекс годовой мощности переработки в 10 млн т и выпуском 1 млн т этилена в Душаньцзы (Западный Китай), нефтехимический комплекс объемом переработки нефти 10 млн т в год в Фушуне, нефтеперерабатывающий завод годовой мощностью 10 млн т в Гуанси, нефтехимический комплекс в Урумчи (Западный Китай) мощностью 1 млн т, нефтеперерабатывающий завод в Нинсяй мощностью 5 млн т нефти, мощности по производству смазочных материалов в Караме (Западный Китай). К этой группе новых объ-

ектов нефтепереработки и нефтехимии, которые уже эксплуатируются или будут введены в эту стадию в течение 2009—2010 гг., следует добавить около десяти объектов, где осуществляется интенсивная модернизация технологического оборудования, в результате чего будет увеличен выпуск высококачественных топлив, смазочных материалов, продукции нефтехимии.

Все отмеченное означает, что китайские компании уже имеют значительную долю участия в нефтяной промышленности Республики Казахстан. Причем эта доля складывается из запасов углеводородного сырья, добычи и переработки его, наличия трубопроводной системы и автозаправочных станций. Все это должно уже сейчас вызывать настороженность, так как подобная ситуация угрожает экономической и национальной безопасности страны.

Резюмируя сказанное о потенциале китайских нефтяных компаний в Казахстане, отметим, что они на текущий момент (а особенно в перспективе) представляют собой серьезного конкурента НК «КазМунайГаз» на внутреннем и внешнем рынках.

Из всего изложенного может быть сделан ряд выводов:

Первый и, возможно, самый главный связан с необходимостью осуществления взаимовыгодных деловых отношений именно в нефтегазовом секторе. Совместно должны решаться не только вопросы экономического характера. Следует с особым вниманием отнестись к решению экологических проблем, внедрению технических и технологических новшеств, решить вопрос с увеличением казахстанского содержания.

Второй вывод заключается в необходимости консолидации усилий обеих сторон в развитии обрабатывающего сектора экономики Казахстана и, в частности, машиностроения.

Реализация таких направлений развития будет способствовать достижению обоюдной экономической выгоды, что означает углубление казахстанско-китайских экономических отношений на долгие годы вперед.

Энергетическая дипломатия Европейского Союза в Центральной Азии и Республике Казахстан: приоритеты сотрудничества

Мовкебаева Г.А.

Все более растущая зависимость мирового сообщества от энергоресурсов обуславливает усиление влияния энергетического фактора на международные отношения, геополитику и на мировую экономику. Возрастает внимание к тем странам и регионам, которые обладают запасами нефти и газа. Это Россия, страны Персидского залива, Африки, Каспийского региона и Центральной Азии. В этих условиях в качестве специфического, эффективного инструмента для отстаивания своих национальных, прежде всего, экономических интересов и поддержки своих компаний приобретает большое значение энергетическая дипломатия.

Актуальность темы определяется необходимостью анализа энергетической стратегии Евросоюза в Центральной Азии для выявления уровня ее воздействия на дальнейшее развитие региона, поиска оптимальной модели взаимодействия и формата партнерства и сотрудничества ЕС со странами ЦА, в частности с Республикой Казахстан, в изменяющихся условиях.

Центральная Азия становится еще более привлекательной и интересной для Евросоюза. Однако европейская политика в регионе сопровождается рядом трудностей, наталкивается на различные препятствия. Растет активность стран, находящихся в непосредственной близости к региону, таких, как Россия (один из ключевых игроков на мировом энергетическом рынке и крупный поставщик энергоресурсов) и Китай (страна с быстро растущей экономикой и увеличивающимся потреблением энергии). В числе основных геополитических

акторов выступают и США, имеющие значительное влияние на страны региона. Не менее важными представляются и другие региональные игроки — это Турция, Иран, Индия, Пакистан и Азербайджан.

Доля ЕС в потреблении энергоресурсов в мире составляет 22% и 80% нефти и газа. Евросоюзу приходится импортировать преимущественно из России, Норвегии, Северной Африки, а также в меньшей степени из Западной Африки и Ближнего Востока. Председатель Европейской комиссии Жозе Мануэл Баррозу назвал единую энергетическую политику жизненно необходимой для ЕС. По его словам, Европейский Союз столкнулся с новой реальностью, поскольку спрос на энергоносители растет, а их запасы в Европе истощаются. «Энергетика должна стать составной частью всех внешних отношений ЕС», — утверждает в Зеленой книге [1].

Основой нового подхода должна стать Единая энергетическая политика Евросоюза, которая базируется на шести принципах:

- единство действий;
- интеграция национальных рынков;
- солидарность действий;
- устойчивость и разнообразие источников;
- эффективность и научно-технический прогресс;
- должна быть направлена на создание устойчивого, конкурентоспособного и надежного энергетического рынка.

В результате ЕС должен превратиться в мирового лидера по реформе и развитию энергетики. «В основе этих шести приоритетов лежат две ключевые концепции, которые должны помочь Евросоюзу, — отмечает Баррозу, — первый — диверсификация. Она касается трех аспектов: диверсификации источников энергии, стран-поставщиков и транзитных маршрутов поставок газа и нефти в ЕС. Второй приоритет — необходимость экстренных действий». В своем подходе к

данной проблеме Комиссия ЕС исходит из того, что, как заявляет ее председатель, «Европа уже не может себе позволить иметь 27 отдельных рынков энергетики и 27 различных политических курсов в этом вопросе» [2].

На заседании Европейского совета 4 февраля 2011 г. в Брюсселе председатель Европейской комиссии Жозе Мануэл Баррозу представил приоритеты в сфере энергетики. Баррозу настаивает на принятии четких обязательств, в результате которых будет завершено к 2014 г. создание внутреннего энергетического рынка. План основан на трех базовых принципах: увеличение роли альтернативных источников энергии, создание единых рынков газа и электричества в Европе, внедрение энергосберегающих технологий для качественного повышения энергоэффективности экономики [3].

Европейская энергетическая дипломатия переживает серьезную трансформацию. На фоне нарастания напряжения в нестабильных регионах мира, революций в странах Северной Африки и Ближнего Востока, которые долгое время являлись для Европейского Союза основными поставщиками энергоресурсов, усиливающегося желания освободиться от зависимости России и стран ОПЕК в импорте, увеличения спроса на углеводороды как главного источника энергии и в Европе, и в мире в целом, Центральная Азия становится еще более привлекательной и интересной для Евросоюза, что нашло отражение в принятии Стратегии ЕС для Центральной Азии, рассчитанной на 2007—2013 гг. Особое внимание в Стратегии ЕС уделяется сотрудничеству в области энергетики и энергетической безопасности.

Можно выявить ряд факторов, определяющих сотрудничество Евросоюза и Казахстана. К ним можно отнести следующие:

1. Растущий спрос на углеводороды как главного источника энергии и в Европе, и в мире в целом обуславливает

увеличение зависимости стран Европейского Союза от импортных энергоресурсов.

2. Желание освободиться от зависимости России и стран ОПЕК в импорте побуждает Евросоюз диверсифицировать энергетические поставки.

3. Нестабильность поступления российских нефти и газа через территорию Украины, что угрожает энергетической безопасности ЕС.

4. Стабильная политическая и экономическая ситуация в Республике Казахстан, развитое законодательство в области финансовой системы, рынка труда и защиты иностранных инвестиций.

В этих условиях Казахстан как перспективный и выгодный экспортер энергетических ресурсов получает большие возможности для обсуждения и принятия реальных договоров в рамках задачи обеспечения энергетической безопасности Евросоюза.

Бенито Ферреро-Валднер, бывший комиссар ЕС по вопросам внешних связей и европейской политике соседства, выступая на встрече в Евразийском университете имени Л. Гумилева в Астане, в октябре 2006 г., отметила, что огромные запасы нефти и газа Казахстана делают его чрезвычайно привлекательным партнером для Евросоюза. И Казахстан, в свою очередь, нуждается в таких надежных партнерах, как Европейский Союз, для обеспечения устойчивых рынков своей продукции, «задача ЕС — развивать взаимовыгодное партнерство посредством диалога между производителями энергоресурсов, транзитными странами и потребителями. Важная часть такого равенства — это транспортировка энергоресурсов, и здесь, мы надеемся, что Казахстан обеспечит сильную политическую поддержку для развития Транскаспийского-Трансчерноморского энергетического транзитного коридора, а также для нефтепровода “Одесса — Броды —

Плок”. Таким образом, диверсификация важных маршрутов повысит безопасность поставок для Евросоюза, одновременно способствуя повышению экспортных цен для Казахстана и других производителей» [4].

Отношения между ЕС и РК регулировались на основе Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС), подписанного в январе 1995 г. и вступившего в силу в 1999 г. Оно определяло три направления: политический диалог, торговые и экономические связи и сотрудничество в различных областях. В 2002 г. между Казахстаном и Евросоюзом диалог был расширен благодаря включению энергетических и транспортных вопросов в мандат существующего Подкомитета по торговле и инвестированию.

В декабре 2006 г. во время визита Президента РК Н.А. Назарбаева в Брюссель было подписано два важных документа: Энергетическая дорожная карта, составленная совместно странами — участниками Бакинской инициативы и Евросоюза, и Соглашение о сотрудничестве ЕС и РК в области ядерной энергетики. Энергетическая дорожная карта стала своего рода логическим продолжением Бакинской инициативы, которая сблизила центральноазиатские государства и страны Закавказья в их намерении транспортировать нефть и газ на европейские рынки. Европейский Союз и Республика Казахстан выразили согласие на долгосрочное партнерство, основанное на общих интересах и взаимности по исследованию и добыче углеводородных ресурсов и привлечению инвестиций.

Казахстан также заинтересован в углублении отношений с Евросоюзом. Стратегический характер государственной программы «Путь в Европу», рассчитанной на 2009—2011 гг., определяется важностью решения актуальных задач внутреннего развития Казахстана, приобщения к европейскому опыту интеграции, институционально-правовых реформ и

государственного управления с целью улучшения качества жизни в казахстанском обществе [5].

Казахстан является единственной страной в Центральной Азии, реализующей конкретные действия по расширению и углублению сотрудничества с Евросоюзом в рамках подобной программы.

Энергетическая проблема стояла и на повестке дня переговоров на высшем уровне Франции и Казахстана (6 октября 2009 г., Астана). По результатам встречи президентов Нурсултана Назарбаева и Николя Саркози были подписаны соглашения в области энергетики и торговли на сумму 6 млрд долл. США, трехстороннее соглашение между НК «КазМунайГаз», Total и GDF Suez о принципах совместной деятельности по проекту Хвалынское, было достигнуто соглашение, чтобы заложить новый нефтепровод, который соединит Кашаганское нефтегазовое месторождение (Каспийское море) с западными рынками, обеспечив альтернативный маршрут существующим российским нефтепроводам. Франция заинтересована в участии строительства нефтепровода «Ескене — Курык», и был подписан Меморандум о взаимопонимании между НК «КазМунайГаз» и французской компанией Spie Sarag по нефтепроводу.

16 июня 2011 в Брюсселе были подведены промежуточные итоги первого дня юбилейного 10-го заседания Комитета парламентского сотрудничества «Республика Казахстан — Европейский Союз», в ходе которого был обсужден широкий круг вопросов сотрудничества Казахстана с Евросоюзом.

Как отметил глава делегации Европейского парламента по Центральной Азии и Монголии Паоло Бартолоцци, являющийся также сопредседателем Комитета парламентского сотрудничества «ЕС — РК», в первый день дискуссия затронула политические вопросы, такие, как демократия, права человека, а также экономическое взаимодействие между Ка-

захстаном и Евросоюзом, включая энергетическое сотрудничество и окружающую среду. Кроме того, были обсуждены перспективы заключения нового соглашения о продвинутом партнерстве между ЕС и РК, а также другие вопросы двусторонней повестки дня [6].

ЕС заинтересован в энергетических возможностях региона. Энергетическая безопасность — вот тот приоритетный аспект, который присутствует практически в каждом новом стратегическом документе, соглашении, меморандуме, встречах на высоком уровне, конференциях и форумах, двусторонних и многосторонних переговорах.

Влияние энергетического фактора, во-первых, сказалось на выборе стратегических партнеров для ЕС в регионе. Еще в то время, когда отношения с центральноазиатскими странами были на этапе становления (первая половина 1990-х гг.), энергетический аспект сыграл свою ключевую роль. Прежде чем принять решение о сотрудничестве с государствами ЦА, ЕС тщательно оценивал экономические преимущества и значение ЦАР в сфере безопасности. И хотя употреблялся общий термин «политика в Центральной Азии», отношения дифференцировались: страны, богатые энергетическими ресурсами, были более предпочтительны. Поэтому преимущественно интенсивные связи и больший интерес наблюдаются в отношении трех стран: Казахстана, Туркменистана и Узбекистана, которые обладают значительным количеством энергетических ресурсов.

Таким образом, основным для Евросоюза региональным экспортером углеводородов является Казахстан, ежегодно обеспечивающий до 20% всего импорта газа и нефти, поставляемого в страны ЕС. По данным Агентства РК по статистике, доля по некоторым странам Европы достигает весьма значительного уровня: Италия — 74%, Великобритания — 11% и Германия — 10% [7].

Кроме того, центральноазиатский рынок важен для Европы, которая готова инвестировать в экономику стран региона. Европейские политики и бизнесмены всегда заявляли о том, что хотят быть самым крупным коммерческим партнером в Центральной Азии [8].

Несмотря на высокий уровень взаимного интереса и географическую близость, Турция, Иран, Пакистан и страны Ближнего Востока никогда не оказывали такого влияния на Центральную Азию, как Западная Европа, потому что только их предприниматели располагают достаточным капиталом и техническим опытом для развития и укрепления экономики региона [9].

В рамках энергетического сотрудничества главными инвестиционными и техническими объектами внимания Евросоюза в нефтегазовой сфере Казахстана являются:

- расширение участия и присутствия нефтегазовых компаний европейских стран при разработке и добыче нефти, а также газа в морских и территориальных зонах Казахстана;
- ремонт и техническая модификация действующих трубопроводов нефти и газа;
- совершенствование транспортной инфраструктуры, железных и автодорог Казахстана;
- политическая поддержка, экономическое обоснование, предоставление гарантий правительству Казахстана в проектах республики по строительству новых трубопроводов для поставки газа и нефти на европейские рынки.

Казахстан, в свою очередь, пытается найти новые пути транспортировки нефти. Казахстан имеет три варианта: увеличение поставок через КТК, уже действующий трубопровод через территорию России до Черного моря, наполнение трубопровода «Баку — Тбилиси — Джейхан» и направление на восток в Китай. Таким образом, Казахстан может регулировать свой транзит по трем маршрутам, что

сделает его более гибким и улучшит его условия для суверенного развития.

Запасы нефти и газа, а также географическое положение (между Европой и Азией, на перекрестке стратегических энергетических маршрутов) делает Казахстан одной из ключевых фигур в обеспечении Евразийской энергетической безопасности. Интересы РК заключались и заключаются в широком привлечении европейского капитала для оздоровления экономики и решения социальных и экологических проблем, в расширении торгово-экономических связей и использовании интеграционного опыта ЕС в проведении собственной внешней политики.

Энергетическая политика Казахстана представляет как новые возможности, так и вызовы для диверсификации Европейской стратегии.

С одной стороны, реализация проектов Nabucco и Транскаспийского трубопровода создает для ЕС благоприятный шанс для обеспечения поставок по этим направлениям. Но, с другой стороны, соперничество России и, особенно, Китая, скорее всего, станет представлять серьезную опасность для Европейской стратегии.

Таким образом, стратегия Европы направлена на укрепление отношений со странами Центральной Азии с тем, чтобы обеспечить свободный доступ на энергетический рынок. Тем не менее, как отмечают многие специалисты, изучающие отношения Центральной Азии и Евросоюза, ЕС еще пока далек от региона ЦА. Европе придется сделать немало для того, чтобы занять прочные позиции на энергетическом рынке, так как Центральная Азия и Казахстан находятся не только в сфере интересов Евросоюза. В регионе присутствуют не менее сильные и значимые на мировом энергетическом рынке государства. Для закрепления своих позиций в Центральной Азии Евросоюзу придется побороться с другими крупными

претендентами на обладание энергетическими ресурсами этого региона.

Но важность участия Европы в региональной политике состоит в том, что с помощью своих принципов и методов проведения внешней политики и диалога с другими странами Евросоюз сможет предотвратить жесткую борьбу за обладание энергоресурсами и сохранить стабильность в регионе Центральной Азии, не допустив преобладания какой-либо одной державы.

Ясно одно, что растущая трансконтинентальная роль Казахстана в обеспечении энергетической безопасности обусловлена его большими энергетическими ресурсами в нефтяном и газовом секторе. Кроме того, это одно из немногих действительно стабильных государств Центральноазиатского региона. Исходя из этого, Европа, соответственно, делает ставки на Казахстан в этой «Большой энергетической игре».

Европейский Союз заинтересован в укреплении в Центральной Азии устойчивых демократических режимов с рыночной экономикой, вследствие чего произойдет снижение уровня конфликтности в регионе, успешная борьба с нелегальной миграцией и наркотрафиком, что, в свою очередь, обеспечит условия для улучшения работы европейских компаний в регионе и, прежде всего, в энергетическом секторе.

Усиление позиций Европейского Союза в регионе обусловлено его намерением диверсифицировать американское и российское политическое влияние и перевести эти отношения в экономическую плоскость. Евросоюз является крупным потребителем экспорта стран Центральной Азии, а с диверсификацией энергетических потоков и с расширением энергосистемы центральноазиатские страны обретут стабильный рынок сбыта. Европа ищет пути на рынки Центральной Азии, для предотвращения ситуаций, подобных той, когда Россия сократила поставки газа через территорию

Украины, а длительные перерывы в поставках энергоресурсов опасны для экономики и могут привести к дестабилизации не только отдельного государства, но и целых регионов. Это делает Европейский Союз крайне заинтересованным в диверсификации энергетических ресурсов, поставщиков и маршрутов.

Литература

1. Towards a European strategy for the security of energy supply // Green Paper. — European Commission, Brussels, 2006. — P. 39 // <http://www.europa.eu.int>.
2. <http://www.europa.eu.int>.
3. В Евросоюзе грядут перемены? // <http://rus.ruvr.ru>. — 2011, 2 сентября.
4. Ферреро-Валднер Б. Европейский Союз и Центральная Азия — создание партнерских взаимоотношений XXI века // <http://www.europa.eu.int>.
5. Тажин М. Государственная программа Республики Казахстан «Путь в Европу» на 2009—2011 гг. в действии // Дипломатия жаршысы (Дипломатический курьер). — 2009. — №1 (19) // <http://portal.mfa.kz>.
6. <http://www.inform.kz>.
7. Уразов А. Политика Евросоюза в отношении Казахстана // <http://www.analitika.org>.
8. Клаус В. Гревлих. Европейский Союз — стратегия для Центральной Азии // <http://www.msn.kg/ru/news>.
9. Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии. — Москва; Вашингтон, 2005. — С. 102.

Сведения об авторах

Арупов Акимжан Арупович — проректор Университета «Туран» (РК)

Ашимбаева Алида Туймебаевна — профессор кафедры экономики Университета «Туран» (РК)

Дагмар Энкельманн — депутат Германского бундестага, председатель парламентской группы «Германия — Центральная Азия»

Додонов Вячеслав Юрьевич — главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК

Евсеев Владимир Валерьевич — директор Центра общественно-политических исследований (РФ)

Егоров Олег Иванович — главный научный сотрудник Института экономики КН МОН РК

Закиева Жанат Кешримовна — советник представительства МИД РК в Алматы

Карибджанов Ерик Сулейманканович — профессор Международной академии бизнеса (РК)

Лаумулин Мурат Турарович — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК

Ли Синь — директор Центра России и Центральной Азии при Шанхайской академии международных исследований (КНР)

Лузянин Сергей Геннадиевич — заместитель директора Института Дальнего Востока РАН

Мальшева Дина Борисовна — главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН

Мовкебаева Галия Ахметвалиевна — профессор Казахского национального университета (КазНУ) им. аль-Фараби

Петер Линке — руководитель филиала Фонда Розы Люксембург в РФ

Соловьева Айгуль Сагадибековна — депутат Мажилиса Парламента РК, член Национальной комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте РК

Султанов Булат Клычбаевич — директор КИСИ при Президенте РК

Сыроежкин Константин Львович — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК

Чжу Сяньпин — директор Института по изучению Северо-Восточной Азии Цзилиньского университета (КНР)

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты туралы ақпарат

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы 16 маусымдағы Жарлығымен құрылған.

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының құрылған күнінен бастап оның негізгі мақсаты — мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекемесі ретінде Қазақстан Президентінің және елдің басқарушы органдарының қызметін ғылыми-талдаулармен қамтамасыз ету.

Осы уақыт барысында ҚСЗИ жоғарыкәсіпті ғылыми-талдау орталығына айналды. Бүгінгі таңда институтта он ғылым докторы, профессорлар, он үш ғылым кандидаттары, саясаттану, тарих, экономика, социология салаларының мамандары қызмет атқарады.

ҚСЗИ қызметі барысында институт сарапшыларының қатысуымен халықаралық қатынас, ғаламдық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша 200-ге жуық кітап басып шығарылған. Институт төрт мерзімді ғылыми-сараптамалық журнал басып шығаруда: «Қоғам және Дәуір» тоқсандық ғылыми-сараптамалық журналы, «Казакстан-Спектр» тоқсандық ғылыми журналы, «Analytic» ақпараттық-талдау журналы және «Central Asia's Affairs» тоқсандық сараптамалық журналы (ағылшын тілінде). Бұл басылымдарда сыртқы және ішкі саясат, халықаралық қатынастар, ұлттық қауіпсіздік, Қазақстан Республикасының әлеуметтік және экономикалық саясаты мәселелері жарық көреді, сондай-ақ материалдарды өзінің www.kisi.kz сайтында жариялайды.

ҚСЗИ-дың жеке сайты үш тілде: қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде ұсынылған. ҚСЗИ сайты пайдаланушылардың саны жылына шамамен 200 мың адамды құрайды және де оның тең жартысынан артығы жақын және алыс шетелдердің үлесіне тиіп отыр.

Институт өзінің негізгі зерттеу бағыттары бойынша семинарлар, ғылыми конференциялар, «дөңгелек үстелдер», халықаралық форумдар өткізеді. ҚСЗИ өткізетін ғылыми форумдардың ішінде шетелдік сарапшылардың ерекше қызығушылықтарын тудыратыны — 2003 жылдан дәстүрлі өтіп келе жатқан, Орталық Азиядағы ынтымақтастық пен қауіпсіздік мәселелеріне арналған Алматы конференциясы. ҚСЗИ-дың ғылыми басқосуларына Қазақстаннан ғана емес, сонымен қатар, Орталық Азия елдерінің, Ресейдің, Қытайдың, Германияның, Францияның, Үндістанның, Иранның, Түркияның, Пәкістанның, Жапонияның және басқа да мемлекеттердің ғалымдары белсене қатысуда.

ҚСЗИ негізінде Қазақстанның жетекші жоғарғы оқу орындарының студенттері мен шетелдік сарапшылар үнемі тәжірибеден өтіп отырады.

Бүгінгі таңда институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми өсулері үшін барлық қажетті жағдайлар жасалынған.

ҚСЗИ туралы толық ақпаратты төмендегі мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 050010, Алматы,
Достық даңғылы, 87^{«б»}
Тел.: +7 (727) 264-34-04
Факс: +7 (727) 264-49-95
E-mail: office@kisi.kz
<http://www.kisi.kz>

**Информация о Казахском институте
стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан**

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ) был создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 г.

С момента своего возникновения основной задачей Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан как государственного научно-исследовательского учреждения является научно-аналитическое обеспечение деятельности Президента Казахстана, руководящих органов страны.

За это время КИСИ превратился в высокопрофессиональный научно-аналитический центр. В настоящее время в институте работают десять докторов наук, профессоров, тринадцать кандидатов наук, специалисты в области политологии, истории, экономики, социологии.

За время существования КИСИ экспертами института издано около 200 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. Институтом издаются четыре журнала: «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), «Казахстан-Спектр», «Analytic» (на русском языке), «Central Asia's Affairs» (на английском языке). КИСИ располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском. В среднем сайт КИСИ ежегодно посещают примерно 200 тысяч пользователей, свыше половины которых — из стран дальнего и ближнего зарубежья.

В КИСИ ежегодно проводится большое количество международных научных конференций, семинаров, «круглых столов». Особый интерес у зарубежных экспертов вызывают ежегодные конференции КИСИ, проводимые с 2003 г. и посвященные про-

блемам безопасности и сотрудничества в Центральной Азии. В научных форумах КИСИ принимают участие не только эксперты из Казахстана и стран Центральной Азии, но и ученые из России, Китая, Германии, Франции, Индии, Ирана, Турции, Пакистана, Японии и других стран.

На базе КИСИ постоянно проходят стажировку и преддипломную практику студенты ведущих казахстанских высших учебных заведений, а также зарубежные эксперты.

В настоящее время в институте созданы необходимые условия для профессионального и научного роста сотрудников.

Более подробную информацию о КИСИ можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 050010, Алматы,
пр. Достык, 87^{«б»}
Тел.: +7 (727) 264-34-04
Факс: +7 (727) 264-49-95
E-mail: office@kisi.kz
<http://www.kisi.kz>

**About the Kazakhstan Institute
for Strategic Studies under
the President of the Republic of Kazakhstan**

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (KazISS) was established on June 16, 1993 by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan.

Since its foundation the main mission of the KazISS as the national research institution is to provide analytical support to the President of the Republic of Kazakhstan

The KazISS enjoys a reputation of the leading think tank of Kazakhstan as it employs a highly professional pool of experts; at present it includes ten doctors and thirteen candidates of sciences, who specialize in political science, history, economics and sociology.

The KazISS have published more than 200 books on international relations, global and regional security, economics and politics. The Institute is publishing four journals: the *Kogam jane Dayir* in Kazakh, the *Kazakhstan-Spectrum*, and the *Analytic* in Russian, the *Central Asia's Affairs* in English. The KazISS has a trilingual website.

The KazISS holds a great number of international conferences, seminars and round tables, including the Annual Conferences (regularly held since 2003) on the issues security and cooperation in Central Asia.

The KazISS is the basis for both professional practice work of students from the leading Kazakhstan universities and fellowship of the experts representing foreign research institutions.

Contact us for any further information:

The Dostyk Avenue, 87 'b'
050010, Almaty
Republic of Kazakhstan
Tel: +7 (727) 264-34-04
Fax.: +7 (727) 264-49-95
E-mail: office@kisi.kz
<http://www.kisi.kz>

Для заметок

Для заметок

Научное издание

**ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ — КАЗАХСТАН — РОССИЯ:
ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА С КИТАЕМ**

Сборник материалов IV Международной
научно-практической конференции
г. Алматы, 21 июня 2011 г.

Редактор-корректор **Н.И. Шестакова**
Дизайн обложки **Е.В. Игнатенко**
Верстка **А.А. Жумагалиева**

Подписано в печать 03.11.2011. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 14,25.
Тираж 500 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
050010, Алматы, пр. Достык, 87^{«б»}.

Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.»
г. Алматы